

ISSN 2409-7136 www.aurora-group.eu
www.nbpublish.com

ЮРИДИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ



*AURORA Group s.r.o.
nota bene*

Выходные данные

Номер подписан в печать: 01-06-2025

Учредитель: Даниленко Василий Иванович, w.danilenko@nbpublish.com

Издатель: ООО <НБ-Медиа>

Главный редактор: Даниленко Денис Васильевич, доктор права (Франция),
danilenko_d@mail.ru

ISSN: 2409-7136

Контактная информация:

Выпускающий редактор - Зубкова Светлана Вадимовна

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Почтовый адрес редакции: 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Библиотека журнала по адресу: http://www.nbpublish.com/library_tariffs.php

Publisher's imprint

Number of signed prints: 01-06-2025

Founder: Danilenko Vasiliiy Ivanovich, w.danilenko@nbpublish.com

Publisher: NB-Media ltd

Main editor: Danilenko Denis Vasil'evich, doktor prava (Frantsiya), danilenko_d@mail.ru

ISSN: 2409-7136

Contact:

Managing Editor - Zubkova Svetlana Vadimovna

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Address of the editorial board : 115114, Moscow, Paveletskaya nab., 6A, office 211 .

Library Journal at : http://en.nbpublish.com/library_tariffs.php

Редсовет

Главный редактор

Даниленко Денис Васильевич - доктор права (Франция), главный редактор журналов «Право и политика» и "Юридические исследования", исполнительный директор академической издательской группы «НОТА ВЕНЕ» (ООО «НБ-МЕДИА»).
115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Редсовет

Сыченко Елена Вячеславовна – PhD (университет Катании, Италия) , доцент кафедры трудового права Санкт-Петербургского государственного университета, 199034, Санкт-Петербург, 22 линия В.О., 7. e.sychenko@mail.ru

Нарутто Светлана Васильевна – доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 125993. Москва, ул. Садовая-Кудринская 9, svetanarutto@yandex.ru

Кравец Игорь Александрович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории истории государства и права, конституционного права Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, 630090, Новосибирская область, г. Новосибирск, ул. Пирогова, 1, kraigor@gmail.com

Гомонов Николай Дмитриевич – доктор юридических наук, профессор, Северо-Западный институт (филиал) Московского гуманитарно-экономического университета, декан юридического факультета, 183052, г. Мурманск, просп. Кольский, 51, Gomonov_Nikolay@mail.ru

Беляева Галина Сергеевна – доктор юридических наук, профессор, Юго-Западный государственный университет кафедра теории и истории государства и права, 308015, Россия, г. Белгород, ул. Победы, 85,

Костенко Николай Иванович – доктор юридических наук, профессор Кубанский государственный университет, кафедра международного права, 350915, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Восточно-Кругликовская, 76/4, кв. 133

Боярский Marek - доктор права, профессор, ректор Университета Вроцлав, Польша; Poland, Pl. Uniwersytecki 1 50-137 Wroclaw, rooms 109 and 120, 1st floor

Графский Владимир Георгиевич - доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник, заведующий сектором права, государства и политических учений, заведующий Центром теории и истории Института государства и права Российской академии наук. 119019. Россия, г. Москва, ул. Знаменка, д.10.

Герд Винтер - доктор права, профессор, директор Научно-исследовательского Центра Европейского права окружающей среды Бременского университета (г. Бремен, Германия). Universität Bremen, Universitätsallee, GW I D 28359 Bremen gwinter@uni-bremen.de

Гузик-Макарук Эва Моника - доктор права, профессор Университета в Белостоке, Польша Poland, Room 109, ul. Mickiewicza 1, 15-213 Bialystok, Email: ewa.guzik@uwb.edu.pl

Гуляихин Вячеслав Николаевич – доктор философских наук, заведующий кафедрой социальной работы и педагогики Волгоградского государственного университета

Даниленко Василий Иванович - кандидат политических наук, председатель совета директоров академической издательской группы «NOTA BENE» (ООО «НБ-МЕДИА») 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Даниленко Денис Васильевич - доктор права (Франция), главный редактор журналов «Право и политика» и "Юридические исследования", исполнительный директор академической издательской группы «НОТА ВЕНЕ» (ООО «НБ-МЕДИА»). 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Добрынин Николай Михайлович - доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и муниципального права Института государства и права Тюменского государственного университета. 625000. Россия, г. Тюмень, ул. Ленина, 38.

Желински Мартин - доктор права, профессор, Конституционный трибунал Республики Польша (Constitutional Tribunal (Poland))Poland, 00-918 Warsaw, Al. J. Ch. Szucha 12a

Ковлер Анатолий Иванович -доктор юридических наук, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ. Большая Черемушкинская ул., 34, Москва, 117218

Курбанов Рашад Афатович - доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова: 117997, Российская Федерация, г. Москва, Стремянный пер., 36

Марочкин Сергей Юрьевич - профессор, доктор юридических наук, Заслуженный юрист РФ, директор Института государства и права Тюменского государственного университета. 625003, Россия, г. Тюмень, ул. Семакова, дом 10, Институт государства и права

Наган Винстон Персиваль - доктор права, профессор права Университета Флориды (школа права имени Левина), директор Института прав человека, мира и развития, профессор антропологии Брейзноуз Колледжа (Оксфорд), член Королевского общества искусств (Royal Society of the Arts, Лондон), член Комиссии по конституционным вопросам ЮАР (США). Brasenose College, Oxford, OX1, 4AJ. United Kingdom

Перихт Алла Альфредовна - кандидат юридических наук, научный сотрудник юридического факультета Университета г. Гамбурга. Universitat Hamburg Mittelweg 177 20148 Hamburg Germany

Тихомиров Юрий Александрович – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ; 117218, Россия, Москва, ул. Б. Черемушкинская, 34

Хаммер Крег Саймон - доктор философии, консультант по вопросам международного права Всемирного банка реконструкции и развития, отдел развития новых банковских практик в сфере вовлеченности в гражданское общество, усиления и уважения разнообразия — CEERD, (г. Вашингтон, США). The World Bank Institute at the World Bank. 1818 H Street, NW, Washington, DC, United States of America, 20433

Коробеев Александр Иванович - доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедра уголовного права и криминологии, Дальневосточный федеральный университет. 690992, г. Владивосток, пос. Аякс, кампус ДВФУ,

Пешкова Христина Вячеславовна – доктор юридических наук, доцент заведующая

кафедрой гражданского, процессуального права, Центральный филиал Российского государственного университета правосудия, 394006, ул. 20-летия Октября, 95, Воронеж Peshkova1@yandex.ru

Редкоус Владимир Михайлович - доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора административного права и административного процесса ИГП РАН, профессор кафедры УДПООП ЦКШУ Академии управления МВД России. 119019 Москва, ул. Знаменка, д.10, E-mail: rwmmos@rambler.ru

Чернядьева Наталья Алексеевна - доктор юридических наук, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин, Крымский филиал Российского государственного университета правосудия. chernyadnatalya@yandex.ru

Альбов Алексей Павлович - доктор юридических наук, Всероссийский государственный университет юстиции (РПА), профессор , 107078, Россия, г. Москва, ул. Новая Басманная, 4-6, строение 3, кв. 348, aap62@yandex.ru

Аюпова Зауре Каримовна - доктор юридических наук, Казахский национальный университет, профессор, 050020, Казахстан, г. Алматы, ул. ул.Тайманова, 222, кв. 16, zaure567@yandex.ru

Беляева Галина Серафимовна - доктор юридических наук, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, заведующий кафедрой административного права и процесса, 308503, Россия, Белгородская область, пос. Майский, ул. Агрономическая, 5, gala.belyaeva2014@yandex.ru

Бидова Бэла Бертовна - доктор юридических наук, ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова», зав.кафедрой уголовного права, криминологии и национальной безопасности, 364060, Россия, Чеченская республика область, г. Грозный, ул. Субры Кишиевой, 7, кв. 63, bela_007@bk.ru

Васильев Алексей Михайлович - доктор исторических наук, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Кубанский государственный университет" (ФГБОУ ВО «КубГУ»), профессор кафедры уголовного права и криминологии, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Кубанский государственный университет" (ФГБОУ ВО «КубГУ»), профессор кафедры уголовного права и криминологии, 350072, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. 2-й кадетский переулок, 12, 12, alexey771977@mail.ru

Володина Людмила Мильтоновна - доктор юридических наук, Тюменский государственный университет, профессор, 111402, Россия, Москва область, г. Москва, ул. Вешняковская, 5 корпус 1, кв. 195, lm.volodina@yandex.ru

Галяшина Елена Игоревна - доктор юридических наук, ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» , Директор Центра правовой экспертизы в сфере противодействия идеологии терроризма и профилактики экстремизма, 123995, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9, оф. 721, eigaljashina@msal.ru

Гомонов Николай Дмитриевич - доктор юридических наук, федеральное государственное

бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Мурманский арктический государственный университет», профессор кафедры юриспруденции, 183010, Россия, Мурманская область, г. Мурманск, ул. Халтурина, 7, оф. 10, Gomonov_Nikolay@mail.ru

Калужина Марина Анатольевна - доктор юридических наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кубанский государственный университет» (ФГБОУ ВО «КубГУ»), профессор кафедры криминалистики и правовой информатики, Федеральное казенное учреждение «Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний» (ФКУ НИИ ФСИН России), ведущий научный сотрудник, 350047, Россия, г. г. Краснодар, ул. 1 Линия, 140, kaluzhina.marishka@yandex.ru

Кобец Петр Николаевич - доктор юридических наук, Всероссийский научно-исследовательский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации», главный научный сотрудник отдела научной информации, подготовки научных кадров и обеспечения деятельности научных советов Центра организационного обеспечения научной деятельности, 121069, Россия, г. Москва, ул. Поварская, д. 25, стр. 1, pkobets37@rambler.ru

Кротов Андрей Владиславович - доктор юридических наук, 603054, Россия, г. Нижний Новгород, ул. а/я 33, 33, pravonnov@yandex.ru

Кудратов Некруз Абдунабиевич - доктор юридических наук, Таджикский государственный университет коммерции, Декан факультета, 734061, Таджикистан, г. Душанбе, ул. Дехоти, 1/2, каб. 309, nek-kudratov@mail.ru

Матвеев Антон Геннадьевич - доктор юридических наук, ФГАОУВО "Пермский государственный национальный исследовательский университет", профессор кафедры гражданского права, la-musica@yandex.ru

Новиков Алексей Валерьевич - доктор педагогических наук, Федеральное казенное учреждение "Научно-исследовательский институт ФСИН России", Главный научный сотрудник, Астраханский государственный университет , Профессор кафедры уголовного права, 140072, Россия, Московская область, пос. Томилино, ул. Пушкина, 59В, -, novikov.pravo@mail.ru

Редкоус Владимир Михайлович - доктор юридических наук, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт государства и права Российской академии наук, ведущий научный сотрудник сектора административного права и административного процесса , Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации», Профессор кафедры управления деятельностью подразделений обеспечения охраны общественного порядка центра командно-штабных учений, 117628, Россия, г. Москва, ул. Знаменские садки, 1 корпус 1, кв. 12, rwmmos@rambler.ru

Рогова Евгения Викторовна - доктор юридических наук, Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин, Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации , профессор кафедры уголовного процесса, 664081, Россия, Иркутская область, г. Иркутск, мкр. Крылатый, 24/3, кв. 20, rev-80@yandex.ru

Рыжов Валерий Борисович - Doctor of Juridical Science (S. J. D. or J. S. D.), Московский институт юриспруденции, заведующий криминалистической лабораторией , 125057, Россия, г. Москва, Ленинградский проспект, 75, корп. 1 А, кв. 291, valeriy_ryzhov@mail.ru

Сайфутдинов Тахир Исмаилджанович - доктор юридических наук, Кыргызско-Казахский университет, проректор по научной работе, Ошский государственный юридический институт, профессор кафедры уголовного права и процесса, 720072, Киргизия, г. Бишкек, ул. Тулебердиева, 80, saifutdinovt@bk.ru

Council of editors

Editor-in-Chief

Denis Vasiliyevich Danilenko - Doctor of Law (France), editor-in-chief of the journals "Law and Politics" and "Legal Studies", Executive Director of the academic publishing group "NOTA BENE" (NB-MEDIA LLC). 115114, Moscow, Paveletskaya Embankment, 6A, office 211.

Editorial Board

Sychenko Elena Vyacheslavovna – PhD (University of Catania, Italy), Associate Professor of the Department of Labor Law of St. Petersburg State University, 199034, St. Petersburg, 22 line V.O., 7. e.sychenko@mail.ru

Narutto Svetlana Vasilyevna – Doctor of Law, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Kutafin Moscow State Law University (MGUA), 125993. Moscow, Sadovaya-Kudrinskaya str. 9, svetanarutto@yandex.ru

Igor Kravets – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Theory of the History of State and Law, Constitutional Law Novosibirsk National Research State University, 630090, Novosibirsk Region, Novosibirsk, Pirogova str., 1, kraigor@gmail.com

Nikolay Dmitrievich Gomonov – Doctor of Law, Professor, North-Western Institute (branch) Moscow University of Humanities and Economics, Dean of the Faculty of Law, 183052, Murmansk, ave. Kola, 51, Gomonov_Nikolay@mail.ru

Belyaeva Galina Serafimovna – Doctor of Law, Professor, Southwest State University, Department of Theory and History of State and Law, 85 Pobedy Str., Belgorod, 308015, Russia,

Kostenko Nikolay Ivanovich – Doctor of Law, Professor, Kuban State University, Department of International Law, 350915, Russia, Krasnodar Territory, Krasnodar, Vostochno-Kruglikovskaya str., 76/4, sq. 133

Bojarski Marek - Doctor of Law, Professor, Rector of the University of Wroclaw, Poland, Pl. Uniwersytecki 1 50-137 Wroclaw, rooms 109 and 120, 1st floor

Grafsky Vladimir Georgievich - Doctor of Law, Professor, Chief Researcher, Head of the Sector of Law, State and Political Studies, Head of the Center for Theory and History of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 119019. Russia, Moscow, Znamenka str., 10.

Gerd Winter is a Doctor of Law, Professor, Director of the Research Center for European Environmental Law at the University of Bremen (Bremen, Germany). Universit?t Bremen, Universit?tsallee, GW I D 28359 Bremen gwinter@uni-bremen.de

Guzik-Makaruk Eva Monica - Doctor of Law, Professor at the University of Bialystok, Poland Poland, Room 109, ul. Mickiewicza 1, 15-213 Bialystok, Email: ewa.guzik@uwb.edu.pl

Vyacheslav N. Gulyikhin – Doctor of Philosophy, Head of the Department of Social Work and Pedagogy of Volgograd State University

Danilenko Vasily Ivanovich - Candidate of Political Sciences, Chairman of the Board of Directors of the academic publishing group "NOTA BENE" (LLC "NB-MEDIA) 115114, Moscow,

Paveletskaya Embankment, house 6A, office 211.

Denis Vasilyevich Danilenko - Doctor of Law (France), editor-in-chief of the journals "Law and Politics" and "Legal Studies", Executive Director of the academic publishing group "NOTA BENE" (NB-MEDIA LLC). 115114, Moscow, Paveletskaya Embankment, 6A, office 211.

Dobrynin Nikolay Mikhailovich - Doctor of Law, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Institute of State and Law of Tyumen State University. 625000. Russia, Tyumen, Lenin str., 38.

Martin Zelinsky - Doctor of Law, Professor, Constitutional Tribunal of the Republic of Poland (Constitutional Tribunal (Poland))Poland, 00-918 Warsaw, Al. J. Ch. Szucha 12a

Kovler Anatoly Ivanovich - Doctor of Law, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation. Bolshaya Cheremushkinskaya str., 34, Moscow, 117218

Rashad Afatovich Kurbanov - Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Plekhanov Russian University of Economics: 36 Stremyanny Lane, Moscow, 117997, Russian Federation

Sergey Yuryevich Marochkin - Professor, Doctor of Law, Honored Lawyer of the Russian Federation, Director of the Institute of State and Law of Tyumen State University. 10 Semakova str., Tyumen, 625003, Russia, Institute of State and Law

Nagan Winston Percival - Doctor of Law, Professor of Law at the University of Florida (Levin School of Law), Director of the Institute of Human Rights, Peace and Development, Professor of Anthropology at Brasenose College (Oxford), Member of the Royal Society of the Arts (London), member of the Commission on Constitutional Issues of South Africa (USA). Brasenose College, Oxford, OX1, 4AJ. United Kingdom

Roerich Alla Alfredovna - Candidate of Law, Researcher at the Faculty of Law of the University of Hamburg. Universitat Hamburg Mittelweg 177 20148 Hamburg Germany

Tikhomirov Yuri Alexandrovich – Doctor of Law, Professor, Chief Researcher Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation; 34 B. Cheremushkinskaya str., Moscow, 117218, Russia

Hammer Craig Simon - PhD, Consultant on International Law of the World Bank for Reconstruction and Development, Department for the Development of New banking practices in the field of involvement in civil society, strengthening and respect for diversity — CEERD, (Washington, USA). The World Bank Institute at the World Bank. 1818 H Street, NW, Washington, DC, United States of America, 20433

Korobeev Alexander Ivanovich - Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Head of the Department of Criminal Law and Criminology, Far Eastern Federal University. 690992, Vladivostok, village Ajax, FEFU campus,

Hristina V. Peshkova – Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Civil and Procedural Law, Central Branch of the Russian State University of Justice, 95 20th Anniversary of October Str., Voronezh, 394006 Peshkova1@yandex.ru

Redkous Vladimir Mikhailovich - Doctor of Law, Professor, leading researcher of the Sector of Administrative Law and Administrative Process of the IGP RAS, Professor of the Department of UDPOP of the CCSHU Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 10

Znamenka str., Moscow, 119019, E-mail: rwmmos@rambler.ru

Natalia A. Chernyadyeva - Doctor of Law, Professor of the Department of State and Legal Disciplines, Crimean Branch of the Russian State University of Justice.
chernyadnatalya@yandex.ru

Alexey Pavlovich Albov - Doctor of Law, All-Russian State University of Justice (RPA), Professor, 4-6 Novaya Basmannaya str., building 3, sq. 348, Moscow, 107078, Russia,
aap62@yandex.ru

Ayupova Zaure Karimovna - Doctor of Law, Kazakh National University, Professor, 050020, Kazakhstan, Almaty, ul. Taimanova, 222, sq. 16, zaure567@yandex.ru

Belyaeva Galina Serafimovna - Doctor of Law, Belgorod State National Research University, Head of the Department of Administrative Law and Procedure, 308503, Russia, Belgorod region, village Maysky, Agronomic str., 5, gala.belyaeva2014@yandex.ru

Bidova Bela Bertovna - Doctor of Law, Kadyrov Chechen State University, Head of the Department of Criminal Law, Criminology and National Security, 364060, Russia, Chechen Republic region, Grozny, ul. Subry Kishieva, 7, sq. 63, bela_007@bk.ru

Vasiliev Alexey Mikhailovich - Doctor of Historical Sciences, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kuban State University" (FGBOU VO "KubGU"), Professor of the Department of Criminal Law and Criminology, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kuban State University" (FGBOU VO "KubGU"), Professor of the Department of Criminal Law and Criminology criminology, 350072, Russia, Krasnodar Territory, Krasnodar, ul. 2nd kadetskiy lane, 12, 12, alexey771977@mail.ru

Volodina Lyudmila Miltonovna - Doctor of Law, Tyumen State University, Professor, 111402, Russia, Moscow region, Moscow, Veshnyakovskaya str., 5 building 1, sq. 195, lm.volodina@yandex.ru

Elena Igorevna Galyashina - Doctor of Law, O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSLA), Director of the Center for Legal Expertise in Countering the Ideology of Terrorism and Preventing Extremism, 9 Sadovaya-Kudriskaya str., office 721, Moscow, 123995, Russia, eigaljashina@msal.ru

Nikolay Dmitrievich Gomonov - Doctor of Law, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Murmansk Arctic State University", Professor of the Department of Jurisprudence, 7 Khalturina str., office 10, Murmansk, Murmansk Region, 183010, Russia, Gomonov_Nikolay@mail.ru

Kaluzhina Marina Anatolyevna - Doctor of Law, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kuban State University" (FGBOU VO "KubGU"), Professor of the Department of Criminalistics and Legal Informatics, Federal state Institution "Research Institute of the Federal Penitentiary Service" (FKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia), leading researcher, 350047, Russia, Krasnodar, 1 Liniya str., 140, kaluzhina.marishka@yandex.ru

Kobets Pyotr Nikolaevich - Doctor of Law, All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Chief Researcher of the Department of Scientific

Information, Training of Scientific Personnel and Ensuring the activities of Scientific Councils of the Center for Organizational Support of Scientific Activity, 121069, Russia, Moscow, Povarskaya str., 25, p. 1, pkobets37@rambler.ru

Andrey Vladislavovich Krotov - Doctor of Law, 603054, Russia, Nizhny Novgorod, 33 a/ya str., 33, pravonnov@yandex.ru

Kudratov Nekruz Abdunabievich - Doctor of Law, Tajik State University of Commerce, Dean of the Faculty, 734061, Tajikistan, Dushanbe, 1/2 Dekhoti str., room 309, nek-kudratov@mail.ru

Matveev Anton Gennadievich - Doctor of Law, Perm State National Research University, Professor of the Department of Civil Law, 614051, Russia, Perm Krai, Perm, ul. Uinskaya, 13, sq. 124, la-musica@yandex.ru

Alexey V. Novikov - Doctor of Pedagogical Sciences, Federal State Institution "Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia", Chief Researcher, Astrakhan State University, Professor of the Department of Criminal Law, 140072, Russia, Moscow region, village. Tomilino, Pushkin str., 59B, -, novikov.pravo@mail.ru

Redkous Vladimir Mikhailovich - Doctor of Law, Federal State Budgetary Institution of Science Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Leading Researcher of the Sector of Administrative Law and Administrative Process, Federal State State Educational Institution of Higher Education "Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation", Professor of the Department of Management of Public Order Units of the Center for Command and Controlstaff exercises, 117628, Russia, Moscow, Znamenskiye sadki str., 1 building 1, sq. 12, rwmmos@rambler.ru

Rogova Evgeniya Viktorovna - Doctor of Law, Irkutsk Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Professor of the Department of Criminal Law Disciplines, East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Professor of the Department of Criminal Procedure, 664081, Russia, Irkutsk region, Irkutsk, md. Winged, 24/3, sq. 20, rev-80@yandex.ru

Ryzhov Valery Borisovich - Doctor of Judicial Science (S. J. D. or J. S. D.), Moscow Institute of Jurisprudence, Head of the Forensic Laboratory, 125057, Russia, Moscow, Leningradsky Prospekt, 75, building 1 A, sq. 291, valeriy_ryzhov@mail.ru

Sayfutdinov Tahir Ismaildzhanovich - Doctor of Law, Kyrgyz-Kazakh University, Vice-Rector for Research, Osh State Law Institute, Professor of the Department of Criminal Law and Procedure, 80 Tuleberdieva Str., Bishkek, 720072, Kyrgyzstan, saifutdinovt@bk.ru

Требования к статьям

Журнал является научным. Направляемые в издательство статьи должны соответствовать тематике журнала (с его рубрикатором можно ознакомиться на сайте издательства), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям.

Рекомендуемый объем от 12000 знаков.

Структура статьи должна соответствовать жанру научно-исследовательской работы. В ее содержании должны обязательно присутствовать и иметь четкие смысловые разграничения такие разделы, как: предмет исследования, методы исследования, апелляция к оппонентам, выводы и научная новизна.

Не приветствуется, когда исследователь, трактуя в статье те или иные научные термины, вступает в заочную дискуссию с авторами учебников, учебных пособий или словарей, которые в узких рамках подобных изданий не могут широко излагать свое научное воззрение и заранее оказываются в проигрышном положении. Будет лучше, если для научной полемики Вы обратитесь к текстам монографий или докторских диссертаций работ оппонентов.

Не превращайте научную статью в публицистическую: не наполняйте ее цитатами из газет и популярных журналов, ссылками на высказывания по телевидению.

Ссылки на научные источники из Интернета допустимы и должны быть соответствующим образом оформлены.

Редакция отвергает материалы, напоминающие реферат. Автору нужно не только продемонстрировать хорошее знание обсуждаемого вопроса, работ ученых, исследовавших его прежде, но и привнести своей публикацией определенную научную новизну.

Не принимаются к публикации избранные части из докторских диссертаций, книг, монографий, поскольку стиль изложения подобных материалов не соответствует журнальному жанру, а также не принимаются материалы, публиковавшиеся ранее в других изданиях.

В случае отправки статьи одновременно в разные издания автор обязан известить об этом редакцию. Если он не сделал этого заблаговременно, рискует репутацией: в дальнейшем его материалы не будут приниматься к рассмотрению.

Уличенные в плагиате попадают в «черный список» издательства и не могут рассчитывать на публикацию. Информация о подобных фактах передается в другие издательства, в ВАК и по месту работы, учебы автора.

Статьи представляются в электронном виде только через сайт издательства <http://www.enotabene.ru> кнопка "Авторская зона".

Статьи без полной информации об авторе (соавторах) не принимаются к рассмотрению, поэтому автор при регистрации в авторской зоне должен ввести полную и корректную информацию о себе, а при добавлении статьи - о всех своих соавторах.

Не набирайте название статьи прописными (заглавными) буквами, например: «ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ...» — неправильно, «История культуры...» — правильно.

При добавлении статьи необходимо прикрепить библиографию (минимум 10–15 источников, чем больше, тем лучше).

При добавлении списка использованной литературы, пожалуйста, придерживайтесь следующих стандартов:

- [ГОСТ 7.1-2003 Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления.](#)
- [ГОСТ 7.0.5-2008 Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления](#)

В каждой ссылке должен быть указан только один диапазон страниц. В теле статьи ссылка на источник из списка литературы должна быть указана в квадратных скобках, например, [1]. Может быть указана ссылка на источник со страницей, например, [1, с. 57], на группу источников, например, [1, 3], [5-7]. Если идет ссылка на один и тот же источник, то в теле статьи нумерация ссылок должна выглядеть так: [1, с. 35]; [2]; [3]; [1, с. 75-78]; [4]....

А в библиографии они должны отображаться так:

[1]
[2]
[3]
[4]....

Постраничные ссылки и сноски запрещены. Если вы используете сноски, не содержащую ссылку на источник, например, разъяснение термина, включите сноски в текст статьи.

После процедуры регистрации необходимо прикрепить аннотацию на русском языке, которая должна состоять из трех разделов: Предмет исследования; Метод, методология исследования; Новизна исследования, выводы.

Прикрепить 10 ключевых слов.

Прикрепить саму статью.

Требования к оформлению текста:

- Кавычки даются углками (« ») и только кавычки в кавычках — лапками (" ").
- Тире между датамидается короткое (Ctrl и минус) и без отбивок.
- Тире во всех остальных случаяхдается длинное (Ctrl, Alt и минус).
- Даты в скобках даются без г.: (1932–1933).
- Даты в тексте даются так: 1920 г., 1920-е гг., 1540–1550-е гг.
- Недопустимо: 60-е гг., двадцатые годы двадцатого столетия, двадцатые годы XX столетия, 20-е годы ХХ столетия.
- Века, король такой-то и т.п. даются римскими цифрами: XIX в., Генрих IV.
- Инициалы и сокращения даются с пробелом: т. е., т. д., М. Н. Иванов. Неправильно: М.Н. Иванов, М.Н. Иванов.

ВСЕ СТАТЬИ ПУБЛИКУЮТСЯ В АВТОРСКОЙ РЕДАКЦИИ.

По вопросам публикации и финансовым вопросам обращайтесь к администратору Зубковой Светлане Вадимовне
E-mail: info@nbpublish.com
или по телефону +7 (966) 020-34-36

Подробные требования к написанию аннотаций:

Аннотация в периодическом издании является источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований.

Аннотация выполняет следующие функции: дает возможность установить основное

содержание документа, определить его релевантность и решить, следует ли обращаться к полному тексту документа; используется в информационных, в том числе автоматизированных, системах для поиска документов и информации.

Аннотация к статье должна быть:

- информативной (не содержать общих слов);
- оригинальной;
- содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье);

Аннотация включает следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов; новизна;
- выводы.

Результаты работы описывают предельно точно и информативно. Приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности. При этом отдается предпочтение новым результатам и данным долгосрочного значения, важным открытиям, выводам, которые опровергают существующие теории, а также данным, которые, по мнению автора, имеют практическое значение.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье.

Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации. Следует избегать лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает...», «в статье рассматривается...»).

Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся.

В тексте аннотации следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций.

Гонорары за статьи в научных журналах не начисляются.

Цитирование или воспроизведение текста, созданного ChatGPT, в вашей статье

Если вы использовали ChatGPT или другие инструменты искусственного интеллекта в своем исследовании, опишите, как вы использовали этот инструмент, в разделе «Метод» или в аналогичном разделе вашей статьи. Для обзоров литературы или других видов эссе, ответов или рефератов вы можете описать, как вы использовали этот инструмент, во введении. В своем тексте предоставьте prompt - командный вопрос, который вы использовали, а затем любую часть соответствующего текста, который был создан в ответ.

К сожалению, результаты «чата» ChatGPT не могут быть получены другими читателями, и хотя невосстановимые данные или цитаты в статьях APA Style обычно цитируются как личные сообщения, текст, сгенерированный ChatGPT, не является сообщением от человека.

Таким образом, цитирование текста ChatGPT из сеанса чата больше похоже на совместное использование результатов алгоритма; таким образом, сделайте ссылку на автора алгоритма записи в списке литературы и приведите соответствующую цитату в тексте.

Пример:

На вопрос «Является ли деление правого полушария левого полушария реальным или метафорой?» текст, сгенерированный ChatGPT, показал, что, хотя два полушария мозга в некоторой степени специализированы, «обозначение, что люди могут быть охарактеризованы как «левополушарные» или «правополушарные», считается чрезмерным упрощением и популярным мифом» (OpenAI, 2023).

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Вы также можете поместить полный текст длинных ответов от ChatGPT в приложение к своей статье или в дополнительные онлайн-материалы, чтобы читатели имели доступ к точному тексту, который был сгенерирован. Особенno важно задокументировать созданный текст, потому что ChatGPT будет генерировать уникальный ответ в каждом сеансе чата, даже если будет предоставлен один и тот же командный вопрос. Если вы создаете приложения или дополнительные материалы, помните, что каждое из них должно быть упомянуто по крайней мере один раз в тексте вашей статьи в стиле APA.

Пример:

При получении дополнительной подсказки «Какое представление является более точным?» в тексте, сгенерированном ChatGPT, указано, что «разные области мозга работают вместе, чтобы поддерживать различные когнитивные процессы» и «функциональная специализация разных областей может меняться в зависимости от опыта и факторов окружающей среды» (OpenAI, 2023; см. Приложение А для полной расшифровки). .

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat> Создание ссылки на ChatGPT или другие модели и программное обеспечение ИИ

Приведенные выше цитаты и ссылки в тексте адаптированы из шаблона ссылок на программное обеспечение в разделе 10.10 Руководства по публикациям (Американская психологическая ассоциация, 2020 г., глава 10). Хотя здесь мы фокусируемся на ChatGPT, поскольку эти рекомендации основаны на шаблоне программного обеспечения, их можно адаптировать для учета использования других больших языковых моделей (например, Bard), алгоритмов и аналогичного программного обеспечения.

Ссылки и цитаты в тексте для ChatGPT форматируются следующим образом:

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Цитата в скобках: (OpenAI, 2023)

Описательная цитата: OpenAI (2023)

Давайте разберем эту ссылку и посмотрим на четыре элемента (автор, дата, название и

источник):

Автор: Автор модели OpenAI.

Дата: Дата — это год версии, которую вы использовали. Следуя шаблону из Раздела 10.10, вам нужно указать только год, а не точную дату. Номер версии предоставляет конкретную информацию о дате, которая может понадобиться читателю.

Заголовок. Название модели — «ChatGPT», поэтому оно служит заголовком и выделено курсивом в ссылке, как показано в шаблоне. Хотя OpenAI маркирует уникальные итерации (например, ChatGPT-3, ChatGPT-4), они используют «ChatGPT» в качестве общего названия модели, а обновления обозначаются номерами версий.

Номер версии указан после названия в круглых скобках. Формат номера версии в справочниках ChatGPT включает дату, поскольку именно так OpenAI маркирует версии. Различные большие языковые модели или программное обеспечение могут использовать различную нумерацию версий; используйте номер версии в формате, предоставленном автором или издателем, который может представлять собой систему нумерации (например, Версия 2.0) или другие методы.

Текст в квадратных скобках используется в ссылках для дополнительных описаний, когда они необходимы, чтобы помочь читателю понять, что цитируется. Ссылки на ряд общих источников, таких как журнальные статьи и книги, не включают описания в квадратных скобках, но часто включают в себя вещи, не входящие в типичную рецензируемую систему. В случае ссылки на ChatGPT укажите дескриптор «Большая языковая модель» в квадратных скобках. OpenAI описывает ChatGPT-4 как «большую мультимодальную модель», поэтому вместо этого может быть предоставлено это описание, если вы используете ChatGPT-4. Для более поздних версий и программного обеспечения или моделей других компаний могут потребоваться другие описания в зависимости от того, как издатели описывают модель. Цель текста в квадратных скобках — кратко описать тип модели вашему читателю.

Источник: если имя издателя и имя автора совпадают, не повторяйте имя издателя в исходном элементе ссылки и переходите непосредственно к URL-адресу. Это относится к ChatGPT. URL-адрес ChatGPT: <https://chat.openai.com/chat>. Для других моделей или продуктов, для которых вы можете создать ссылку, используйте URL-адрес, который ведет как можно более напрямую к источнику (т. е. к странице, на которой вы можете получить доступ к модели, а не к домашней странице издателя).

Другие вопросы о цитировании ChatGPT

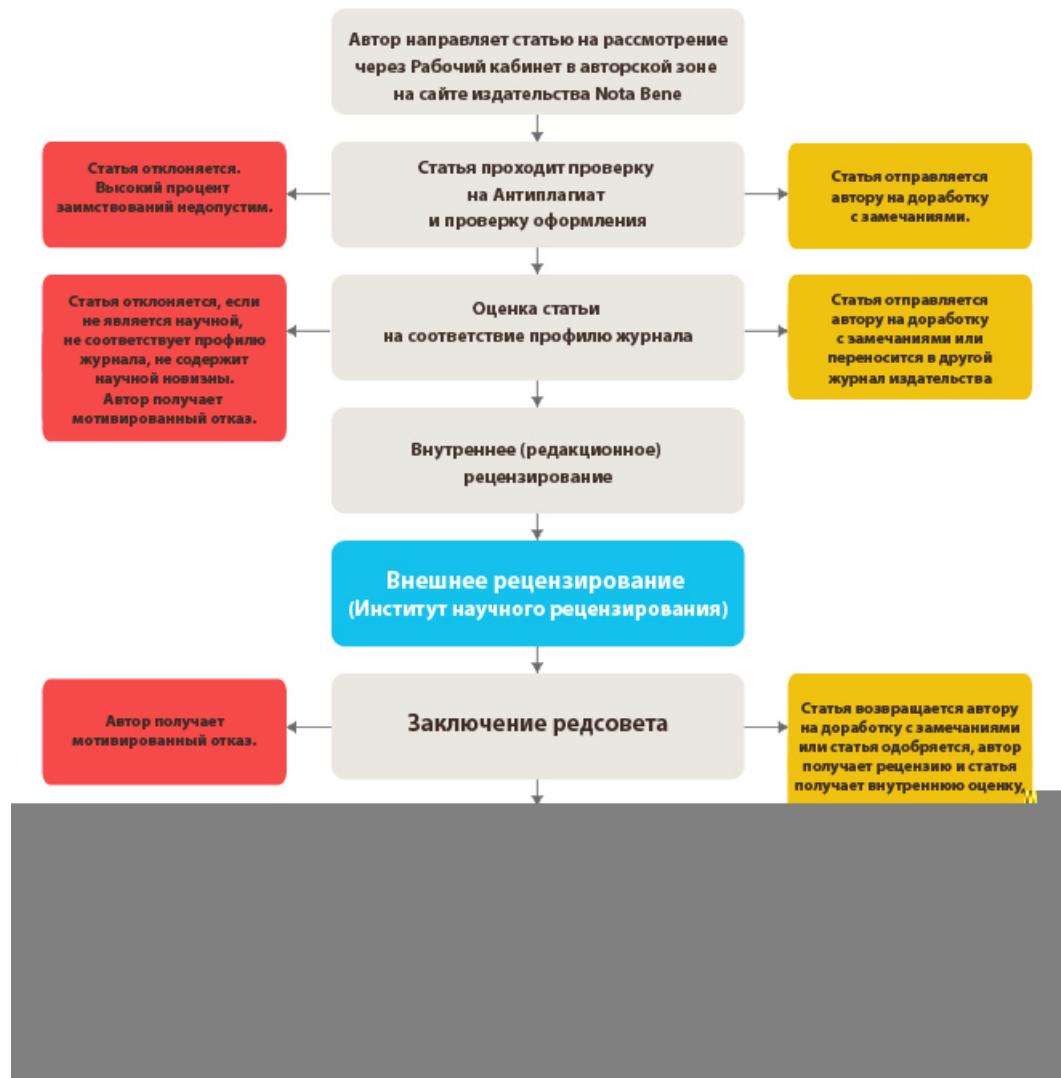
Вы могли заметить, с какой уверенностью ChatGPT описал идеи латерализации мозга и то, как работает мозг, не ссылаясь ни на какие источники. Я попросил список источников, подтверждающих эти утверждения, и ChatGPT предоставил пять ссылок, четыре из которых мне удалось найти в Интернете. Пятая, похоже, не настоящая статья; идентификатор цифрового объекта, указанный для этой ссылки, принадлежит другой статье, и мне не удалось найти ни одной статьи с указанием авторов, даты, названия и сведений об источнике, предоставленных ChatGPT. Авторам, использующим ChatGPT или аналогичные инструменты искусственного интеллекта для исследований, следует подумать о том, чтобы сделать эту проверку первоисточников стандартным процессом. Если источники являются реальными, точными и актуальными, может быть лучше прочитать эти первоисточники, чтобы извлечь уроки из этого исследования, и перефразировать или процитировать эти статьи, если применимо, чем использовать их интерпретацию модели.

Материалы журналов включены:

- в систему Российского индекса научного цитирования;
- отображаются в крупнейшей международной базе данных периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory, что гарантирует значительное увеличение цитируемости;
- Всем статьям присваивается уникальный идентификационный номер Международного регистрационного агентства DOI Registration Agency. Мы формируем и присваиваем всем статьям и книгам, в печатном, либо электронном виде, оригинальный цифровой код. Префикс и суффикс, будучи прописанными вместе, образуют определяемый, цитируемый и индексируемый в поисковых системах, цифровой идентификатор объекта — digital object identifier (DOI).

[Отправить статью в редакцию](#)

Этапы рассмотрения научной статьи в издательстве NOTA BENE.



Содержание

Войкова Н.А., Мореева С.Н., Мацаева Т.В. Интернет-продажи сильнодействующих веществ: регулирование и пробелы законодательства	1
Гайворонская Л.В. Проблемы удовлетворения ходатайства о тенденциозности коллегии присяжных заседателей	22
Ильменева В.А. Правовой режим веществ: отходы производства и потребления, побочный продукт производства, вторичное сырье, вторичные ресурсы	36
Денисов Ю.П. Административная ответственность за правонарушения в области охраны исторической памяти в Российской Федерации и Республике Беларусь	50
Поярков С.Ю. Пересмотр концепции государственного суверенитета в контексте трансформации современного конституционализма: от абсолютного суверенитета к «разделяемому»	64
Англоязычные метаданные	84

Contents

Voykova N.A., Moreeva S.N., Matsaeva T.V. Internet sales of potent substances: regulation and gaps in legislation	1
Gaivoronskaia L.V. The problems of satisfying the petition on the bias of the jury	22
Il'meneva V.A. Legal regime of substances: wastes, by-product, secondary raw materials, secondary resources	36
Denisov Y.P. Administrative liability for offenses in the field of historical memory protection in the Russian Federation and the Republic of Belarus	50
Poyarkov S.Y. Revisiting the Concept of State Sovereignty in the Context of the Transformation of Modern Constitutionalism: From Absolute Sovereignty to "Shared" Sovereignty	64
Metadata in english	84

Юридические исследования*Правильная ссылка на статью:*

Войкова Н.А., Мореева С.Н., Мацаева Т.В. Интернет-продажи сильнодействующих веществ: регулирование и пробелы законодательства // Юридические исследования. 2025. № 5. DOI: 10.25136/2409-7136.2025.5.73904
EDN: ADEHFM URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73904

**Интернет-продажи сильнодействующих веществ:
регулирование и пробелы законодательства****Войкова Наталья Андреевна**

ORCID: 0000-0001-7710-5431

кандидат юридических наук

доцент; Юридический институт; Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы
115419, Россия, г. Москва, Даниловский р-н, ул. Серпуховский Вал, д. 24 к. 2, кв. 3

□ vojkova.n@mail.ru**Мореева Софья Николаевна**

кандидат юридических наук

зав. кафедрой; кафедра правоведения и практической юриспруденции; Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
доцент; Юридический институт; Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы

119571, Россия, г. Москва, р-н Тропарево-Никулино, ул. Академика Анохина, д. 9

□ moreeva-sn@ranepa.ru**Мацаева Татьяна Владимировна**

преподаватель; кафедра правоведения и практической юриспруденции; Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

143084, Россия, Московская обл., г. Одинцово, поселок Усово-Тупик, д. 10

□ matsaeva-tv@ranepa.ru[Статья из рубрики "Административное право"](#)**DOI:**

10.25136/2409-7136.2025.5.73904

EDN:

ADEHFM

Дата направления статьи в редакцию:

31-03-2025

Дата публикации:

16-05-2025

Аннотация: Предметом исследования выступают правовые механизмы, направленные на регулирование процесса дистанционной продажи сильнодействующих веществ и ядовитых химических соединений посредством использования сети Интернет. В статье последовательно и скрупулезно анализируются положения действующего российского законодательства в области оборота ядовитых веществ, рассматриваются существующие инструменты, направленные на обеспечение информационной безопасности, изучается возможность их применения по отношению к дистанционной продаже опасных и потенциально вредных веществ через онлайн-платформы. Особое внимание уделяется полномочиям Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, а также выявляются пробелы в этих полномочиях. Рассматриваются риски, возникающие вследствие свободного доступа к ядовитым соединениям в виртуальном пространстве, предлагаются правовые инструменты для предотвращения и пресечения подобных нарушений. Авторами использовались следующие методы: сравнительно-правовой (в рамках анализа нормативных актов, регулирующих оборот сильнодействующих и ядовитых веществ в России), системный (для выявления пробелов в законодательстве и оценки эффективности действующих механизмов контроля), технико-юридический. Эмпирическая часть исследования осуществлена путем мониторинга интернет-ресурсов, обращения в государственные органы, анализа судебной практики. Исследование подчеркивает важность актуализации мер правового регулирования, которые обеспечат невозможность оборота сильнодействующих веществ и ядов, а также ужесточение ответственности за нарушение соответствующих норм. На основании изложенного выше можно сформулировать следующие рекомендации. В сфере совершенствования законодательства необходимо 1) уточнить понятия «сильнодействующие» и «ядовитые вещества» в нормативных актах для единообразного применения закона; 2) внести изменения в ФЗ «Об информации...», включив сайты, распространяющие информацию о продаже ядовитых веществ, за незаконный оборот которых наступает ответственность по ст. 234 УК РФ, в перечень ресурсов, подлежащих блокировке без судебного решения (по аналогии с наркотиками). В рамках усиления контроля и развития межведомственного взаимодействия 1) необходимо наделить соответствующие органы (Роскомнадзор и МВД) полномочиями по мониторингу и пресечению онлайн-продаж опасных веществ, включая Даркнет; 2) создать единую базу данных запрещенных веществ и их аналогов для оперативного выявления новых схем оборота; 3) усилить сотрудничество с таможенными и почтовыми службами для перехвата посылок с ядами.

Ключевые слова:

Ядовитые вещества, электронная коммерция, нелегальная торговля, уголовное законодательство, административное право, киберугрозы, юридическая ответственность, угрозы здоровью, правоохранительная деятельность, токсикологические аспекты

В условиях стремительного развития информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) отмечается существенное увеличение объёмов дистанционной торговли посредством глобальной сети Интернет. Этот процесс связан с повсеместным внедрением цифровых платформ, мобильных приложений и электронных сервисов, которые

позволяют потребителям совершать покупки без необходимости физического посещения магазинов.

Рост онлайн-торговли обусловлен не только улучшением инфраструктуры ИКТ, но и изменениями в поведении потребителей, которые всё чаще предпочитают удобство и скорость интернет-шопинга традиционным формам покупок. Современные технологии предоставляют возможность легко сравнивать цены, выбирать товары по множеству параметров и получать их доставку прямо домой, что делает этот способ приобретения товаров особенно привлекательным для многих покупателей. Таким образом, можно утверждать, что развитие информационно-коммуникационных технологий оказывает значительное влияние на трансформацию традиционных моделей розничной торговли, открывая новые возможности как для бизнеса, так и для конечных потребителей.

Данный феномен связан с простотой доступа к онлайн-платформам, а также высокой степенью анонимности пользователей и трансграничным характером самой сети. Однако эти же факторы существенно усложняют мониторинг и регулирование продаж различных категорий товаров в цифровом пространстве, что создает благоприятные условия для распространения посредством сети Интернет товаров, свободный оборот которых представляет опасность для общества, включая распространение потенциально опасных веществ.

Несмотря на законодательные ограничения, направленные на предотвращение оборота отдельных групп товаров (например, алкоголя и табачных изделий), все большее количество продуктов становится доступным широкой аудитории вне зависимости от их целевого назначения. Это касается, в том числе, как фармацевтических средств, так и токсичных соединений различной природы и степени воздействия на организм человека.

При обнаружении нарушений действующего законодательства в работе интернет-платформ, занимающихся продажей лекарственных препаратов и фармацевтических средств, соответствующие контролирующие органы, такие как Роскомнадзор, имеют право принимать необходимые меры для ограничения доступа пользователей к этим онлайн-ресурсам (Федеральный закон от 27.07.2006 N 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»//Собрание законодательства РФ. - 31.07.2006. - N 31 (1 ч.). - Ст. 3448.). Однако возникает вопрос о мерах регулирования и контроля над электронными торговыми площадками, осуществляющими продажу ядовитых веществ.

Анализ литературы показывает, что в то время, как проблематика развития уголовного законодательства в сфере борьбы с незаконным оборотом ядовитых и сильнодействующих веществ, в принципе, находится в поле зрения исследователей [1,2,3], вопросы борьбы с распространением информации о возможности приобретения подобных веществ в научной среде фактически не разрабатываются, что определяет актуальность настоящего исследования, направленного на заполнение возникшего пробела.

Целью исследования является анализ пробелов в правовом регулировании онлайн-продаж сильнодействующих и ядовитых веществ в части контроля за распространением информации о продаже соответствующих субстанций, а также разработка конкретных предложений по совершенствованию законодательства и практики блокировки ресурсов, распространяющих информацию, которая способна причинить вред общественным интересам.

Правовое регулирование оборота ядовитых веществ

В целях развития потребительского рынка, стимулирования конкуренции, преодоления монополизма в сфере розничной торговли и создания условий для быстрого развития торговой и посреднической сети в условиях либерализации цен Указом Президента в 1992 году предприятиям независимо от форм собственности, а также гражданам предоставлено право осуществлять торговую, посредническую и закупочную деятельность без специальных разрешений с уплатой установленных платежей и сборов, за исключением торговли оружием, боеприпасами, взрывчатыми, ядовитыми и радиоактивными веществами, наркотиками, лекарственными средствами, проездными билетами и другими товарами, реализация которых запрещена или ограничена действующим законодательством (Указ Президента РФ от 29.01.1992 N 65 «О свободе торговли» //Ведомости СНД и ВС РФ. - 06.02.1992. - N 6. - Ст. 290).

Согласно статье 3 Федерального закона от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», одним из основных принципов правового регулирования отношений в области информации является обеспечение свободы поиска, получения, передачи, создания и распространения информации любыми законными способами (Федеральный закон от 27.07.2006 N 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»//Собрание законодательства РФ. - 31.07.2006. - N 31 (1 ч.). - Ст. 3448.). Ограничения доступа к информации, в свою очередь, могут устанавливаться исключительно на основании федеральных законов. Для защиты конституционных устоев, моральных ценностей, здоровья граждан, прав и законных интересов других лиц, а также обеспечения обороноспособности и государственной безопасности, доступ к определённой информации может быть ограничен согласно федеральным законам и указам Президента Российской Федерации, что закреплено в части 1 статьи 9 вышеуказанного Федерального закона.

Нельзя не согласиться с мнением М.Н. Степановой о том, «что для обеспечения эффективной защиты национальных интересов в сфере информационной безопасности необходим комплексный подход, включающий разработку и усовершенствование инфраструктуры киберзащиты, оптимизацию контроля за распространением контента в соответствии с законодательством РФ и улучшение законодательных рамок, адаптированных к современным технологиям» [\[4, С. 52\]](#). Развитие технологий в качестве негативного побочного эффекта влечет за собой облегчение распространения информации, способной причинить существенный вред обществу и отдельным людям. Так, глобальные информационно-коммуникационные сети, такие как Интернет, значительно облегчили доступ, кроме прочего, к потенциально опасным химическим соединениям и психоактивным веществам. Онлайновые торговые площадки позволяют реализовывать эти вещества с высокой степенью анонимности продавцов, что усложняет процесс идентификации лиц, совершивших правонарушения, а также последующее привлечение их к юридической ответственности

Сильнодействующие вещества и яды классифицируются по категориям, которые определяют их правовой статус и условия оборота. Эти категории включают:

- 1) **Запрещенные к свободной продаже** – вещества, доступ к которым строго ограничен законодательством. Они могут быть использованы только в определенных условиях и под строгим контролем.
- 2) **Ограниченные при экспорте и импорте** – вещества, оборот которых регулируется специальными международными соглашениями и национальным законодательством. Их

перемещение через границы контролируется для предотвращения незаконного использования и распространения.

Такие меры направлены на обеспечение безопасности общества и предотвращение злоупотреблений сильнодействующими веществами и ядами.

Указом Президента Российской Федерации от 22 февраля 1992 года № 179 был утвержден перечень видов продукции и производственных отходов, которые не подлежат свободной реализации, – это касается токсинов и сильнодействующих веществ (Указ Президента РФ от 22.02.1992 N 179 «О видах продукции (работ, услуг) и отходов производства, свободная реализация которых запрещена»//Российская газета. - N 61. - 16.03.1992.). В соответствии с этим указом была запрещена свободная продажа ядов, наркотических средств и психотропных веществ, включая такие вещества, как метанол (метиловый спирт), который представляет собой мощный нейротоксин и вазотоксический агент.

Этим же Указом Правительство Российской Федерации было уполномочено разработать процедуру реализации продукции, включенной в указанный перечень, обеспечить контроль над её выполнением, а также вносить соответствующие изменения и дополнения.

Во исполнение Указа, Постановлением Правительства Российской Федерации от 10 декабря 1992 года № 959 «О поставках продукции и отходов производства, свободная реализация которых запрещена» был утвержден список продукции, которая поставляется только тем потребителям, у которых имеется разрешение на её использование в Российской Федерации. Согласно указанному документу, решения относительно применения таких продуктов, как яды, принимаются Министерством здравоохранения Российской Федерации.

Постановление Правительства Российской Федерации от 30 июня 1998 года № 681 утвердило перечень наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих государственному контролю в Российской Федерации. Что касается токсинов, номенклатура этих веществ была утверждена постановлением Правительства Российской Федерации от 3 августа 1996 года № 930 (Постановление Правительства РФ от 3 августа 1996 г. N 930 «Об утверждении номенклатуры сильнодействующих и ядовитых веществ, не являющихся прекурсорами наркотических средств и психотропных веществ, на которые распространяется порядок ввоза в Российскую Федерацию и вывоза из Российской Федерации, утвержденный постановлением Правительства Российской Федерации от 16 марта 1996 г. N 278» // Собрание законодательства РФ. – 19.08.1996 г. - N 34. - Ст. 4122).

Совместным приказом Министерства внутренних дел Российской Федерации, Министерства юстиции Российской Федерации, Министерства здравоохранения Российской Федерации, Министерства экономики Российской Федерации, Государственного таможенного комитета Российской Федерации, Федеральной службы безопасности Российской Федерации и Федеральной пограничной службы Российской Федерации от 9 ноября 1999 года № 840/320/388/472/726/530/585 (Приказ МВД РФ N 840, Минюста РФ N 320, Минздрава РФ N 388, Минэкономики РФ N 472, ГТК РФ N 726 ФСБ РФ N 530, ФПС РФ N 585 от 09.11.1999 «Об утверждении Инструкции о порядке изъятия из незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, инструментов и оборудования, находящихся под специальным контролем и используемых для производства и изготовления наркотических средств и психотропных

веществ, а также их учета, хранения, передачи, использования и уничтожения» // По заключению Минюста РФ данный документ в государственной регистрации не нуждается. - Письмо Минюста РФ от 19.02.2002 N 07/1599-ЮД //Бюллетень Минюста РФ. - N 4. - 2002 (по заключению Минюста РФ данный документ в государственной регистрации не нуждается. - Письмо Минюста РФ от 19.02.2002 N 07/1599-ЮД) была утверждена инструкция о порядке изъятия из незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, инструментов и оборудования, находящихся под особым контролем и используемых для производства и изготовления наркотических средств и психотропных веществ, а также об учёте, хранении, передаче, использовании и уничтожении указанных предметов. Данная инструкция устанавливает унифицированный порядок изъятия из незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, внесённых в перечень, утверждённый постановлением Правительства Российской Федерации от 30 июня 1998 года № 681, а также инструментов и оборудования, находящихся под особым контролем и используемых для производства и изготовления данных веществ.

Проблематика оборота прекурсоров, аналогов и производных наркотических средств и психотропных веществ не относится к предмету настоящего исследования; в то же время считаем необходимым обратить внимание на позицию Р.Б. Осокина и Н.Н. Заливиной, которые подчеркивают, что «до настоящего времени нет всестороннего и полного законодательного регулирования этого направления. Отсутствует и единая методология проведения криминалистического исследования, результаты которого могли бы однозначно свидетельствовать об отнесении того или иного объекта к аналогу, прекурсору или производному наркотическому средства или психотропному веществу» [\[5\]](#).

Пункт 39 указанной выше инструкции предусматривает передачу изъятых или конфискованных наркотиков, инструментов и оборудования для последующего использования в оперативно-розыскной деятельности, экспертизе, научных исследованиях, образовательных целях, медицинской практике, промышленной переработке или уничтожении.

Стоит отметить, что, согласно примечанию к пункту 1 указанной выше Инструкции, ее требования распространяются также на сильнодействующие и ядовитые вещества.

Уже упомянутым ранее Постановлением Правительства Российской Федерации от 29.12.2007 № 964 утверждены Списки сильнодействующих и ядовитых веществ для целей статьи 234 и других статей Уголовного кодекса Российской Федерации, а также крупный размер сильнодействующих веществ для целей статьи 234 Уголовного кодекса Российской Федерации, согласно которому такое вещество, например, как стрихнин нитрат и его лекарственные формы в разных дозировках относится к ядовитым веществам.

Представляется разумным добавить, что санкция статьи 234 Уголовного кодекса Российской Федерации за незаконный оборот сильнодействующих или ядовитых веществ в целях сбыта предусматривает штраф в установленных положениями названной статьи размерах либо обязательные, исправительные или принудительные работы, либо лишение свободы до 7 лет (Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. N 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 17.06.1996 г. - N 25 - Ст. 2954).

По данным Судебного департамента при Верховном суде РФ в 2024 г. по всем частям ст. 234 УК РФ было осуждено 738 человек (из них 303 человека – по первой части ст. 234

(«Незаконный оборот сильнодействующих или ядовитых веществ в целях сбыта»), а 384 человека – по третьей части ст. 234 («Незаконный оборот сильнодействующих или ядовитых веществ в целях сбыта, совершенный группой лиц по предварительному сговору») (Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации: данные судебной статистики//URL:<https://cdep.ru/index.php?id=79&item=8946>). При этом комплексный анализ этой информации с учетом данных из «Сведений о лицах, осужденных за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров или аналогов, сильнодействующих веществ, растений (либо их частей), содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры, новых потенциально опасных психоактивных веществ» позволяет сделать вывод, что 346 человек из указанных выше 738 были осуждены за оборот сильнодействующих веществ. Таким образом, можно предположить, что 392 человека были осуждены за преступления, связанные с оборотом ядов.

Правительством Российской Федерации принято Постановление от 16.03.1996 № 278 (Постановление Правительства РФ от 16 марта 1996 г. № 278 «О порядке ввоза в Российскую Федерацию и вывоза из Российской Федерации сильнодействующих и ядовитых веществ, не являющихся прекурсорами наркотических средств и психотропных веществ» // Собрание законодательства РФ. – 25.03.1996. - №13. – Ст. 1350), которым утверждено Положение о порядке ввоза в Российскую Федерацию и вывоза из Российской Федерации сильнодействующих веществ и ядовитых веществ, не являющихся прекурсорами наркотических средств и психотропных веществ, устанавливающее лицензируемый порядок ввоза в Российскую Федерацию и вывоза из Российской Федерации названных веществ и ядов, и в дополнение к нему уже указанным ранее постановлением Правительства Российской Федерации от 03.08.1996 № 930 утверждена Номенклатура сильнодействующих и ядовитых веществ, не являющихся прекурсорами наркотических средств и психотропных веществ. Часть таких веществ них, как отмечается, являются химикатами двойного назначения и используются в промышленности и сельском хозяйстве.

Анализируя и всесторонне рассматривая представленные положения различных нормативно-правовых актов, регулирующих отношения в области реализации (сбыта) сильнодействующих веществ и ядов, можно прийти к обоснованному выводу о том, что стройный понятийный аппарат в этой области до сих пор отсутствует и толкование многих понятий не приводится, равно как и не устанавливается и не конкретизируется наличие запретов либо ограничений на реализацию отдельных веществ гражданскому населению, за исключением веществ и ядов, прямо указанных в проанализированных актах Правительства Российской Федерации.

Что касается частноправового регулирования отношений, связанных с наличием специального предмета, то авторам представляется необходимым указать на то, что в соответствии с пунктом 2 статьи 129 Гражданского кодекса Российской Федерации, законодательным актом или в предусмотренном им порядке могут устанавливаться ограничения оборотоспособности объектов гражданских прав (Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ //Собрание законодательства РФ. - 05.12.1994. - N 32. - Ст. 3301). В частности, возможно введение специальных норм, определяющих виды объектов гражданских прав, которые могут находиться во владении исключительно определенными участниками гражданского оборота, либо предусматривающих необходимость получения специального разрешения для совершения сделок с такими объектами.

Следует также рассмотреть интересующие нас вопросы в рамках регулирования

отношений в сфере оборота лекарственных средств.

Согласно положениям части 1.1 статьи 55 Федерального закона от 12 апреля 2010 года № 61-ФЗ «Об обращении лекарственных средств», введен запрет на дистанционную реализацию рецептурных лекарственных препаратов, наркотических и психотропных лекарственных средств, а также спиртосодержащих лекарственных препаратов с содержанием этилового спирта более 25% (Федеральный закон от 12.04.2010 N 61-ФЗ «Об обращении лекарственных средств»//Собрание законодательства РФ. - 19.04.2010. - N 16. - Ст. 1815.)

Однако в рамках экспериментального правового режима, действующего в городе Москва, Белгородской и Московской областях с 1 марта 2023 года по 1 марта 2026 года, предусмотрена возможность дистанционного приобретения указанных категорий лекарственных препаратов через личный кабинет гражданина на Едином портале государственных и муниципальных услуг или соответствующих региональных порталах при условии соблюдения требований, предусмотренных статьей 55.1 указанного Федерального закона.

В рамках действующих нормативных актов и в условиях дистанционного распространения (реализации) определённых групп фармацевтических препаратов доступ к данным об их отпуске может быть временно приостановлен вне судебного порядка на основе решения Федеральной службы по контролю за оборотом медицинских товаров. В данном контексте следует учитывать Постановление Правительства Российской Федерации от 26 октября 2012 года № 1101, регулирующее порядок принятия решений относительно ограниченных видов информации и материалов, распространяющихся через сеть Интернет, с учётом установленных запретов на территории Российской Федерации (Постановление Правительства РФ от 26 октября 2012 г. N 1101 «О единой автоматизированной информационной системе "Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в информационно-телекоммуникационной сети "Интернет" и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в информационно-телекоммуникационной сети "Интернет", содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено» // Собрание законодательства РФ. - 29.10.2012. - № 44. – Ст. 6044).

Тем не менее, сведения о дистанционном отпуске сильнодействующих соединений и токсичных веществ не включены в перечень данных, доступ к которым может быть ограничен в административном порядке на основании соответствующего решения компетентного государственного органа, назначаемого Правительством Российской Федерации. В то же самое время мы согласны с позицией А.Ю. Соколова о том, что в числе средств противодействия угрозам информационной безопасности меры административно-правового характера имеют особое значение; такие меры позволяют бороться с опасной для общества и личности информацией эффективно и в короткие сроки [\[6, С. 24\]](#).

Следует отметить, что в повседневной практике токсичные соединения и сильнодействующие агенты рассматриваются как вещества, вызывающие нарушения функций живых организмов, потенциально способные приводить к интоксикации и даже смертельному исходу.

Тем не менее, данные соединения обладают множественностью функциональных характеристик, что было отмечено нами ранее. Они способны трансформироваться в жизненно важные фармацевтические препараты, играющие ключевую роль в спасении

человеческих жизней. Кроме того, указанные вещества могут выступать в качестве незаменимых компонентов в разнообразных промышленных и сельскохозяйственных секторах.

Постановка проблемы: оборот ядовитых веществ в сети Интернет

В сети Интернет можно наблюдать заметное увеличение количества веб-сайтов, занимающихся продажей различных токсичных и высокоактивных химических соединений. Эти вещества часто рекламируются как «не оставляющие следов» при использовании, а также сопровождаются подробными инструкциями о способах применения данных веществ и их воздействии на организм человека. Примечательным является тот факт, что подобные сайты нередко содержат положительные отзывы от довольных покупателей, утверждающих, что купленные у них продукты действительно помогли справиться с некоторыми сложными жизненными ситуациями.

В то же время наблюдается бдительность лишь ведомственных организаций. К примеру, приказ АО «Почта России» от 16.08.2024 № 249-П, утверждающий Порядок приема и вручения внутренних регистрируемых почтовых отправлений, а именно Приложение № 14 (пункты 2, 3, 8), запрещает яды к пересылке во внутренних почтовых отправлениях (Приказ АО «Почта России» от 16.08.2024 N 249-п «Об утверждении Порядка приема и вручения внутренних регистрируемых почтовых отправлений» (официально опубликован не был) // ИПП Гарант.ру // URL: <https://base.garant.ru/410643544/> (дата обращения: 12.03.2025).

Наряду с этим встает вопрос, а является ли достаточным то уголовное наказание, которое установлено статьей 234 Уголовного кодекса Российской Федерации и останавливает ли такое наказание владельцев «смертоносных» сайтов?

СМИ неоднократно поднимали в своих репортажах и публикациях проблему торговли ядами дистанционно – через Интернет.

Так, подробно механизм реализации ядов и проблема привлечения виновников к ответственности описан в журналистской статье А. Матвеевой «Поймать их почти невозможно. Кто продает в России «невидимую смерть». Статья сопровождается скриншотами с сайтов по продаже ядовитых веществ, приводит рекламные слоганы продавцов, цитирует отзывы «довольных пользователей»:

«Выбор и правда огромен — около 20 видов токсичных веществ. Знаменитый цианид из романа Агаты Кристи, таллий, рицин. Есть и экзотика: куарре из коры стрихоноса, растущего в Южной Африке, яды пауков и змей». Как указывает автор публикации, «с 2021-го Роскомнадзор заблокировал 353 таких ресурса. Но торговцы смертью каждый год создают десятки новых. Ведут бизнес через каналы в Telegram, где в среднем до пяти тысяч подписчиков, через анонимную почту или в даркнете...» (Матвеева А. Поймать их почти невозможно. Кто продает в России невидимую смерть. // РИА Новости // UR: <https://ria.ru/20230828/yady-1892203455.html> (дата обращения: 20.02.2025)).

В то же время процедура блокировки не прозрачна и не гарантирована в рамках законоположений ФЗ «Об информации». Данный закон не содержит однозначных положений, позволяющих Роскомнадзору или иным органам блокировать соответствующие ресурсы по собственной инициативе или на основании обращения граждан.

В феврале 2024 г. нами в рамках работы над темой было направлено обращение в

отношении одного из сайтов, реализующих ядовитые вещества, через Общественную электронную приемную Роскомнадзора [Обращение номер eaис#2024-02-29-11037-BB]. В результате обращения был получен ответ (получено в виде ответа на электронную почту 1 марта 2024 г. в 8:59), что данный сайт не содержит запрещенной информации в соответствии с Федеральным законом от 27.07.2006 N 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (Федеральный закон от 27.07.2006 N 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»//Собрание законодательства РФ. - 31.07.2006. - N 31 (1 ч.). - Ст. 3448.).

На дату подготовки настоящей публикации ссылка, направленная годом ранее в Роскомнадзор недоступна (переход на сайт блокируется провайдером, как переход на потенциально мошеннический ресурс, в то же время в реестре запрещенных сайтов данная ссылка не значится).

Одновременно путем размещения запросов в поисковой сети Яндекс в отношении конкретных названий ядовитых веществ (названия не приводятся в силу этических и правовых причин) в поисковой выдаче появляются сайты, в том числе доступные в доменной зоне Ru. Среди прочего, владельцы сайтов подчеркивают, что ими не раскрываются подробности упаковки заказа, но с уверенностью могут сказать, что заказчик получит обычную бандероль. Утверждают, что товары прошли сертификацию в странах ES [Запрос по названию ядовитого вещества (название не публикуется по этическим и правовым соображениям + купить, дата обращения – 22.02.2025 г.].

В рамках поисковой выдачи был также обнаружен ресурс, по предложению ядовитых веществ, замаскированный под форум с обсуждением фантастической литературы – с указанием контактных данных потенциального продавца.

В результате проведения данного эксперимента возникают как правовые, так и этические трудности. С одной стороны, привлечение внимания к данной проблеме порождает этические вопросы – публикация конкретных поисковых запросов невозможна, чтобы не провоцировать потенциальное девиантное поведение. С другой стороны, взаимодействие с государственными органами в отношении ресурсов, угрожающих основным субъектам государственной безопасности (личности и обществу) (Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. N 390-ФЗ «О безопасности»// Собрание законодательства РФ. – 03.01.2011. - N 1. - Ст. 2.) ограничено недостатками действующего законодательства.

Отметим, что в 2021 году Заксобрание Санкт-Петербурга внесло в Государственную Думу законопроект (№1160422-7) о включении сайтов, торгующих ядами, в реестр запрещённой в стране информации для их оперативной блокировки. В проекте закона отмечалось, что ряд веществ распространяется в сети Интернет без ограничений. Имеющийся в карточке законопроекта отзыв Правительства РФ содержит указание на то, что «сильнодействующие и ядовитые вещества не являются наркотическими и психотропными веществами, ввиду чего внесение изменений в подпункт "б" пункта 1 части 5 статьи 1 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» представляется некорректным.» (О внесении изменения в статью 15-1 Федерального закона "Об информации, информационных технологиях и о защите информации": законопроект // Система обеспечения законодательной деятельности URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1160422-7#bh> (дата обращения 18.01.2025). Представляется, что данный подход Правительства РФ является поверхностным, не отражает имеющиеся риски для безопасности граждан, общества и государства, требует повторного анализа.

В Российской Федерации с 2012 года функционирует Единая автоматизированная информационная система «Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено» (создана на основании ч. 1 ст. 15.1 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»).

Критерии внесения данных (доменные имена, указатели страниц сайтов и сетевые адреса) в вышеуказанный Реестр, согласно ч. 5 ст. 15.1 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», включают:

- 1 . Решения уполномоченных Правительством Российской Федерации федеральных органов исполнительной власти, принятые в рамках их компетенции в порядке, определенном Правительством Российской Федерации, касательно распространения информации через сеть «Интернет»;
- 2 . Решение суда о признании информации, распространяемой посредством сети «Интернет», запрещенной к распространению на территории Российской Федерации;
3. Постановление судебного пристава-исполнителя о блокировке доступа к информации, распространяемой в сети «Интернет», которая может нанести ущерб чести, достоинству или деловой репутации физического или юридического лица.

Исследование Н.Б. Ельчаниновой в отношении проблем совершенствования законодательства в сфере ограничения доступа к противоправной информации в сети Интернет демонстрирует эффективные механизмы блокировки опасного контента, которые могут быть адаптированы для борьбы с онлайн-продажами ядов. Автор подробно анализирует эволюцию Федерального закона № 149-ФЗ, отмечая, что включение в Единый реестр запрещённых сайтов таких категорий, как наркотики, детская порнография и призывы к суициду, позволило значительно сократить их распространение [7]. Однако, как подчёркивается в исследовании, текущая система реагирует преимущественно на уже выявленные угрозы, а не предотвращает их, что особенно актуально для быстро обновляющихся ресурсов по продаже токсичных веществ.

В контексте рассматриваемой проблематики следует подчеркнуть, что внесение данных в Реестр без участия судебных инстанций, то есть по решению уполномоченного Правительством Российской Федерации федерального органа исполнительной власти, допускается исключительно в случае дистанционной реализации лекарственных препаратов, которые запрещены к продаже в соответствии с требованиями ч. 1.1 ст. 55 Федерального закона от 12 апреля 2010 г. № 61-ФЗ «Об обращении лекарственных средств».

Анализ правовых механизмов, регулирующих оборот сильнодействующих веществ и ядов через Интернет, указывает на необходимость усовершенствования нормативного контроля для предотвращения их распространения.

Кажется очевидной непоследовательность законодателя – с одной стороны, оборот ряда ядовитых веществ, как уже было указано ранее, прямо запрещен уголовным законом, с другой – информация о предложении таких веществ находится в открытом доступе.

Отдельным проблемным и актуальным вопросом остается регулирование предложения – и оборота – сильнодействующих ядовитых веществ в сети «Даркнет». Последней в настоящее время посвящено немало исследований. Как, в частности, констатирует Е.В. Ломаченко: «через [даркнет] продаются товары, услуги, оборот которых в Российской Федерации запрещен... Правоохранительные органы технически не способны идентифицировать пользователей» [\[8, С. 62\]](#). Представляется обоснованным наблюдение А.А. Васильева с соавторами о том, «преступными следует считать не технологии, а цели, для достижения которых они могут быть использованы» [\[9, С. 12\]](#); в то же время отсутствие государственного контроля в данной сфере очевидно усугубляет риски распространения информации, угрожающей общественной безопасности.

В настоящее время данные вещества могут свободно циркулировать в сети до момента принятия соответствующего юридического акта, запрещающего распространение подобной информации. Несмотря на потенциальную опасность этих веществ, они не подлежат автоматической блокировке путем включения в реестр запрещенных материалов без предварительного судебного решения.

При этом, не вдаваясь в подробности, следует обратить внимание и на возможные криминологические сложности, актуальные и в связи с рассмотрением материалов о распространении информации о предложении ядовитых веществ в сети Интернет, так и в связи с расследованием преступлений о распространении подобных веществ [\[10, 11\]](#). Как отмечает Р.А. Суханов, анонимизирующие технологии (VPN, TOR, прокси-серверы) и размещение серверов за рубежом существенно затрудняют идентификацию распространителей запрещённого контента [\[10, С. 349\]](#).

Проведенное исследование данной проблемы подчеркивает важность разработки более строгих мер правового регулирования, которые обеспечат невозможность оборота сильнодействующих веществ и ядов, а также ужесточение ответственности за нарушение соответствующих норм, особенно в случаях, связанных с причинением вреда здоровью людей.

На основании изложенного выше можно сформулировать следующие рекомендации.

В сфере совершенствования законодательства необходимо:

- 1) уточнить понятия «сильнодействующие» и «ядовитые вещества» в нормативных актах для единообразного применения закона;
- 2) внести изменения в п.5 ст. 15.1 ФЗ «Об информации...», включив сайты, распространяющие информацию о продаже **ядовитых веществ**, за незаконный оборот которых наступает ответственность по ст. 234 УК РФ, в перечень ресурсов, подлежащих блокировке без судебного решения (по аналогии с наркотиками).
- 3) установить обязанность поисковых систем (Яндекс, Google и др.) удалять ссылки на сайты, продающие такие вещества, по требованию Роскомнадзора.

В рамках усиления контроля и развития межведомственного взаимодействия:

- 1) необходимо наделить соответствующие органы (Роскомнадзор и МВД) полномочиями по мониторингу и пресечению онлайн-продаж опасных веществ, включая Даркнет;
- 2) создать единую базу данных запрещенных веществ и их аналогов для оперативного выявления новых схем оборота;

3) усилить сотрудничество с таможенными и почтовыми службами для перехвата посылок с ядами.

Библиография

1. Чистова Л. Е. Еще раз к вопросу о понятии предмета преступного посягательства по делам о преступлениях, связанных с сильнодействующими и ядовитыми веществами // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 5. С. 130-134; EDN: QZDQRH.
2. Сапожников М. С. К вопросу о формировании законодательства об ответственности в сфере незаконного оборота сильнодействующих веществ // Современный ученый. 2019. № 5. С. 304-307; EDN: AZPCYE.
3. Акимова И. В. Объективные признаки незаконного оборота сильнодействующих или ядовитых веществ в целях сбыта // Пробелы в российском законодательстве. 2014. № 4. С. 154-156 и др.; EDN: SMYPDR.
4. Степанова М. Н. Информационная безопасность в правовом поле: стратегии правового регулирования и защиты киберпространства // Правопорядок: история, теория, практика. 2024. № 1 (40). С. 48-52. DOI: 10.47475/2311-696X-2024-40-1-48-52; EDN: AEOSTU.
5. Осокин Р. Б., Заливина Н. Н. Правовой статус прекурсоров, аналогов и производных наркотических средств и психотропных веществ // Вестник СПбГУ. Серия 14. Право. 2020. № 2. С. 342-352. DOI: 10.21638/spbu14.2020.206; EDN: CGODRJ.
6. Соколов А. Ю. Правовое противодействие современным вызовам и угрозам информационной безопасности // Правовая политика и правовая жизнь. 2024. № 1. С. 22-30. DOI: 10.24412/1608-8794-2024-1-22-30; EDN: YFXQRC.
7. Ельчанинова Н. Б. Проблемы совершенствования законодательства в сфере ограничения доступа к противоправной информации в сети Интернет // Общество: политика, экономика, право. 2017. № 12. С. 119-121. DOI: 10.24158/rep.2017.12.25; EDN: YMCMRA.
8. Ломаченко Е. В. Меры государственного регулирования различных видов информации, запрещенной к распространению в сети "Интернет" // Образование и право. 2023. № 12. С. 60-64. DOI: 10.24412/2076-1503-2023-12-60-64; EDN: XDDWJI.
9. Васильев А., Ибрагимов Ж., Васильева О. Даркнет как ускользающая сфера правового регулирования // Юрислингвистика. 2019. № 12. С. 10-12; EDN: CBPGEY.
10. Суханов Р. А. Проблемы удаленного исследования запрещенной информации в сети Интернет // Правовая политика и правовая жизнь. 2024. № 4. С. 348-353. DOI: 10.24412/1608-8794-2024-4-348-353; EDN: ZFPDIE.
11. Тангиев В. Р. Актуальные вопросы ограничения доступа к сервисам, обеспечивающим неправомерный оборот запрещенных предметов или веществ // Актуальные вопросы эксплуатации систем охраны и защищенных телекоммуникационных систем: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, Воронеж, 07 июня 2018 года. Воронеж: Воронежский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2018. С. 329-330; EDN: YSSBLF.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной на рецензирование статье являются, как это следует из ее наименования, интернет-продажи сильнодействующих веществ. Авторы сосредоточили внимание на анализе соответствующих проблем правового

регулирования и выявлении пробелов законодательства. Заявленные границы исследования соблюдены учеными.

Методология исследования в тексте статьи не раскрывается.

Актуальность избранной авторами темы исследования несомненна и обосновывается ими достаточно подробно: "... можно утверждать, что развитие информационно-коммуникационных технологий оказывает значительное влияние на трансформацию традиционных моделей розничной торговли, открывая новые возможности как для бизнеса, так и для конечных потребителей. Данный феномен связан простотой доступа к онлайн-платформам, а также высокой степенью анонимности пользователей и трансграничным характером самой сети. Однако эти же факторы существенно усложняют мониторинг и регулирование продаж различных категорий товаров в цифровом пространстве, что создает благоприятные условия для распространения посредством сети Интернет товаров, свободный оборот которых представляет опасность для общества, включая распространение потенциально опасных веществ. Несмотря на законодательные ограничения, направленные на предотвращение оборота отдельных групп товаров (например, алкоголя и табачных изделий), все большее количество продуктов становится доступным широкой аудитории вне зависимости от их целевого назначения. Это касается, в том числе, как фармацевтических средств, так и токсичных соединений различной природы и степени воздействия на организм человека"; "... возникает вопрос о мерах регулирования и контроля над электронными торговыми площадками, осуществляющими продажу ядовитых веществ". Учеными раскрыта степень изученности поднимаемых в статье проблем: "Анализ литературы показывает, что в то время, как проблематика развития уголовного законодательства в сфере борьбы с незаконным оборотом ядовитых и сильнодействующих веществ, в принципе, находится в поле зрения исследователей [1,2,3], вопросы борьбы с распространением информации о возможности приобретения подобных веществ в научной среде фактически не разрабатываются".

Научная новизна работы проявляется в ряде заключений авторов: "Анализируя и всесторонне рассматривая представленные положения различных нормативно-правовых актов, регулирующих отношения в области реализации (сбыта) сильнодействующих веществ и ядов, можно прийти к обоснованному выводу о том, что стройный понятийный аппарат в этой области до сих пор отсутствует и толкование многих понятий не приводится, равно как и не устанавливается и не конкретизируется наличие запретов либо ограничений на реализацию отдельных веществ гражданскому населению, за исключением веществ и ядов, прямо указанных в проанализированных актах Правительства Российской Федерации"; "... сведения о дистанционном отпуске сильнодействующих соединений и токсичных веществ не включены в перечень данных, доступ к которым может быть ограничен в административном порядке на основании соответствующего решения компетентного государственного органа, назначаемого Правительством Российской Федерации. Следует отметить, что в повседневной практике токсичные соединения и сильнодействующие агенты рассматриваются как вещества, вызывающие нарушения функций живых организмов, потенциально способные приводить к интоксикации и даже смертельному исходу. Тем не менее, данные соединения обладают множественностью функциональных характеристик, что было отмечено нами ранее. Они способны трансформироваться в жизненно важные фармацевтические препараты, играющие ключевую роль в спасении человеческих жизней. Кроме того, указанные вещества могут выступать в качестве незаменимых компонентов в разнообразных промышленных и сельскохозяйственных секторах"; "Анализ правовых механизмов, регулирующих оборот сильнодействующих веществ и ядов через Интернет, указывает на необходимость усовершенствования нормативного

контроля для предотвращения их распространения.

Кажется очевидной непоследовательность законодателя – с одной стороны, оборот ряда ядовитых веществ, как уже было указано ранее, прямо запрещен уголовным законом, с другой – информация о предложении таких веществ находится в открытом доступе.

В настоящее время данные вещества могут свободно циркулировать в сети до момента принятия соответствующего юридического акта, запрещающего распространение подобной информации. Несмотря на потенциальную опасность этих веществ, они не подлежат автоматической блокировке путем включения в реестр запрещенных материалов без предварительного судебного решения" и др. Таким образом, статья вносит определенный вклад в развитие отечественной правовой науки и, безусловно, заслуживает внимания потенциальных читателей.

Научный стиль исследования выдержан авторами в полной мере.

Структура работы логична. Во вводной части статьи ученые обосновывают актуальность избранной ими темы исследования. Основная часть статьи состоит из двух разделов: "Правовое регулирование оборота ядовитых веществ"; "Постановка проблемы: оборот ядовитых веществ в сети Интернет". В заключительной части работы содержатся выводы по результатам проведенного исследования.

Содержание статьи соответствует ее наименованию, но не лишено небольшого недостатка формального характера.

Так, авторы пишут: "Данный феномен связан простотой доступа к онлайн-платформам, а также высокой степенью анонимности пользователей и трансграничным характером самой сети" - пропущен предлог.

Таким образом, статья нуждается в дополнительном вычитывании - в ней встречаются опечатки.

Библиография исследования представлена 3 источниками (научными статьями). С формальной точки зрения источников должно быть не менее 10. Следовательно, теоретическая база работы нуждается в расширении.

Апелляция к оппонентам имеется, но носит общий характер. В научную дискуссию с конкретными учеными авторы не вступают, ссылаясь на ряд теоретических источников исключительно в обоснование своих суждений либо для иллюстрирования отдельных положений работы.

Выводы по результатам проведенного исследования имеются ("Проведенное исследование данной проблемы подчеркивает важность разработки более строгих мер правового регулирования, которые обеспечат невозможность оборота сильнодействующих веществ и ядов, а также ужесточение ответственности за нарушение соответствующих норм, особенно в случаях, связанных с причинением вреда здоровью людей"), но носят общий характер и нуждаются в конкретизации.

Интерес читательской аудитории к представленной на рецензирование статье может быть проявлен прежде всего со стороны специалистов в сфере уголовного права, административного права при условии ее доработки: раскрытии методологии исследования, расширении теоретической базы работы, введении дополнительных элементов дискуссионности, конкретизации выводов по результатам проведенного исследования, устранении небольших нарушений в оформлении статьи.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

на статью на тему «Интернет-продажи сильнодействующих веществ: регулирование и пробелы законодательства».

Предмет исследования.

Предложенная на рецензирование статья посвящена актуальным вопросам правового регулирования отношений, связанных с Интернет-продажей сильнодействующих веществ. Автором рассматривается правовое регулирование оборота ядовитых веществ, анализируется законодательство в данной сфере. В качестве конкретного предмета исследования выступили, прежде всего, положения правовых актов и мнения ученых. К сожалению, не изучены материалы практики, не сделано обобщений по ним, хотя таковая формируется, о чем автор рецензируемой статьи указал в актуальности темы исследования.

Методология исследования.

Цель исследования прямо в статье не заявлена. При этом она может быть ясно понята из названия и содержания работы. Цель может быть обозначена в качестве рассмотрения и разрешения отдельных проблемных аспектов вопроса о правовом регулировании отношений, связанных с Интернет-продажей сильнодействующих веществ. Исходя из поставленных цели и задач, автором выбрана методологическая основа исследования.

В частности, автором используется совокупность общенаучных методов познания: анализ, синтез, аналогия, дедукция, индукция, другие. В частности, методы анализа и синтеза позволили обобщить и разделить выводы различных научных подходов к предложенной тематике.

Наибольшую роль сыграли специально-юридические методы. В частности, автором активно применялся формально-юридический метод, который позволил провести анализ и осуществить толкование норм действующего законодательства. Например, следующий вывод автора: «Ограничения доступа к информации, в свою очередь, могут устанавливаться исключительно на основании федеральных законов. Для защиты конституционных устоев, моральных ценностей, здоровья граждан, прав и законных интересов других лиц, а также обеспечения обороноспособности и государственной безопасности, доступ к определённой информации может быть ограничен согласно федеральным законам и указам Президента Российской Федерации, что закреплено в части 1 статьи 9 вышеуказанного Федерального закона».

К сожалению, не в полной мере учтены перспективы эмпирических методов познания. Важно обобщить практику, чтобы наиболее явно были видны пробелы законодательства в рассматриваемой сфере.

Таким образом, выбранная автором методология не в полной мере адекватна цели исследования, не позволяет изучить все аспекты темы в ее совокупности.

Актуальность.

Актуальность заявленной проблематики не вызывает сомнений. Имеется как теоретический, так и практический аспекты значимости предложенной темы. С точки зрения теории тема правового регулирования отношений, связанных с Интернет-продажей сильнодействующих веществ, сложна и заслуживает особого внимания. В настоящее время ввиду цифровизации общественных отношений появляется возможность самыми разными инструментами обходить запреты и требования, связанных с продажей определенных товаров. При этом сама по себе Интернет-продажа удобна и полезна, но может создать ситуации нарушения норм законодательства. Сложно спорить с автором рецензируемой статьи в том, что различные «факторы существенно усложняют мониторинг и регулирование продаж различных категорий товаров в цифровом пространстве, что создает благоприятные условия для распространения посредством

сети Интернет товаров, свободный оборот которых представляет опасность для общества, включая распространение потенциально опасных веществ».

Тем самым, научные изыскания в предложенной области стоит только поприветствовать. Научная новизна.

Научная новизна предложенной статьи требует уточнений. В целом статья носит описательный характер. Оригинальные выводы, хоть и подразумеваются в тексте статьи, но требуют конкретизации и уточнения. В частности, по статье делается следующий вывод: «Проведенное исследование данной проблемы подчеркивает важность разработки более строгих мер правового регулирования, которые обеспечат невозможность оборота сильнодействующих веществ и ядов, а также ужесточение ответственности за нарушение соответствующих норм, особенно в случаях, связанных с причинением вреда здоровью людей». Однако из вывода и текста статьи не ясно, о каких строгих мерах говорит автор. Аналогичные вопросы могут быть сделаны по иным выводам и тезисам по статье.

Таким образом, материалы статьи могут иметь определенных интерес для научного сообщества с точки зрения развития вклада в развитие науки, но требуют конкретизации и уточнения.

Стиль, структура, содержание.

Тематика статьи соответствует специализации журнала «Юридические исследования», так как она посвящена правовыми проблемами, связанным с правовым регулированием отношений, связанных с Интернет-продажей сильнодействующих веществ.

Содержание статьи в полной мере соответствует названию, так как автор рассмотрел заявленные проблемы. Разрешение цели исследования возможно после уточнения научной новизны по написанной статье.

Качество представления исследования и его результатов следует признать в полной мере положительным. Из текста статьи прямо следуют предмет, задачи, методология и основные результаты исследования.

Оформление работы в целом соответствует требованиям, предъявляемым к подобного рода работам. Существенных нарушений данных требований не обнаружено.

Библиография.

Следует высоко оценить качество использованной литературы. Автором активно использована литература, представленная авторами из России (Осокин Р.Б., Заливина Н.Н., Сапожников М.С., Соколов А.Ю., Ломаченко Е.В. и другие).

Таким образом, труды приведенных авторов соответствуют теме исследования, обладают признаком достаточности, способствуют раскрытию различных аспектов темы.

Апелляция к оппонентам.

Автор провел серьезный анализ текущего состояния исследуемой проблемы. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями. То есть автор показывает разные точки зрения на проблему и пытается аргументировать более правильную по его мнению.

Выводы, интерес читательской аудитории.

Выводы в полной мере являются логичными, так как они получены с использованием общепризнанной методологии. Статья может быть интересна читательской аудитории в плане наличия в ней систематизированных позиций автора применительно к заявленным проблемам, но только после исправления указанных в настоящей рецензии замечаний и предложений.

На основании изложенного, суммируя все положительные и отрицательные стороны

статьи

«Рекомендую отправить на доработку»

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования

Статья посвящена изучению правового регулирования и пробелов законодательства в сфере интернет-продаж сильнодействующих и ядовитых веществ. Автор исследует правовые основы оборота данных веществ, механизмы контроля за распространением информации о них в сети Интернет, а также выявляет недостатки существующего регулирования. Особое внимание уделяется проблеме доступности и распространения через интернет-платформы веществ, свободный оборот которых представляет опасность для общества.

Методология исследования

Автор применяет комплексный подход к исследованию проблемы, используя следующие методы:

Нормативно-правовой анализ действующего законодательства в сфере регулирования оборота сильнодействующих и ядовитых веществ;

Сравнительный анализ механизмов правового регулирования различных категорий опасных веществ;

Практическое исследование доступности информации о продаже ядовитых веществ в сети Интернет (включая конкретный эксперимент с обращением в Роскомнадзор);

Анализ статистических данных судебной практики по делам о незаконном обороте сильнодействующих и ядовитых веществ.

Методология исследования представляется адекватной поставленным задачам и позволяет комплексно рассмотреть заявленную проблематику.

Актуальность

Актуальность исследования не вызывает сомнений и обусловлена следующими факторами:

Стремительное развитие информационно-коммуникационных технологий и рост объемов дистанционной торговли в сети Интернет;

Высокая опасность свободного оборота ядовитых и сильнодействующих веществ для здоровья и жизни граждан;

Наличие существенных пробелов в правовом регулировании контроля за распространением информации о продаже опасных веществ;

Недостаточная изученность в научной литературе вопросов борьбы с распространением информации о возможности приобретения ядовитых веществ.

Автор обоснованно указывает на то, что при широком исследовании проблем уголовного законодательства в сфере борьбы с незаконным оборотом опасных веществ, вопросы контроля за распространением информации о них фактически не разрабатываются в научной среде.

Научная новизна

Научная новизна исследования состоит в:

Комплексном анализе правового регулирования интернет-продаж сильнодействующих и ядовитых веществ;

Выявлении и систематизации пробелов в законодательстве, касающихся контроля за распространением информации о продаже опасных веществ;

Практическом исследовании механизмов реагирования контролирующих органов на факты распространения информации о продаже ядовитых веществ;

Разработке конкретных предложений по совершенствованию законодательства и практики блокировки ресурсов, распространяющих опасную информацию.

Особенно ценным является практический эксперимент автора с обращением в Роскомнадзор по поводу блокировки сайта, реализующего ядовитые вещества, который наглядно демонстрирует недостатки существующей системы контроля.

Стиль, структура, содержание

Статья имеет логичную структуру, которая позволяет последовательно раскрыть заявленную тему. Текст разделен на смысловые блоки, что облегчает восприятие материала:

Введение, раскрывающее проблематику и цель исследования;

Правовое регулирование оборота ядовитых веществ;

Постановка проблемы оборота ядовитых веществ в сети Интернет;

Рекомендации по совершенствованию законодательства.

Стиль изложения соответствует научному характеру публикации. Автор использует профессиональную юридическую терминологию, корректно цитирует нормативные акты и научные источники. Текст написан ясным языком, понятным для специалистов в области права.

Содержание статьи достаточно полно раскрывает заявленную тему. Автор подробно анализирует существующую нормативную базу, регулирующую оборот сильнодействующих и ядовитых веществ, выявляет пробелы в законодательстве и предлагает конкретные меры по их устраниению.

К недостаткам можно отнести некоторую описательность отдельных фрагментов текста и недостаточно глубокий анализ международного опыта решения исследуемой проблемы.

Библиография

Библиографический список включает 11 источников, что представляется достаточным для раскрытия заявленной темы. Источники относятся к периоду 2013-2024 годов, что свидетельствует об актуальности используемой литературы. Автор опирается на работы российских исследователей в области уголовного права, информационной безопасности и правового регулирования интернет-пространства.

Библиография охватывает различные аспекты исследуемой проблемы, включая:

Работы по предмету преступного посягательства по делам о преступлениях, связанных с сильнодействующими и ядовитыми веществами;

Исследования в области информационной безопасности;

Публикации по правовому регулированию сети Интернет и даркнета;

Статьи о проблемах удаленного исследования запрещенной информации.

Оформление библиографического списка соответствует требованиям научных публикаций.

Апелляция к оппонентам

Автор корректно взаимодействует с позициями других исследователей, ссылаясь на их работы и включая их точки зрения в свой анализ. В тексте присутствует полемика с официальной позицией Правительства РФ относительно законопроекта о включении сайтов, торгующих ядами, в реестр запрещенной в стране информации. Автор аргументированно критикует данную позицию, называя её "поверхностной" и не отражающей имеющиеся риски для безопасности.

Вместе с тем, в статье недостаточно представлены альтернативные точки зрения на методы решения выявленных проблем, что несколько снижает объективность исследования.

Выводы, интерес читательской аудитории

Выводы исследования представлены в виде конкретных рекомендаций по совершенствованию законодательства и практики контроля за распространением информации о продаже ядовитых веществ. Рекомендации логически вытекают из проведенного анализа и являются обоснованными.

Автор предлагает:

Уточнить понятия "сильнодействующие" и "ядовитые вещества" в нормативных актах; Внести изменения в законодательство для включения сайтов, распространяющих информацию о продаже ядовитых веществ, в перечень ресурсов, подлежащих блокировке без судебного решения;

Установить обязанность поисковых систем удалять ссылки на сайты, продающие опасные вещества;

Усилить межведомственное взаимодействие в сфере контроля за оборотом опасных веществ.

Статья представляет интерес для широкого круга специалистов в области права, включая:

Законодателей и правоприменителей;

Исследователей в области информационной безопасности;

Специалистов правоохранительных органов;

Сотрудников контролирующих органов (Роскомнадзор, МВД);

Преподавателей и студентов юридических вузов.

Общая оценка и рекомендация

Статья "Интернет-продажи сильнодействующих веществ: регулирование и пробелы законодательства" представляет собой актуальное и новаторское исследование, затрагивающее важную и малоизученную проблему правового регулирования распространения информации о продаже опасных веществ в сети Интернет.

Достоинства статьи:

Высокая актуальность выбранной темы;

Комплексный подход к исследованию проблемы;

Практическая направленность исследования;

Логичная структура и ясный стиль изложения;

Конкретные и обоснованные рекомендации по совершенствованию законодательства.

Недостатки статьи:

Недостаточный анализ международного опыта регулирования исследуемой проблемы;

Отсутствие четких предложений по совершенствованию не только правовых, но и технических механизмов выявления и блокировки опасного контента;

Ограниченнное внимание к проблеме использования даркнета для распространения опасных веществ.

Рекомендация: рекомендовать статью к публикации в журнале "Юридические исследования"

Юридические исследования*Правильная ссылка на статью:*

Гайворонская Л.В. Проблемы удовлетворения ходатайства о тенденциозности коллегии присяжных заседателей // Юридические исследования. 2025. № 5. DOI: 10.25136/2409-7136.2025.5.73664 EDN: AAQASS URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73664

Проблемы удовлетворения ходатайства о тенденциозности коллегии присяжных заседателей

Гайворонская Лина Вениаминовна

ORCID: 0000-0003-0272-9834

кандидат юридических наук

доцент; кафедра уголовно-процессуального права; Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА)

142100, Россия, Московская обл., г. Подольск, ул. Комсомольская, д. 79а

**✉ LVGaivoronskaya@yandex.ru**[Статья из рубрики "Судебная власть"](#)**DOI:**

10.25136/2409-7136.2025.5.73664

EDN:

AAQASS

Дата направления статьи в редакцию:

12-03-2025

Дата публикации:

17-05-2025

Аннотация: В связи с весьма лаконичным нормативно-правовым регулированием законодателя понятия тенденциозности состава присяжных заседателей и отсутствия критериев, соответствие которым позволило бы удовлетворить ходатайство о роспуске коллегии, научная литература изобилует противоречивыми дискуссиями на предмет необходимости существования такого института (вопросы тенденциозности изучались Насоновым С.А., Марковой Т.Ю., Максимовой Т.Ю., Моисеевой Т.В., Багаутдиновым Ф.Н., Мингалимовой М.Ф., Стельмах В.Ю., Ведищевым Н.П.), а судебная практика весьма немногочисленна и отсутствует ее единообразие. Поэтому предметом исследования данной статьи является понятие тенденциозности состава присяжных заседателей, поиск критериев, благодаря которым совокупность фактических обстоятельств конкретного

уголовного дела и сложившийся состав присяжных заседателей удовлетворял бы понятию тенденциозности. Автор попытался проанализировать конкретные примеры судебной практики, сопоставить их с фактическими обстоятельствами рассматриваемого дела и вывести из них понимание тенденциозности, а также тех критериев, благодаря указанию которых такое ходатайство могло бы быть удовлетворено. Автором используется следующая методология: диалектический (философский), системный, а также социологический методы позволили изучить явление "тенденциозности" в развитии и во взаимосвязи с иными явлениями, в том числе социальными условиями, влияющими на него; юридический (догматический) метод позволил толковать нормы уголовно-процессуального права и выявить имеющиеся противоречия и пробелы в регулировании. Практика удовлетворения ходатайств о тенденциозности весьма немногочисленна, сегодня на практике возникают трудности в понимании что же нужно указать в подобном ходатайстве для благоприятного исхода. Новизна данного исследования заключается в том, что автор попытался изучить судебную практику и изложить собственные выводы по предмету содержания такого ходатайства: недостаточно указать лишь на дефект по признаку пола, расы, национальности или профессии сформированной коллегии. Вопрос о ее тенденциозности изучается в контексте конкретных фактических обстоятельств и особенностей рассматриваемого уголовного дела. То есть тенденциозной коллегия присяжных заседателей по мотивам того, что большинство из присяжных являются женщинами, будет актуальна лишь по делам о половых преступлениях, непосредственно связанных с взаимоотношениями полов. Заявить подобное ходатайство по делу о мошенничестве будет не убедительно.

Ключевые слова:

тенденциозность, присяжные заседатели, заявление о тенденциозности, распуск коллегии присяжных, формирование коллегии присяжных, однородность состава присяжных, суд присяжных, ходатайство о тенденциозности, объективный вердикт, предубеждение коллегии

Есть в уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации «загадочная» статья 330, предусматривающая возможность распуска коллегии присяжных заседателей ввиду тенденциозности ее состава. Часть первая гласит, что до приведения присяжных заседателей к присяге у сторон есть возможность заявить ходатайство о распуске коллегии присяжных заседателей вследствие их неспособности вынести объективный вердикт в связи с учетом особенностей рассматриваемого уголовного дела и образованной в данном деле коллегии. При признании такого заявления обоснованным, согласно части 3 председательствующий распускает коллегию присяжных заседателей и возобновляет подготовку к рассмотрению уголовного дела судом с участием присяжных заседателей в соответствии со статьей 324 УПК РФ.

Иных пояснений, о каких критериях идет речь, чтобы ходатайство было удовлетворено, УПК РФ не содержит. Что за особенности рассматриваемого уголовного дела? По каким причинам сформированная с участием сторон коллегия вдруг становится неспособной вынести объективный вердикт?

Пленум Верховного Суда РФ в своем постановлении от 22.11.2005 года №23 «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих судопроизводство с участием присяжных заседателей» в пункте 16 прокомментировал следующим образом понимание тенденциозности состава присяжных

заседателей: «под тенденциозностью состава коллегии присяжных заседателей следует понимать случаи, когда при соблюдении положений закона о порядке ее формирования тем не менее имеются основания полагать, что образованная по конкретному уголовному делу коллегия, вследствие особенностей этого дела, не способна всесторонне и объективно оценить обстоятельства рассматриваемого уголовного дела и вынести справедливый вердикт (например, вследствие однородности состава коллегии присяжных заседателей с точки зрения возрастных, профессиональных, социальных и иных факторов)»[Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.11.2005 года №23 «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих судопроизводство с участием присяжных заседателей»// СПС «КонсультантПлюс» https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5670].

Значит ли это, что коллегия присяжных заседателей, состоящая преимущественно или в своем большинстве из врачей, женщин, пенсионеров может быть всегда признана тенденциозной? Вопрос зависит в плоскости судебной практики.

Кроме того, такое ходатайство может быть заявлено только сторонами, по собственному усмотрению суд не может на таком основании распустить коллегию присяжных заседателей. И заявленное ходатайство о тенденциозности сформированной коллегии присяжных заседателей должно быть мотивированным, поскольку решение о ее роспуске принимается председательствующим лишь в случае обоснованности такого ходатайства.

При подробном изучении нормативно-правового регулирования данного вопроса становится ясным, что для большинства правоприменителей остается в тумане вопрос как о самом понимании тенденциозности коллегии присяжных заседателей, так и о том, на каких основаниях можно заявить такое ходатайство и как его мотивировать. Все это привело лишь к многообразным дискуссиям в теории и разрозненной судебной практике (Данный вопрос изучался С.А. Насоновым, Т.Ю. Марковой, Т.Ю. Максимовой, Канбековым К.И. Чудаевой Д.Е., Рудневой Ю.В., Пищулиной Я.А., Багаутдиновым Ф.Н. Стельмах В.Ю., Ведищевым Н.П., Решетовой Н.Ю. и другими).

Обратимся изначально к этимологии вопроса. Толковый словарь С.И. Ожегова определяет слово «тенденциозный» как «пристранный, необъективный»^[1]. Таким образом, тенденциозность коллегии присяжных следует трактовать как предвзятость их мнения, приверженность к одному образу мышления, что может помешать объективному рассмотрению дела и вынесению справедливого вердикта по делу.

При этом нужно отметить, что сам термин неплохо прижился в судебной практике, однако не применительно к суду присяжных. Суд часто его использует в своих решениях: «Все заявления подсудимого об отводе судьи были рассмотрены, по ним приняты обоснованные процессуальные решения. Обстоятельств, указывающих на тенденциозность председательствующего, не установлено»[Апелляционное постановление № 22-100/2023 22-100/2024 от 8 февраля 2024 г. по делу № 1-278/2023; Апелляционное постановление № 22К-274/2024 от 24 января 2024 г. по делу № 3/2-240/2023; Апелляционное постановление № 22К-1928/2023 от 17 августа 2023 г. по делу № 3/10-30/2023.]; «По мнению автора жалобы, своим решением суд создает отрицательный прецедент, благодаря которому у значительной части осужденных отсутствует мотивация к правопослушному поведению в период отбывания наказания и стремлению социализироваться после освобождения. Полагает, что проявленная судом первой инстанции тенденциозность свидетельствует о неправосудности принятого решения, отмены по основаниям, указанным в ст.389.15, 389.16, 389.20 УПК РФ»[Апелляционное постановление № 22-4031/2023 от 24 октября 2023 г. по делу №

4/1-99/2023.]; «Таким образом, все вышеприведенные доводы защиты в совокупности и во взаимосвязи показывают, что мировой судья не проанализировал фактическую основу дела, не оценил доказательства в соответствии с требованиями ст.ст.87,88 УПК РФ. Судья сделал выводы на основании умозрительных заключений, ссылаясь на неотносимые и недостоверные доказательства. Отвергая доводы защиты о недостоверности доказательств обвинения, суд не опроверг эти доводы с помощью убедительного и должного анализа фактических обстоятельств с точки зрения здравого смысла, с помощью надлежащей оценки доказательств, проявив тем самым тенденциозность, пристрастность и обвинительный уклон»[Апелляционное постановление № 1А-31/2023 от 3 июля 2023 г. по делу № 1А-31/2023.].

То есть тенденциозность - это пристрастность, предвзятость. Казалось бы, смысл слова весьма понятен, но при реализации его на практике начинают возникать трудности и разнотечения.

Научная доктрина.

С. А. Пашин указывает, что институт заявления о тенденциозности позволяет предотвратить необъективность коллегии присяжных по отдельным категориям преступлений, поскольку по делам о преступлениях, **связанных с национальными столкновениями, и о половых преступлениях** опасным может быть не только стопроцентное участие в процессе присяжных одной национальности или одного пола, но даже их большинство^[2].

Н. В. Радутная придерживается позиции, что тенденциозность следует использовать в случаях, когда «все присяжные заседатели **знакомы с подсудимым** и ли **были очевидцами происшедшего**»^[3]. Такие случаи, как она отмечает, единичны и могут быть обоснованы только при наличии определенных факторов: **характеристики местности (маленький город, поселок), личности (общеизвестная личность)**^[4].

Однако есть ученые, считающие институт не рабочим и требующим упразднения.

С. И. Добровольская считает, что рассматриваемый институт следует упразднить, поскольку у присяжных может сложиться неприязненное отношение к подсудимому, заявившему о тенденциозности сформированной коллегии, если заявление подсудимого не будет удовлетворено^[5]. В данном случае согласиться с позицией трудно, так как процедура реализации заявления о тенденциозности не может ставиться на одну плоскость с самой сущностью и целевым назначением данного института. Необходимо всего лишь выслушивать данное заявление в отсутствии присяжных или же у стола председательствующего без разглашения такой информации присяжным заседателям.

С. В. Марасанова полагает, что в период, когда можно заявить ходатайство о тенденциозности коллегии присяжных, практически нельзя сделать вывод, способны или нет присяжные заседатели вынести объективный вердикт. Автор отмечает, что ст. 328 УПК РФ предоставляет сторонам широкий перечень полномочий участия в процессе формирования коллегии и данный факт вовсе исключает потребность сохранения в УПК РФ такого основания для роспуска коллегии присяжных как тенденциозность ее состава. То есть, производя отбор присяжных, стороны должны изначально учитывать вероятность выбора в коллегию большого количества лиц, объединенных каким-либо признаком, который с точки зрения данной стороны может повлиять на итоговый вердикт всей коллегии^[6].

Однако мы не можем разделить такое мнение. В формировании коллегии участвуют обе стороны: и сторона защиты, и сторона обвинения. У обоих сторон есть возможность задать вопросы при отборе, заявить как мотивированный отвод, так и немотивированный. А пункт 16 статьи 328 УПК РФ передоставляет также, если позволяет количество неотведенных присяжных заседателей, право на один дополнительный немотивированный отвод. До последнего момента доподлинно невозможно утверждать с уверенностью о конечном результате и о том, имеются ли признаки необъективности у сформированной коллегии. Законодатель же намеренно предоставляет с учетом того фактора, что при формировании коллегии были соблюдены все положения закона, возможность на этапе формирования коллегии устраниить даже предполагаемый дефект.

С. А. Насонов отмечает: «По мотивам тенденциозности в первом полугодии 2023 г. были распущены коллегии присяжных всего по двум делам. Аналогичное количество случаев применения положений ст.330 УПК РФ наблюдалось в 2022 и 2021 г. Это количество столь мало, что его невозможно выявить традиционными способами исследования судебной практики. Причина этого явления, на мой взгляд, в том, что ни в законодательстве, ни в судебной практике основания роспуска сформированной коллегии присяжных ввиду ее тенденциозности четко не обозначены, что не обеспечивает эффективного мотивирования подобного заявления сторонами»[\[7\]](#).

Обратимся к практике.

В 2016 году Верховный Суд РФ признал справедливым отказ в роспуске коллегии присяжных заседателей по мотивам ее тенденциозности.

По окончании формирования коллегии присяжных заседателей, адвокат Гурский заявил о тенденциозности состава коллегии присяжных заседателей, ссылаясь на то, что из двенадцати членов коллегии присяжных заседателей, одиннадцать являются лицами женского пола, тогда как подсудимые являются лицами мужского пола.

*Суд обоснованно отказал в удовлетворении ходатайства стороны защиты о роспуске коллегии присяжных в связи с данными обстоятельствами. Законность и обоснованность принятого судом решения сомнений не вызывает. Преобладание в коллегии присяжных заседателей лиц женского пола над мужским, **при отсутствии достоверных данных об их какой-либо заинтересованности в исходе дела**, само по себе не является достаточным основанием для вывода о тенденциозности ее состава.*

Из списка сформированной коллегии присяжных заседателей следует, что она не является однородной ни по возрастному составу, ни по профессиональному, а также по иным факторам, которые бы позволили считать ее неспособной всесторонне и объективно оценить обстоятельства дела, вынести справедливый вердикт.

При принятии указанного решения, судом, в том числе обоснованно учтено, что обстоятельства рассматриваемого уголовного дела не связаны с преступлениями против половой неприкосновенности и половой свободы женщин, преступлениями, связанными с семейными отношениями, а также преступлениями, возникшими на почве отношений между женщиной и мужчиной.

По изложенным основаниям Судебной коллегией признаются несостоятельными ссылки, приводимые впервые в апелляционных жалобах на то, что преобладание в составе коллегии присяжных заседателей женщин, могло помешать разобраться в деле, когда на скамье подсудимых находились лица не славянской национальности, а потерпевший

славянин[Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 24.11.2016 N 65-АПУ16-2СП <https://legalacts.ru/sud/apelliatsionnoe-opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-24112016-n-65-apu16-2sp/>].

Ø В противоположность рассмотренному примеру, в 2011 году Смоленским областным судом было удовлетворено заявление государственного обвинителя о тенденциозности коллегии присяжных заседателей ввиду ее однородности. Суд мотивировал свое решение не только тем, что в коллегию вошли в основном женщины, но женщины, которые якобы **«выражали симпатию подсудимому»**, а также не все из кандидатов «искренне ответили на вопрос о том, **известно ли им об обстоятельствах данного дела из других источников, в том числе, из средств массовой информации»**[Кассационное определение Верховного Суда РФ от 26.09.2011 в отношении Э.А. Качановского (мэра города Смоленска). Дело №36-О11-12СП]. В данном случае не смею судить о том, какими методами это было установлено. Важно, что помимо пола были установлены еще факты, мешающие вынести объективный вердикт по делу.

Так, Верховный Суд РФ признал законным отказ в роспуске коллегии присяжных заседателей на том лишь основании, что ряд кандидатов обадал сведениями из средств массовой информации о некоторых обстоятельствах дела, поскольку присяжные указали о том, что данное обстоятельство не повлияет на их объективность по делу, а сторона защиты согласилась с их участием в деле в качестве присяжных заседателей[Апелляционное определение ВС РФ в отношении Шкедова А.Н.от 31 октября 2017 г. N 72-АПУ17-25сп <https://tkrfkod.ru/pract/apelliatsionnoe-opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-31102017-n-72-apu17-25sp/>].

Вместе с тем, стоит привести точку зрения Е. М. Седых, которая считает такое основание несостоятельным и добавляет дополнительный критерий оценки: «Например, по делу так называемой «банды Зиринова», совершившей десятки тяжких и особо тяжких преступлений не только в Ростове-на-Дону и Ростовской области, но также и по всей России, невозможно представить, что коллегия присяжных может быть распущена только потому, что об обвиняемых заранее известно каждому из членов коллегии присяжных. Ведь с большой вероятностью так и произойдет, так как коллегия присяжных формируется из граждан, постоянно проживающих на территории конкретного субъекта Российской Федерации. А что если речь будет идти о всемирно известном обвиняемом? В данной ситуации, на наш взгляд, не приходится говорить о какой-либо предвзятости со стороны коллегии присяжных только на основании того факта, что присяжные знали о существовании конкретного обвиняемого лица, ведь формирование новой коллегии присяжных также не исправит данную ситуацию. В данном случае, на наш взгляд, **значение имеет не сам факт, что присяжные знали о деле, либо об обвиняемом, а отсутствие у них предубеждения или уже сформированного мнения о его виновности или невиновности на момент формирования коллегии»**^[8].

Таким образом, по делам, связанным с «взаимоотношением полов», Верховный Суд РФ соглашается с необходимостью роспуска коллегии, более чем наполовину состоящей из лиц одного пола. Однако, по иным категориям дел, с взаимоотношением полов никак не связанным, Верховный Суд РФ считает роспуск безосновательным, делая ссылку на статью 19 Конституции РФ, которая регламентирует равенство всех перед законом и судом, а также равенство прав и свобод мужчин и женщин, и равных возможностей для их реализации[Кассационное определение Верховного Суда РФ от 26.09.2011 г. № 36-

011-12СП. Справочная правовая система «Консультант Плюс».]

К тому же, на наш взгляд, пол человека не предполагает наличие у этого лица какого-либо «обязательного набора» убеждений, жизненных ценностей, оценок, которые могут помешать вынесению справедливого вердикта со стороны коллегии присяжных, состоящей более чем наполовину или даже целиком из представителей одного биологического пола. Женщины, как и мужчины, могут занимать абсолютно разное положение в обществе, являться представителями разных профессий, классов, быть различны по возрастным и иным социальным признакам. Однако пол – это признак биологический, а не социальный.

Практически можно установить, что Верховный Суд РФ не признает удовлетворительным для роспуска коллегии ввиду ее тенденциозности указание лишь на пол, нужно еще установить конкретные факторы и причинно-следственную связь с ними: «Как правильно указано в постановлении, сформированный состав коллегии, вопреки заявлению защитника, не однороден по составу с точки зрения гендерных, возрастных, профессиональных и социальных факторов. В состав вошли как работающие, так и не работающие, пенсионеры, домохозяйки, лица с высшим, средне-техническим и со средним образованием, по возрасту от 37 до 65 лет. **Преобладание в составе женщин не свидетельствует о невозможности принятия ими объективного вердикта. При этом в заявлении адвоката не указывалось, в силу каких конкретных особенностей дела они не способны принять объективное решение**[Определение суда кассационной инстанции ВСРФ от 2 февраля 2023 г. N 19-УД22-35сп-А3; Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации осужденных Мазко А.А., Мазко А.П., адвоката Гулого М.М. /<https://ukrfkod.ru/pract/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-02022023-n-19-ud22-35sp-a3/>].

Лишь указание на возраст также не является уважительной причиной. 13 июля 2023 года Судебной коллегией Верховного суда Российской Федерации вынесено Определение по делу № 1-УД23-7СП-А2, по результатам рассмотрения Кассационной жалобы осуждённого Б. и адвоката Михеева М.В. на приговор Архангельского областного суда от 15 ноября 2021 года и апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Второго апелляционного суда общей юрисдикции от 04 августа 2022 года. Верховный Суд РФ считает, что коллегия присяжных была сформирована с соблюдением требований статей 326–329 УПК РФ и в ее состав вошли только те заседатели, которые имели право осуществлять правосудие. Утверждение адвоката в его кассационной жалобе о тенденциозности коллегии присяжных заседателей **ввиду их возраста, близкого к возрасту потерпевших, надумано и не может быть принято во внимание»**^[9].

Ø Национальность: Верховный Суд РФ также не считает предвзятостью сформированный одной национальности состав, если дело не касается преступлений, основанных на национальной неприязни. Нельзя согласиться с доводом государственного обвинителя о том, что образованная коллегия присяжных заседателей по своему составу являлась тенденциозной, поскольку в основной состав вошли 11 из 12 кандидатов одной национальности с подсудимыми.

Суд обоснованно отказал в удовлетворении ходатайства государственного обвинителя о роспуске коллегии присяжных в связи с данными обстоятельствами, вынеся отдельное мотивированное постановление, указав, что **преобладание в коллегии присяжных заседателей лиц одной национальности над представителями других**

национальностей при отсутствии достоверных данных об их какой-либо заинтересованности в исходе дела, само по себе не является достаточным для вывода о тенденциозности ее состава.

Кроме того, из протокола судебного заседания видно, что во время формирования коллегии присяжных заседателей, вопросов относительно национальной принадлежности кандидатов в присяжные заседатели не задавалось, **а преступление, в совершении которого обвинялись подсудимые, не носило национального характера.**

Доводы государственного обвинителя о том, что в постановлении об отказе в удовлетворении его ходатайства суд дал оценку только в части, касающейся национальной принадлежности кандидатов, оставил без внимания доводы о нарушении принципа объективности при формировании состава присяжных заседателей, были рассмотрены судом и опровергнуты в постановлении по итогам рассмотрения замечаний на протокол судебного заседания [Кассационное определение СК по уголовным делам Верховного Суда РФ от 15 ноября 2007 г. N 22-О07-17сп/ <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1685010/>].

Автору представляется, что Россия является многонациональной страной. Заявлять ходатайство о тенденциозности сформированной коллегии по одному лишь национальному признаку просто необоснованно. В подобной ситуации требуется также установление дополнительных критериев. К примеру, конкретный характер рассматриваемого уголовного дела - возбуждение ненависти либо вражды, а также унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, принадлежности к какой-либо социальной группе (ст.282 УК РФ). Либо это длительная национальная вражда, в том числе локального характера, которая не вызывает ни у кого сомнения. Всем, например, известен на территории России длившейся более 30 лет Карабахский этнополитический конфликт между армянами и азербайджанцами [10]. В таком случае, рассматриваемое локальное уголовное дело в отношении одной национальности с составом присяжных преимущественно второй национальности может рассматриваться как предвзятость и необъективность. Однако национальный конфликт, по мнению автора, не свойственен для Российской Федерации как устойчивый признак. Вместе с тем, если бы ситуация гипотетически рассматривалась на другом континенте, где дело в отношении «белого» рассматривалось двенадцатью «афроамериканцами», думаю, было бы безапелляционно решено распустить подобную коллегию.

Автор на основе анализа изученного материала пришел к убеждению, что отсутствие четкого перечня факторов, влияющих на тенденциозность коллегии присяжных заседателей не случайно. Его просто невозможно прописать ввиду не только множества жизненных ситуаций, но и сугубо необходимостью индивидуально решать этот вопрос оценивая всю совокупность фактических обстоятельств по конкретному делу. Однако это не пробел права. Такие конструкции известны уголовно-процессуальному законодательству. Никто же не требует четко установить пределы доказывания или тактику следствия, перечень необходимых следственных действий по каждому уголовному делу. Поскольку в данном случае понятно, что это бесмысленно и невозможно.

Хотелось сослаться на замечательные слова профессора Полины Абрамовны Лупинской, которая отмечала, что правоприменитель в своей деятельности должен исходить из того, что действующий закон считает целесообразным. Поскольку в самом законе заложена его целесообразность, по мнению П.А. Лупинской, точное и неуклонное его применение

есть одновременно и целесообразное его использование. Именно применение буквы и духа закона, а не противопоставление буквы закона его духу обеспечивает строгую законность [11]. Иными словами, в парадигме нашего представления, невозможно признать институт тенденциозности состава коллегии присяжных заседателей как ненужный или неработающий механизм. По нашему мнению, это исключительная, экстраординарная возможность распустить коллегию, когда в формирование коллегии присяжных заседателей вмешались внешние факторы. Подобное ходатайство заявляется не в связи с нарушением положений закона о порядке формирования коллегии. Формально закон был соблюден. Вмешались внешние факторы, которые повлияли на качество законно сформированного состава. Поэтому такая возможность просто напросто не может быть реализована в каждом деле. В противном случае стоило бы говорить об ущербной процедуре. Оправдательных приговоров в процентном соотношении не много, но было бы неправильным сказать, что вся причина кроется в обвинительном уклоне.

Практика показывает, что приблизительно два раза в год заявление о тенденциозности удовлетворяется, мы понимаем, что это незаменимый, экстраординарный и крайне важный институт, которым нужно уметь пользоваться. В умелых руках он может сыграть свою важную и значимую роль в конкретном деле.

Итак,

1. Расследование по причине преобладания лиц одного или другого пола невозможен. Поскольку мужчины и женщины, согласно статье 19 Конституции РФ равны в своих правах. Вместе с тем в совокупности с обстоятельствами конкретного дела такое ходатайство может быть удовлетворено по делам, связанным с преступлениями против половой неприкосновенности и половой свободы женщин, преступлениями, связанными с семейными отношениями, а также преступлениями, возникшими на почве отношений между мужчиной и женщиной. Стоит отметить, что даже в таких делах стоит тщательно сопоставлять все обстоятельства сложившейся ситуации и устанавливать причинно-следственную связь всех обстоятельств. Ведь по делам, у примеру об изнасиловании сформированная коллегия присяжных заседателей может состоять из женщин, которые имеют сыновей, а не дочерей, и соответственно будут симпатизировать скорее обвиняемому, нежели потерпевшей. Тогда вопрос напрямую связан и с правильно поставленными перед присяжными заседателями вопросами. К сожалению, стороны порой забывают об этом. Согласитесь, неприязнь сформированной коллегии присяжных к такой профессии как врач, или же негативное отношение к лицам, превосходящим в имущественном положении, можно установить, только подтвердив ее ответами присяжных о негативном собственном опыте или опыте близких.

2. Национальность не является объективной причиной распуска коллегии присяжных заседателей. Необходимо установления дополнительных факторов причинно-следственно связанных с материалами дела. Это могут быть преступления на почве национальной неприязни, которые прямо поименованы в уголовном кодексе РФ. Либо это длительные национальные конфликты, в том числе локального характера, которые могут свидетельствовать об этнической неприязни друг друга двух национальностей.

Библиография

1. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М.: ООО "ИТИ Технологии", 2003. 795 с.
2. Пашин С.А. Судебная реформа и суд присяжных. М.: Российская правовая академия,

1995. 12-13 с.

3. Радутная Н.В. Зачем нам нужен суд присяжных. М.: Изд-во РПА МЮ РФ, 1995. 23, 29 с.
4. Радутная Н.В. Зачем нам нужен суд присяжных. М.: Изд-во РПА МЮ РФ, 1995. 23, 29 с.
5. Добровольская С.И. Суд присяжных: актуальные проблемы организации и деятельности: автореферат дис. ... кандидата юридических наук : 12.00.09 / МГУ им. М. В. Ломоносова. Москва, 1995. 8 с.
6. Марасанова С.В. Организационные и процессуальные проблемы деятельности суда присяжных. М., 2002. 41 с.
7. Насонов С.А. Суд присяжных: итоги 2023 года и прогноз на 2024-й. Адвокатская газета. 27 декабря 2023 года. URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/sud-prisyazhnykh-itogi-2023-goda-i-prognoz-na-2024-y/> (дата обращения: 27.12.2023).
8. Седых Е.М. Особенности тенденциозности как основания роспуска коллегии присяжных заседателей. Электронный научно-практический журнал "Политика, государство и право". URL: <https://politika.snauka.ru/2016/02/3702> (дата обращения: 27.12.2023).
9. ВСРФ: довод о тенденциозности коллегии присяжных заседателей ввиду возраста близкого к возрасту потерпевших надуман. URL: <https://legalbulletin.online/vs-rf-dovod-o-tendencioznosti-kollejii-prisjazhnyh-zasedatelej-vvidu-vozrasta-blizkogo-k-vozrastu-poterpevshih-naduman/> (дата обращения: 27.12.2023).
10. Карабахский конфликт. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Карабахский_конфликт (дата обращения: 27.12.2023).
11. Лупинская П.А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство, практика. 2-е изд. М.: Норма, ИНФРА-М, 2010. 201 с. EDN: SDQQMJ.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной на рецензирование статье являются, как это следует из ее наименования, проблемы удовлетворения ходатайства о тенденциозности коллегии присяжных заседателей. Заявленные границы исследования соблюdenы ученым.

Методология исследования в тексте статьи не раскрывается.

Актуальность избранной автором темы исследования несомненна и обосновывается им следующим образом: "Есть в уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации «загадочная» статья 330, предусматривающая возможность роспуска коллегии присяжных заседателей ввиду тенденциозности ее состава. Часть первая гласит, что до приведения присяжных заседателей к присяге у сторон есть возможность заявить ходатайство о роспуске коллегии присяжных заседателей вследствие их неспособности вынести объективный вердикт в связи с учетом особенностей рассматриваемого уголовного дела и образованной в данном деле коллегии. При признании такого заявления обоснованным, согласно части 3 председательствующий распускает коллегию присяжных заседателей и возобновляет подготовку к рассмотрению уголовного дела судом с участием присяжных заседателей в соответствии со статьей 324 УПК РФ. Иных пояснений, о каких критериях идет речь, чтобы ходатайство было удовлетворено, УПК РФ не содержит. Что за особенности рассматриваемого уголовного дела? По каким причинам сформированная с участием сторон коллегия вдруг становится неспособной

вынести объективный вердикт?"; "При подробном изучении нормативно-правового регулирования данного вопроса, становится ясным, что для большинства правоприменителей остается в тумане вопрос как о самом понимании тенденциозности коллегии присяжных заседателей, так и о том, на каких основаниях можно заявить такое ходатайство и как его мотивировать. Все это привело лишь к многообразным дискуссиям в теории и разрозненной судебной практике". Дополнительно ученому необходимо перечислить фамилии ведущих специалистов, занимавшихся исследованием поднимаемых в статье проблем, а также раскрыть степень их изученности.

Научная новизна работы проявляется в ряде заключений автора: "Однако мы не можем разделить такое мнение. В формировании коллегии участвуют обе стороны: и сторона защиты, и сторона обвинения. У обоих сторон есть возможность задать вопросы при отборе, заявить как мотивированный отвод, так и немотивированный. А пункт 16 статьи 328 УПК РФ предоставляет также, если позволяет количество неотведенных присяжных заседателей, право на один дополнительный немотивированный отвод. До последнего момента доподлинно невозможно утверждать с уверенностью о конечном результате и о том, имеются ли признаки необъективности у сформированной коллегии. Законодатель же намеренно предоставляет с учетом того фактора, что при формировании коллегии были соблюдены все положения закона, возможность на этапе формирования коллегии устраниТЬ даже предполагаемый деффект"; "... на наш взгляд, пол человека не предполагает наличие у этого лица какого-либо «обязательного набора» убеждений, жизненных ценностей, оценок, которые могут помешать вынесению справедливого вердикта со стороны коллегии присяжных, состоящей более чем наполовину, или даже целиком из представителей одного биологического пола. Женщины, как и мужчины, могут занимать абсолютно разное положение в обществе, являясь представителями разных профессий, классов, быть различны по возрастным и иным социальным признакам. Однако пол – это признак биологический, а не социальный"; "Автору представляется, что Россия является многонациональной страной. Заявлять ходатайство о тенденциозности сформированной коллегии по одному лишь национальному признаку просто не обоснованно. В подобной ситуации требуется также установление дополнительных критериев. К примеру конкретный характер рассматриваемого уголовного дела - возбуждение ненависти либо вражды, а также унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, принадлежности к какой-либо социальной группе (ст.282 УК РФ). Либо это длительная национальная вражда, в том числе локального характера, которая не вызывает ни у кого сомнения" и др. Таким образом, статья вносит определенный вклад в развитие отечественной правовой науки и, безусловно, заслуживает внимания потенциальных читателей.

Научный стиль исследования выдержан автором в полной мере.

Структура работы логична. Во вводной части статьи ученый обосновывает актуальность избранной им темы исследования. В основной части работы автор анализирует теоретические и практические проблемы заявления, рассмотрения и удовлетворения ходатайства о тенденциозности коллегии присяжных заседателей. В заключительной части работы содержатся выводы по результатам проведенного исследования.

Содержание статьи соответствует ее наименованию, но не лишено недостатков формального характера.

Так, автор пишет: "То есть, тенденциозность это пристрасность, предвзятость. Казалось бы смысл слова весьма понятен, но при реализации его в практике начинают возникать трудности и разнотчтения" - "То есть тенденциозность – это пристрасность, предвзятость. Казалось бы, смысл слова весьма понятен, но при реализации его на практике начинают возникать трудности и разнотчтения" (см. на опечатку, пунктуацию и

стилистику).

Ученый отмечает: "С. А. Пашин указывает, что институт заявления о тенденциозности позволяет предотвратить необъективность коллегии присяжных по отдельным категориям преступлений, поскольку по делам о преступлениях, связанных с национальными столкновениями, и о половых преступлениях опасным может быть не только стопроцентное участие в процессе присяжных одной национальности или одного пола, но даже их большинство[2]" - "поскольку" (опечатка).

Автор указывает: "В таком случае, скажем рассматриваемое локальное уголовное дело в отношении одной национальности с составом присяжных преимущественно второй национальности может навести нас на предвзятость и необъективность. ... Вместе с тем, если бы ситуация гипотетически рассматривалась на другом континенте, где дело в отношении «белого» рассматривалось двенадцатью «афроамериканцами», думаю, было бы безапелляционно решено распустить подробную коллегию" - "В таком случае, скажем, рассматриваемое локальное уголовное дело в отношении одной национальности с составом присяжных преимущественно второй национальности может навести нас на предвзятость и необъективность. ... Вместе с тем, если бы ситуация гипотетически рассматривалась на другом континенте, где дело в отношении «белого» рассматривалось двенадцатью «афроамериканцами», думаю, было бы безапелляционно решено распустить подобную коллегию" (см. на опечатки и пунктуацию).

Таким образом, статья нуждается в дополнительном вычитывании - в ней встречаются множественные опечатки, пунктуационные и стилистические ошибки (приведенный в рецензии перечень опечаток и ошибок не является исчерпывающим!).

Библиография исследования представлена 11 источниками (монографиями, диссертационной работой, научными статьями, словарем). С формальной и фактической точек зрения этого достаточно. Автору удалось раскрыть тему исследования с необходимой полнотой и глубиной.

Апелляция к оппонентам имеется, как общая, так и частная (С. И. Добровольская, С. В. Марасанова), и вполне достаточна. Научная дискуссия ведется автором корректно. Положения работы обоснованы в должной степени и проиллюстрированы примерами.

Выводы по результатам проведенного исследования имеются ("1. Ростр коллегии по причине преобладания лиц одного или другого пола невозможен. Поскольку мужчины и женщины, согласно статье 19 Конституции РФ равны в своих правах. Вместе с тем в совокупности с обстоятельствами конкретного дела такое ходаатайство может быть удовлетворено по делам, связанным с преступлениями против половой неприкосновенности и половой свободы женщин, преступлениями, связанными с семейными отношениями, а также преступлениями, возникшими на почве отношений между мужчиной и женщиной. Стоит отметить, что даже в таких делах стоит тщательно сопоставлять все обстоятельства сложившейся ситуации и устанавливать причинно-следственную связь всех обстоятельств. Ведь по делам, у примеру об изнасиловании сформированная коллегия присяжных заседателей может состоять из женщин, которые имеют сыновей, а не дочерей, и соответственно будут симпонировать скорее обвиняемому, нежели потерпевшей. Тогда вопрос напрямую коррелируют и с правильно поставленными перед присяжными заседателями вопросами. К сожалению, стороны порой забывают об этом. Согласитесь, неприязнь сформированной коллегии присяжных к такой профессии как врач, или же негативное отношение к лицам, превосходящим в имущественном положении, можно установить, только подтвердив ее ответами присяжных о негативном собственном опыте или опыте близких.

2. Национальность не может являться объективной причиной ростра коллегии присяжных заседателей. Необходимо установления дополнительных факторов причинно-следственно связанных с материалами дела. Это могут быть преступления на почве

национальной неприязни, которые прямо поименованы в уголовном кодексе РФ. Либо это длительные национальные конфликты, в том числе локального характера, которые могут свидетельствовать об этнической неприязни друг друга двух национальностей"), они четкие, конкретные, обладают свойствами достоверности, обоснованности и, несомненно, заслуживают внимания научного сообщества.

Интерес читательской аудитории к представленной на рецензирование статье может быть проявлен прежде всего со стороны специалистов в сфере уголовного процесса при условии ее доработки: раскрытии методологии исследования, дополнительном обосновании актуальности его темы (в рамках сделанного замечания), устранении многочисленных нарушений в оформлении статьи.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

На рецензирование представлена статья на тему «Проблемы удовлетворения ходатайства о тенденциозности коллегии присяжных заседателей» для опубликования в журнале «Юридические исследования».

Статья посвящена анализу проблем, связанных с удовлетворением ходатайств о тенденциозности коллегии присяжных заседателей в рамках уголовного судопроизводства Российской Федерации. Основное внимание уделено применению положений ст. 330 УПК РФ, которая предусматривает возможность роспуска коллегии присяжных при наличии признаков необъективности её состава. Автор исследует критерии тенденциозности, судебную практику и научные точки зрения по данной теме.

Выводы по результатам исследования основаны автором на применении таких научных методов, как: догматический анализ норм УПК РФ и комментариев к ним, сравнительно-правовой метод для изучения судебной практики (например, решения Верховного Суда РФ и региональных судов), теоретический анализ научных работ С.А. Пашина, Н.В. Радутной, С.И. Добровольской и других, эмпирический метод позволил изучить конкретные судебные дела, где рассматривались ходатайства о тенденциозности. Такой комплексный подход позволил автору всесторонне раскрыть тему и выявить противоречия в правоприменительной практике.

Тема статьи является актуальной, поскольку институт присяжных заседателей играет ключевую роль в обеспечении справедливого правосудия. Неопределенность критериев тенденциозности создаёт проблемы для сторон процесса и судей, что может влиять на исход дел. Автор подчёркивает, что отсутствие чётких стандартов приводит к разрозненной судебной практике, что требует научного осмыслиения и законодательных уточнений.

Новизна исследования заключается в проведенной автором систематизации судебной практики по вопросам тенденциозности коллегии присяжных; критическом анализе научных позиций, включая аргументы за и против сохранения данного института; предложении авторского взгляда на проблему, основанного на комплексном изучении законодательства, практики и доктрины. Автор также выделил ключевые факторы, которые могут свидетельствовать о тенденциозности (например, однородность состава по полу, возрасту, национальности в контексте конкретного дела).

Стиль, структура и содержание работы соответствуют требованиям, предъявляемым к научным исследованиям данного вида. Статья написана научным, но доступным языком, с чёткими формулировками и примерами из практики. Структура логична и последовательна. Включает введение, анализ законодательства, судебной практики,

научных позиций, выводы. Содержание богатое и информативное. Автор приводит конкретные кейсы, что делает материал наглядным. Однако можно было бы добавить больше статистических данных для усиления аргументации.

Список литературы обширен и включает: нормативные акты (УПК РФ, Конституция РФ), современные судебные решения (постановления Верховного Суда РФ, решения конкретных судов и вышестоящих судебных инстанций), научные работы (монографии, статьи), справочные материалы (толковые словари). Рецензентом отмечается отсутствие ссылок на зарубежные исследования, которые могли бы обогатить анализ, что не умаляет достижений автора в части сформулированных выводов.

Автор активно дискутирует с отечественными оппонентами. Например, с С.И. Добровольской, которая предлагает упразднить институт тенденциозности из-за риска неприязни присяжных к подсудимому. Автор возражает, указывая на возможность рассмотрения ходатайства без участия присяжных. С С.В. Марасановой, считающей институт излишним. Автор аргументирует его необходимость, подчёркивая, что тенденциозность может проявиться уже после формирования коллегии. Эти дискуссии делают статью более полемичной и интересной.

Автор приходит к выводу, что отсутствие чётких критериев тенденциозности не является пробелом права, а обусловлено необходимостью индивидуального подхода к каждому делу. Однако он подчёркивает важность этого института как «экстраординарного инструмента» для обеспечения справедливости. Статья будет интересна и полезна как ученым, так и практикам. Практикующим юристам и судьям, сталкивающимся с ходатайствами о тенденциозности. Учёным, исследующим уголовный процесс и судебную систему. Студентам юридических вузов для углублённого изучения темы и подготовки выпускных квалификационных работ.

Представленная на рецензирование статья представляет собой качественное научное исследование, сочетающее теоретическую глубину и практическую направленность. Несмотря на небольшие недочёты (например, отсутствие зарубежного контекста), материал является значимым вкладом в изучение проблем суда присяжных в России. Рекомендуется к публикации и использованию в научной и профессиональной среде.

Юридические исследования*Правильная ссылка на статью:*

Ильменева В.А. Правовой режим веществ: отходы производства и потребления, побочный продукт производства, вторичное сырье, вторичные ресурсы // Юридические исследования. 2025. № 5. DOI: 10.25136/2409-7136.2025.5.74349 EDN: BMLROD URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74349

Правовой режим веществ: отходы производства и потребления, побочный продукт производства, вторичное сырье, вторичные ресурсы**Ильменева Вероника Артуровна**

ORCID: 0009-0006-1319-2816

аспирант; Юридический факультет; Санкт-Петербургский государственный университет
199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Василеостровский р-н, Университетская наб., д. 7-9-11 литера АБ

□ v.ilmeneva@mail.ru[Статья из рубрики "Экологическое и земельное право"](#)**DOI:**

10.25136/2409-7136.2025.5.74349

EDN:

BMLROD

Дата направления статьи в редакцию:

06-05-2025

Дата публикации:

20-05-2025

Аннотация: Предметом исследования является определение правового режима веществ в экологическом праве, включая отходы производства и потребления, побочные продукты производства, вторичное сырье и вторичные ресурсы. Анализируются проблемы их правового регулирования, препятствующие вовлечению этих веществ в хозяйственный оборот в контексте общедозволительного и разрешительного типов правового регулирования. Исследуются нормы действующего законодательства, доктринальные подходы, позволяющие раскрыть общее и различное в порядке правового регулирования веществ как дополнительных источников сырья, а также соотношение публично-правовых и частноправовых средств, которые применяются при определении правового режима вещества. Обобщающим фактором стала необходимость

формирования самостоятельного правового режима вещества как родового понятия применительно к отходам производства и потребления, побочному продукту производства, вторичным ресурсам и вторичному сырью (как дополнительным источникам сырья). В работе применяются методы сравнительно-правового анализа, системного подхода и юридической герменевтики. Методологическую основу составляют теоретические разработки в области экологического права и теории права, включая концепции правовых режимов и типов правового регулирования (разрешительного и общедозволительного). Автором выявлены противоречия между императивным и диспозитивным подходами к регулированию обращения с веществами. Предложены авторские подходы к пониманию правовых режимов веществ. Обоснована необходимость нормативного закрепления понятия «побочный продукт производства», «вторичное сырье» и предложены критерии их ограничения от отходов производства и потребления. Установлено, что действующий правовой режим отходов носит ограничительный характер, основанный на разрешительном типе регулирования, что затрудняет их использование. В то же время правовой режим побочных продуктов производства, несмотря на потенциально общедозволительный характер, не имеет четкой нормативной регламентации. Автор предлагает внести изменения в нормативное регулирование, направленное на устранение пробелов и стимулирование вовлечения отходов производства и потребления в хозяйственный оборот.

Ключевые слова:

правовой режим, отходы производства, побочный продукт производства, вторичные ресурсы, вторичное сырье, разрешительный тип регулирования, общедозволительный порядок, хозяйственный оборот веществ, правовая квалификация вещества, экологическое право

1. Введение

Экологическое право является комплексной отраслью права [7], но зафиксированное преобладание публично-правовых средств, отраженное в экологическом законодательстве, ограничивает хозяйствующих субъектов в праве на определение судьбы вещества. Вместе с этим исследователями подчеркивается, что «в целях обеспечения публичных экологических интересов могут использоваться частноправовые методы» [7], к которым следует отнести диспозитивный способ определения судьбы вещества.

Разработка эффективных инструментов правового регулирования обращения с отходами производства и потребления (далее – отходы) с целью максимального вовлечения вторичных ресурсов, вторичного сырья и побочных продуктов производства в хозяйственный оборот в качестве дополнительных источников сырья является приоритетом в рамках направлений, обеспечивающих переход к высокопродуктивному хозяйству, развитию технологий, воспроизводящих системы и процессы живой природы в виде технологических процессов, интегрированных в природную среду, для создания безопасной и качественной продукции, что определено Стратегией научно-технологического развития Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 28.02.2024 г. № 145.

В качестве самостоятельного механизма эколого-правового регулирования не так давно сформировалась концепция экономики замкнутого цикла (далее – ЭЗЦ). ЭЗЦ

противопоставляется линейной экономике, которая подразумевает образование отходов без возврата их в производственный цикл

В этом смысле необходимо определить правовой режим вещества (отходов, побочного продукта производства, вторичных ресурсов и вторичного сырья как дополнительных источников сырья) и его основные характеристики, что позволит в ходе работы проанализировать проблемы правового регулирования обращения с отходами, препятствующие вовлечению их в хозяйственный оборот в качестве дополнительных источников сырья.

Методологическую основу составляют теоретические разработки в области экологического права и теории права, включая концепции правовых режимов и типов правового регулирования (разрешительного и общедозволительного).

Несмотря на наличие разных подходов к определению правового режима, «он в основном используется в различных отраслях права применительно к характеристике объектов правового регулирования» [3, С. 6]. По мнению А. С. Малько, «правовой режим – это не столько результат, сколько система условий и методик осуществления правового регулирования, определенный «распорядок» действия права, необходимый для оптимального достижения соответствующих целей, в том числе и правовой политики» [9, С.13-14]. С. С. Алексеев раскрывал правовой режим следующим образом: «порядок регулирования, который выражен в комплексе правовых средств, характеризующих особое сочетание взаимодействующих между собой дозволений, запретов, а также позитивных связываний и создающих особую направленность регулирования» [1, С. 243]. В статье преимущественно правовые режимы будут рассматриваться с точки зрения, предложенной С.С. Алексеевым.

Правовая квалификация вещества в качестве отхода или побочного продукта производства влияет на дальнейший правовой режим использования такого вещества [12]. Для того, чтобы определить порядок использования вещества, необходимо установить критерии, которые отмечаются для квалификации его в качестве отхода или побочного продукта производства. Иными словами, обобщающие признаки и различительные черты, которые бы помогли выявить проблемы понятийного аппарата.

По данной теме можно отметить работы за авторством С.В. Львовича, Ю.О. Радчик, Э.Ф. Раимовой, их работы посвящены общим положениям правового регулирования обращения с отходами. Из числа последних научных работ следует отметить работу М.В. Пономарева, в которой автор раскрывает тенденции развития правового регулирования в области обращения с отходами, а также работу Д.А. Нагайцевой, посвятившей диссертацию правовым проблемам обращения с отходами электронного и электрического оборудования, однако перечисленные исследователи все же косвенно раскрывают подходы, которым посвящена настоящая работа.

2. Основная часть

Прежде всего, начнем исследование с анализа правового режима «отходы», так как правовая квалификация вещества в данной категории с позиции правового регулирования во многом определяет дальнейший порядок обращения с веществом.

Подход законодателя, сформулированный в ряде статей Федерального закона «Об отходах производства и потребления» от 24.06.1998 №89-ФЗ (далее – Федеральный закон №89-ФЗ), сводится к тому, что образование любых веществ в процессе

производства свидетельствует об образовании именно отходов.

Порядок учета в области обращения с отходами установлен Приказом Минприроды России от 08.12.2020 № 1028 «Об утверждении Порядка учета в области обращения с отходами» (далее – Приказ Минприроды №1028). Такой порядок не предоставляет хозяйствующим субъектам право выбора, то есть паспортизация отходов должна быть проведена в отношении любых веществ, которые «утратили потребительские свойства при их использовании для производства продукции, выполнения работ, оказания услуг», как это следует из пункта 7 Приказа Минприроды №1028. Вместе с этим, критерий потребительских свойств в отношении квалификации вещества как отхода существовал только до 01.01.2015, тогда как в настоящий момент понятие «отхода» не содержит соответствующий признак. Разумеется, это не свидетельствует о наличии прямого запрета, связанного с воздержанием от негативного воздействия на окружающую среду в связи с квалификацией вещества в качестве отхода, однако и не может свидетельствовать о прямом дозволении квалифицировать вещество иначе, чем как отходы.

Указанное наталкивает на рассуждения о формировании предположения отнесения веществ к отходам. В целом, такой подход обосновывается методом регулирования экологического права, а именно – разрешительным типом правового регулирования. Как указывает Г. А. Волков, разрешительный тип правового регулирования подразумевает общий запрет на любое воздействие на окружающую среду [\[5\]](#).

Таким образом, в отсутствие однозначного запрета тем не менее можно говорить о фактическом запрете квалификации веществ иным образом нежели чем отходы, что также подтверждается позицией А.В. Малько: «[В] законодательстве порой «молчаливый запрет» технически оформляется посредством установления целого ряда избыточных обязанностей» [\[11, С.18\]](#). Одним из видов деятельности по обращению с отходами является утилизация. В соответствии с Федеральным законом №89-ФЗ под утилизацией отходов понимается использование отходов для производства товаров (продукции), выполнения работ, оказания услуг, включая повторное применение отходов, в том числе повторное применение отходов по прямому назначению (рециклинг), их возврат в производственный цикл после соответствующей подготовки (регенерация), извлечение полезных компонентов для их повторного применения (рекуперация). Утилизация отходов I-IV классов опасности является лицензируемым видом деятельности в соответствии с Федеральным законом от 04.05.2011 № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности».

С учетом изложенного, утилизация отходов ввиду наличия у процедуры лицензирования в том числе информационной функции (в части возможности ознакомиться с порядком прохождения процедуры) позволяет хозяйствующему субъекту своевременно подготовиться к соблюдению процессов по вовлечению отходов в хозяйственный оборот в рамках существующего правопорядка. Правовое регулирование обращения с побочным продуктом производства не предоставляет соответствующих правовых средств, определяющих для хозяйствующих субъектов специфику правовых режимов [\[10, С.263\]](#). К различиям в правовых режимах относится то, что отходы могут быть вовлечены в хозяйственный оборот только посредством утилизации исходя из запрета воздействия на окружающую среду, тогда как квалификация вещества в качестве побочного продукта производства предполагает его дальнейшее непосредственное использование в хозяйственном обороте исходя из разрешения воздействия на окружающую среду.

Обращаясь к правовым режимам вторичных ресурсов и вторичному сырью стоит отметить, что они не носят самостоятельный характер, поскольку определяются правовым режимом отходов. Несмотря на то, что термин вторичные ресурсы является относительно новым, он сформулирован таким образом, что под вторичными ресурсами подразумеваются отходы. Нормативное определение указано в статье 1 Федерального закона №89-ФЗ: отходы, которые или части которых могут быть повторно использованы для производства товаров, выполнения работ, оказания услуг или получения энергии и которые получены в результате раздельного накопления, сбора или обработки отходов либо образованы в процессе производства. Вторичные ресурсы «подлежат отражению в отчетности в порядке, установленном для отходов» (письмо Минприроды России от 30.11.2023 № 25-47/46122 "Об отражении перевода вторичного ресурса во вторичное сырье"). Указанное сопряжено с разрешительным типом правового регулирования, подразумевающим, что запрещено все, кроме перечисленных в законодательстве указаний (применительно к отходам). Несмотря на то, что суть вторичных ресурсов в их «повторном использовании», следовательно, возможности диспозитивным способом (то есть самостоятельно) определить их судьбу и «повторно использовать», выявляется противоречие с императивным способом (то есть в установленном законом порядке) определения судьбы вещества, описанным Г. А. Мисник [12]. Г. А. Мисник хотя и отмечает комплексную правовую природу регулируемых отношений [12], ею не отмечается существующее противоречие в законодательстве, касающееся правового регулирования отходов и вторичных ресурсов.

Вместе с этим, соотношение одновременно самостоятельного выбора и установленного порядка в рамках разрешительного типа правового регулирования относительно определения судьбы вещества не установлено, и здесь уместно сослаться на Г. А. Волкова, который в свою очередь указывает, что одна отрасль права не может иметь в своей основе одновременно два принципиально противоположных режима (типа) правового регулирования, т.е. одновременно и общедозволительный, и разрешительный [5]. С другой стороны, как верно указывает С.А. Боголюбов, «[П]роблема соотношения императивных и диспозитивных методов в сфере экологии, [...], обостряется ввиду модернизации социально-экономической жизни, когда сформировавшиеся конкретно властные-вертикальные механизмы должны уступать место добровольно-горизонтальным способам поведения в условиях демократизации общества, расширения информации, наращивания конкретных рыночных отношений» [4, С.77]. Это же отражается и на сфере обращения с отходами и дополнительными источниками сырья.

С 01.03.2023 вступила в силу статья 51.1 Федерального закона «Об охране окружающей среды» от 10.01.2002 №7-ФЗ (далее – Федеральный закон №7-ФЗ), которая указывает, что «хозяйствующие субъекты в результате хозяйственной и (или) иной деятельности которых образуются не являющиеся продукцией производства вещества и (или) предметы, самостоятельно осуществляют их отнесение к отходам либо побочным продуктам производства вне зависимости от факта включения таких веществ и (или) предметов в федеральный классификационный каталог отходов» (далее – ФККО), за исключением случая, предусмотренного пунктом 10 статьи.

Такой способ определения судьбы вещества Г.А. Мисник выделяет как диспозитивный, то есть самостоятельное хозяйствующим субъектом [12], используя дозволение. Однако, как указывает С.С. Алексеев, «одного лишь декларирования этих прав, [...], еще недостаточно; оно, [...], нуждается в оснащении действенными механизмами, обеспечивающими возможность полной эффективной реализации этих прав» [11].

Действительно, практическая реализация положений статьи 51.1 Федерального закона № 7-ФЗ на данный момент затруднительна, поскольку, обращаясь к порядку квалификации вещества в качестве отхода, выявляется, например, что вещество может быть признано таковым в установленном порядке и при отсутствии вида отхода в ФККО, утвержденном Приказом Росприроднадзора от 22.05.2017 № 242.

Правовой режим побочного продукта производства на данный момент, тем самым, не создает «конкретную степень благоприятности для удовлетворения интересов» [\[9, С.14\]](#) хозяйствующих субъектов.

Тем не менее, можно вывести правовой режим побочного продукта производства, а именно: это порядок правового регулирования вещества, образованного в процессе производства, выполнения работ, оказания услуг, не являющегося целью данного производства, выполнения работ, оказания услуг, в качестве побочного продукта производства, определение юридической судьбы которого выражено в дозволении. Хозяйствующий субъект при осуществлении деятельности, в которой образуется побочный продукт производства, вынужден соблюдать требования, аналогичные лицензионным (для побочного продукта производства также сохраняется риск внесения платы за НВОС в случае признания его отходом), в связи с этим актуально предложение А. Б. Долгушкина об «упрощении лицензирования с неопасными отходами» [\[6, С.100\]](#), которое в рамках настоящей работы можно интерпретировать следующим образом: следует определить порядок отнесения вещества к побочному продукту производства таким образом, чтобы сформулировать отличные правовые режимы отходов и побочного продукта производства. Без сформированного определения порядка отнесения вещества к побочному продукту производства права хозяйствующих субъектов на самостоятельное определение юридической судьбы вещества в пользу побочного продукта производства реализовать затруднительно. В связи с чем автором обоснована необходимость введения термина «побочный продукт производства» и разработаны предложения по его определению с указанием на применимые нормы права как на правовые средства, а именно: под побочным продуктом производства необходимо понимать вещества и (или) предметы, образованные в процессе производства, выполнения работ, оказания услуг, не являющиеся целью данного производства, выполнения работ, оказания услуг, при этом подтверждение квалификации в качестве которых и их использование регулируется законодательством о техническом регулировании, поскольку определение обязательных требований к качеству товаров относится к сфере ведения Федерального закона от 27.12.2002 № 184-ФЗ «О техническом регулировании».

В этом смысле наличие в правовом регулировании экологических отношений элементов правовых институтов предпринимательского права всё же соразмерно типу правового регулирования экологических правоотношений, поскольку «[Э]кологическая безопасность объектов технического регулирования которая может подтверждаться, в том числе, путем применения инструмента оценки соответствия» [\[13, С.114\]](#).

Из этого можно вывести правовой режим отходов производства и потребления, под которым понимается порядок правового регулирования вещества, образованного в процессе производства, выполнения работ, оказания услуг, не являющегося целью данного производства, выполнения работ, оказания услуг, в качестве отхода, определение юридической судьбы которого выражено в установленном в ходе диссертации предположении (презумпции) отнесения вещества к отходам, что обусловлено запретом на вовлечение его в хозяйственный оборот, вытекающим из законодательства, как способом правового регулирования.

3. Заключение

Изменение парадигмы с линейной экономики на ЭЗЦ влечет необходимость урегулирования нового формата правоотношений. Недостаточно правовых норм в сфере обращения с отходами, требуется урегулирование новых правовых режимов веществ: вторичного сырья, побочного продукта производства – что позволит правовому регулированию соответствовать современным экономическим отношениям.

Итак, правовой режим вещества является родовым понятием применительно к правовому режиму отходов производства и потребления, правовому режиму побочных продуктов производства, правовому режиму вторичного сырья, правовому режиму вторичных ресурсов.

Под правовым режимом вещества нами предлагается понимать порядок правового регулирования определения юридической судьбы вещества, образованного в процессе производства, выполнения работ, оказания услуг, не являющегося целью данного производства, выполнения работ, оказания услуг, в структуре которого преобладают правовые средства, основанные на дозволении в решении вопроса относительно вовлечения вещества в хозяйственный оборот.

Характер регулирования правового режима отходов производства и потребления – ограничивающий, как это следует из разрешительного типа правового регулирования, тогда как побочного продукта производства, несмотря на выявление квалицензионных требований, предъявляемых к квалификации вещества в качестве побочного продукта производства – дозволение для целей стимулирования использования таких веществ в хозяйственном обороте.

Из этого выводится правовой режим отходов производства и потребления: это порядок правового регулирования определения юридической судьбы вещества, образованного в процессе производства, выполнения работ, оказания услуг, не являющегося целью данного производства, выполнения работ, оказания услуг, в качестве отхода, подкрепляемое выявленным предположением (презумпцией) отнесения вещества к отходам (что обусловлено пробелами в части отсутствия определения порядка отнесения вещества к побочному продукту производства по отношению к проработанному и в достаточной мере последовательному правовому регулированию квалификации вещества в качестве отходов производства и потребления).

Применительно к правовому режиму побочного продукта производства, вторичного сырья, можно говорить о одновременном применении как публично-правовых средств (в части обеспечения экологической безопасности), так и частноправовых средств (в части установления качества товара) в рамках регулирования экологических правоотношений. Вместе с этим, термины «отходы», «вторичное сырье» и «побочный продукт производства» не соотносятся друг с другом ввиду нечеткого понятийного аппарата и определения их места в системе правового регулирования, что характеризуется, в том числе недостатком правовых критерии разграничения отходов и побочного продукта производства. Выявленные проблемы обосновывают необходимость разграничения порядка квалификации вещества.

Сочетание общедозволительного и разрешительного типов регулирования допускалось С. С. Алексеевым [2, С.331]. Как указывал С. С. Алексеев, конкретный тип правового регулирования «оказывается нужным далеко не на всех участках правового регулирования, а преимущественно там, где необходимо прямое нормативное

закрепление субъективных прав, да причем такое, когда бы выражались социально-политические, нравственные начала регулирования» [2, С.320]. При этом само по себе предоставление специального права на квалификацию вещества в качестве отходов или побочного продукта производства может исходить, как это полагал С. С. Алексеев, из разрешительного типа правового регулирования [2, С.322]. Однако уже в случае квалификации вещества в качестве побочного продукта производства будут применяться в порядке дозволения, что будет подкреплено презумпцией отнесения вещества к дополнительным источникам сырья.

Таким образом, предлагаемые самостоятельные правовые режимы отходов, побочного продукта производства позволяют изменить отношение государства и общества к образуемым остаткам производства в свете ЭЗЦ.

Библиография

1. Алексеев С.С. Теория права: монография. М.: БЕК, 1995. 320 с. EDN: RLSTNL.
2. Алексеев С.С. Специальные вопросы правоведения. Том 2. М.: Статут, 2010. 471 с.
3. Беляева Г.С. К вопросу о классификации правовых режимов // Актуальные проблемы российского права. 2012. № 2. С. 4-10. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=61902
4. Боголюбов С.А. Развитие экологического права на евразийском пространстве: монография. М.: ИНФРА-М, 2020. 420 с.
5. Волков Г.А. Уровни нормативного регулирования экологических отношений // Экологическое право. 2018. № 6. Режим доступа: "Консультант Плюс". EDN: VOMLDB.
6. Долгушин А.Б. Инструменты экономики замкнутого цикла в российском законодательстве // Экономическое возрождение России. 2023. № 3 (77). С. 93-103. DOI: 10.37930/1990-9780-2023-3-77-93-103. EDN: WNKOQX.
7. Клюканова Л.Г. Интерпретативные характеристики российского экологического права. Режим доступа: "Консультант Плюс".
8. Куракин А.В., Елбаева Н.А., Козырева Ю.Н., Калинина Ю.В. К вопросу о предмете экологического права // Современное право. 2024. № 2. Режим доступа: "Консультант Плюс".
9. Малько А.В. Правовой режим как общеправовая категория: проблемы теории и практики // Правовые режимы: актуальные общетеоретические и конституционно-правовые проблемы: монография / под ред. Н.А. Фроловой, В.Ю. Панченко. Красноярск: СФУ, 2016. 272 с.
10. Малько А.В. Стимулы и ограничения в праве: теоретико-информационный аспект [Текст]: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01 / А.В. Малько. Саратов, 1995. 362 с. EDN: NLIOYJ.
11. Малько А.В. О необходимости теории запретов в праве / Запреты в праве и в правовой политике: общетеоретический и отраслевые аспекты / под ред. А.В. Малько. М.: РИОР: ИНФРА-М, 2020. 377 с.
12. Мисник Г.А. Самостоятельная утилизация отходов: угрозы окружающей среде как следствие правовой неопределенности. Режим доступа: "Консультант Плюс".
13. Шакирова Д.И. Правовая охрана окружающей среды посредством технических регламентов [Текст]: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.06 / Д.И. Шакирова. М., 2018. 185 с. EDN: UBCHTR.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не

раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования

Предметом исследования в рецензируемой статье является правовой режим веществ, образующихся в процессе производства и потребления, включая отходы производства и потребления, побочные продукты производства, вторичное сырье и вторичные ресурсы. Автор анализирует существующие правовые режимы данных категорий веществ в контексте перехода от линейной экономики к экономике замкнутого цикла (ЭЗЦ), уделяя особое внимание проблемам разграничения правовых режимов отходов и побочных продуктов производства.

Методология исследования

Методологическую основу исследования составляют теоретические разработки в области экологического права и теории права, в частности, концепции правовых режимов и типов правового регулирования (разрешительного и общедозволительного). Автор использует формально-юридический метод для анализа действующего законодательства, а также сравнительно-правовой метод при сопоставлении правовых режимов различных категорий веществ. В статье применяется метод правового моделирования при формулировании предложений по совершенствованию понятийного аппарата и правового регулирования в исследуемой сфере.

Методология исследования в целом соответствует поставленным задачам и позволяет автору провести комплексный анализ проблематики правовых режимов веществ.

Актуальность

Актуальность исследования обусловлена несколькими факторами. Во-первых, переходом от линейной экономики к экономике замкнутого цикла, что требует пересмотра существующих подходов к правовому регулированию обращения с отходами и другими веществами, образующимися в процессе производства. Во-вторых, наличием противоречий и пробелов в действующем законодательстве, регулирующем правовые режимы различных категорий веществ. В-третьих, необходимостью разработки эффективных инструментов правового регулирования, обеспечивающих максимальное вовлечение вторичных ресурсов в хозяйственный оборот, что соответствует Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации.

Актуальность темы подтверждается также недостаточной разработанностью проблематики в научной литературе, на что указывает автор, отмечая, что существующие исследования лишь косвенно раскрывают подходы, рассматриваемые в статье.

Научная новизна

Научная новизна исследования заключается в следующем:

Выявление противоречий между диспозитивным и императивным способами определения судьбы вещества в рамках разрешительного типа правового регулирования экологических отношений.

Формулирование понятия правового режима вещества как родового понятия по отношению к правовым режимам отходов производства и потребления, побочных продуктов производства, вторичного сырья и вторичных ресурсов.

Выявление и обоснование предположения (презумпции) отнесения вещества к отходам,

обусловленного пробелами в правовом регулировании квалификации вещества в качестве побочного продукта производства.

Разработка предложений по определению понятия "побочный продукт производства" и установлению его правового режима.

Научная новизна исследования подтверждается тем, что автор не только выявляет существующие проблемы правового регулирования, но и предлагает конкретные решения, направленные на совершенствование понятийного аппарата и правовых режимов веществ.

Стиль, структура, содержание

Структура статьи логична и соответствует цели исследования. Статья состоит из введения, основной части и заключения. Во введении обосновывается актуальность темы, определяются методологические основы исследования, дается краткий обзор научной литературы по теме. В основной части анализируются правовые режимы различных категорий веществ, выявляются проблемы их правового регулирования и предлагаются пути решения. В заключении формулируются основные выводы исследования.

Стиль изложения научный, автор использует специальную юридическую терминологию, что соответствует характеру исследования. Вместе с тем, некоторые формулировки недостаточно четкие, что затрудняет понимание авторской позиции. Например, не всегда ясно, что автор понимает под "диспозитивным способом определения судьбы вещества" и как это соотносится с разрешительным типом правового регулирования.

Содержание статьи характеризуется глубоким анализом действующего законодательства и теоретических концепций правовых режимов. Автор выявляет противоречия и пробелы в правовом регулировании, обосновывает необходимость разграничения правовых режимов различных категорий веществ. Особое внимание уделяется проблеме соотношения императивных и диспозитивных методов в сфере экологии, что является важным аспектом совершенствования правового регулирования в условиях перехода к экономике замкнутого цикла.

Библиография

Библиографический список включает 13 источников, что является достаточным для раскрытия темы исследования. Библиография включает как классические работы по теории права (С.С. Алексеев, А.В. Малько), так и современные исследования в области экологического права (Г.А. Волков, С.А. Боголюбов, Г.А. Мисник и др.). Автор корректно цитирует и ссылается на используемые источники, что свидетельствует о научной добросовестности.

Однако в библиографии отсутствуют работы зарубежных авторов, что могло бы обогатить исследование сравнительно-правовым аспектом, особенно в контексте изучения опыта правового регулирования экономики замкнутого цикла в других странах.

Апелляция к оппонентам

Автор корректно ведет научную полемику, ссылаясь на позиции других исследователей и обосновывая собственную точку зрения. В частности, автор отмечает, что Г.А. Мисник, говоря о комплексной правовой природе регулируемых отношений, не отмечает существующее противоречие в законодательстве, касающееся правового регулирования отходов и вторичных ресурсов.

Вместе с тем, апелляция к оппонентам могла бы быть более развернутой. Автор не всегда четко формулирует свои возражения против позиций других исследователей, ограничиваясь констатацией их взглядов.

Выводы, интерес читательской аудитории

Выводы исследования логически вытекают из проведенного анализа и соответствуют поставленным задачам. Автор обосновывает необходимость разграничения правовых режимов отходов и побочных продуктов производства, предлагает определение понятия "правовой режим вещества" как родового понятия по отношению к правовым режимам отдельных категорий веществ.

Статья представляет интерес для широкого круга читателей, включая специалистов в области экологического права, теории права, а также практикующих юристов, занимающихся вопросами правового регулирования обращения с отходами и другими веществами, образующимися в процессе производства. Результаты исследования могут быть использованы в законотворческой деятельности, направленной на совершенствование правового регулирования в сфере обращения с отходами и экономики замкнутого цикла.

Общая оценка и рекомендация

Рецензируемая статья представляет собой самостоятельное научное исследование, характеризующееся актуальностью, научной новизной, теоретической и практической значимостью. Автор выявляет и анализирует важные проблемы правового регулирования правовых режимов веществ, предлагает обоснованные пути их решения.

К достоинствам статьи следует отнести:

Комплексный анализ правовых режимов различных категорий веществ в контексте перехода к экономике замкнутого цикла.

Выявление противоречий и пробелов в действующем законодательстве.

Формулирование конкретных предложений по совершенствованию понятийного аппарата и правового регулирования.

К недостаткам статьи можно отнести:

Некоторую нечеткость формулировок, затрудняющую понимание авторской позиции.

Отсутствие сравнительно-правового анализа опыта зарубежных стран в регулировании экономики замкнутого цикла.

Недостаточно развернутую апелляцию к оппонентам.

Несмотря на отмеченные недостатки статья может быть рекомендована к публикации в журнале "Юридические исследования".

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования. В рецензируемой статье «Правовой режим веществ: отходы

производства и потребления, побочный продукт производства, вторичное сырье, вторичные ресурсы» предметом исследования являются нормы права, определяющие правовой режим отходов производства и потребления, побочного продукта производства, вторичного сырья и вторичных ресурсов.

Методология исследования. Методологический аппарат составили следующие диалектические приемы и способы научного познания: абстрагирование, индукция, дедукция, гипотеза, аналогия, синтез, типология, классификация, систематизация и обобщение. Отмечается применение современных методов, таких как: теоретико-юридический, формально-логический, правового моделирования и др.

Актуальность исследования. Тема статьи является актуальной. Можно согласиться с автором статьи, что «разработка эффективных инструментов правового регулирования обращения с отходами производства и потребления... с целью максимального вовлечения вторичных ресурсов, вторичного сырья и побочных продуктов производства в хозяйственный оборот... является приоритетом в рамках направлений, обеспечивающих переход к высокопродуктивному хозяйству, развитию технологий, воспроизводящих системы и процессы живой природы в виде технологических процессов, интегрированных в природную среду, для создания безопасной и качественной продукции». Данные обстоятельства подтверждают необходимость научных исследований с целью совершенствования законодательства и практики его применения.

Научная новизна. Не подвергая сомнению важность проведенных ранее научных исследований, послуживших теоретической базой для данной работы, тем не менее, можно отметить, что в и этой статье сформулированы положения, которые отличаются научной новизной. В частности, заслуживает внимания вывод автора о том, что «... правовой режим отходов производства и потребления: это порядок правового регулирования определения юридической судьбы вещества, образованного в процессе производства, выполнения работ, оказания услуг, не являющегося целью данного производства, выполнения работ, оказания услуг, в качестве отхода, подкрепляемое выявленным предположением (презумпцией) отнесения вещества к отходам (что обусловлено пробелами в части отсутствия определения порядка отнесения вещества к побочному продукту производства по отношению к проработанному и в достаточной мере последовательному правовому регулированию квалификации вещества в качестве отходов производства и потребления)». В статье содержатся и другие положения, отличающиеся научной новизной, которые можно расценивать как вклад в юридическую науку.

Стиль, структура, содержание. Статья по содержанию соответствует своему названию. Однако на взгляд рецензента, название статьи нуждается в корректировке, поскольку должно быть более кратким, ясным и не только отражать содержание текста, но и заинтересовать читателей. Тема раскрыта. Автором соблюдены требования к объему материала. Статья написана научным стилем, использована специальная терминология, в том числе и юридическая. Автором предпринята попытка структурировать статью. Структура статьи соответствует требованиям, предъявляемым к научно-исследовательским работам. В ее содержании отмечаются такие разделы как введение, основная часть и заключение. Во введении определена актуальность темы, предмет и метод исследования. В основной части статьи автор, апеллируя к оппонентам, аргументирует собственную позицию, характеризующуюся научной новизной. Материал изложен последовательно и ясно. В заключении должны быть сформулированы основные итоги проведенного исследования, ссылки на других авторов в этой части статьи неуместны. И кроме того, такие части научной публикации как введение и заключение не нумеруются.

Библиография. Автором использовано достаточное количество доктринальных источников, включая публикации последних лет. Ссылки на имеющиеся источники оформлены с нарушением требований библиографического ГОСТа. Следует устраниТЬ это замечание.

Апелляция к оппонентам. По спорным вопросам заявленной тематики есть обращения к оппонентам. Все обращения корректные, оформлены ссылками на источник опубликования.

Выводы, интерес читательской аудитории. Статья «Правовой режим веществ: отходы производства и потребления, побочный продукт производства, вторичное сырье, вторичные ресурсы» может быть рекомендована к опубликованию с условием ее доработки (скорректировать название, привести заключение в соответствие с требованиями, исправить список библиографии). Статья соответствует редакционной политике научного журнала «Юридические исследования». Тема является актуальной, статья отличается научной новизной и имеет практическую значимость. Статья по этой теме будет представлять интерес для широкой читательской аудитории, прежде всего, специалистов в области экологического права, а также, будет полезна для обучающихся и преподавателей юридических вузов и факультетов.

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

На рецензирование представлена статья «Правовой режим веществ: отходы производства и потребления, побочный продукт производства, вторичное сырье, вторичные ресурсы» для опубликования в журнале «Юридические исследования».

Статья посвящена анализу правовых режимов различных категорий веществ, образующихся в процессе хозяйственной деятельности: отходов производства и потребления, побочных продуктов производства, вторичного сырья и вторичных ресурсов. Автор исследует их юридическую квалификацию, различия в правовом регулировании и проблемы, препятствующие эффективному вовлечению этих веществ в хозяйственный оборот в рамках экономики замкнутого цикла (ЭЗЦ).

В работе применены общенаучные и специальные методы исследований. Метод доктринального анализа применен при разборе норм ФЗ №89-ФЗ, ФЗ №7-ФЗ, подзаконных актов; сравнительно-правовой метод применен при сопоставлении правовых режимов отходов и побочных продуктов); теоретико-правовой подход использован при анализе концепции правовых режимов С.С. Алексеева, А.В. Малько; критический анализ использован при выявлении противоречий в законодательстве и доктрине.

Тема значима в контексте перехода к экономике «замкнутого цикла», требующей пересмотра подходов к обращению с отходами; наличия пробелов в законодательстве, затрудняющих разграничение отходов и побочных продуктов; избыточного регулирования, ограничивающего хозяйственную самостоятельность субъектов. Статья отвечает на запросы правоприменительной практики и стратегические цели, обозначенные в Указе Президента РФ №145 (2024).

Новизна исследования заключается в проведенной автором систематизации правовых режимов веществ с опорой на теорию С.С. Алексеева; авторской критике презумпции отнесения веществ к отходам и обосновании необходимости диспозитивного подхода; предложении авторского определения побочного продукта производства и механизма его регулирования через технические регламенты; анализе коллизии разрешительного

и общедозволительного типов регулирования в экологическом праве.

Стиль, структура, содержание соответствуют предъявляемым требованиям. Стиль академический, с корректным использованием терминологии. Некоторые формулировки излишне сложны (например, описание презумпции отнесения к отходам). Структура логичная, но не хватает четкого разделения на подразделы основной части статьи (например, отдельно по каждому правовому режиму). Содержание отличает глубокая теоретическая проработка, но недостает примеров из судебной практики (например, споров о квалификации веществ).

Источники релевантны теме исследования и включают классические работы по теории права (С.С. Алексеев, А.В. Малько); современные исследования по экологическому праву (С.А. Боголюбов, Г.А. Мисник, А.Б. Долгушин); нормативные акты (ФЗ №89-ФЗ, ФЗ №7-ФЗ). Результаты исследования могли бы обогатить зарубежные исследования (например, опыт ЕС в регулировании ЭЗЦ), а также практические кейсы. Автор полемизирует с приверженцами жесткого разрешительного регулирования (Г.А. Волков), доказывая необходимость диспозитивных элементов; с традиционным отождествлением вторичных ресурсов с отходами, предлагая их разграничение; с недооценкой роли технических регламентов (ссылаясь на Д.И. Шакирову). Также присутствует критика «молчаливого запрета» на альтернативную квалификацию веществ (с опорой на А.С. Малько). В итоге автор пришел к выводам, заслуживающим внимания, как-то: правовые режимы отходов и побочных продуктов недостаточно дифференцированы, что тормозит переход к ЭЗЦ. Автор указал на необходимость закрепить критерии разграничения и упростить процедуру признания веществ побочными продуктами. Предложено сочетание публично-правовых и частноправовых инструментов (например, технических регламентов) может повысить эффективность регулирования. Указанные выводы имеют свою целевую аудиторию. Статья полезна для экологов, государственных служащих, ученых и предпринимателей в сфере деятельности по обращению с отходами.

Таким образом, работа вносит значимый вклад в теорию, но требует дополнения эмпирической базы и сравнительного анализа. Рекомендуется добавить практические кейсы (например, судебные решения о переквалификации отходов); усилить сравнительный аспект (опыт ЕС/США); конкретизировать предложения по изменению законодательства.

Юридические исследования*Правильная ссылка на статью:*

Денисов Ю.П. Административная ответственность за правонарушения в области охраны исторической памяти в Российской Федерации и Республике Беларусь // Юридические исследования. 2025. № 5. DOI: 10.25136/2409-7136.2025.5.74393 EDN: UIKLCY URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74393

Административная ответственность за правонарушения в области охраны исторической памяти в Российской Федерации и Республике Беларусь**Денисов Юрий Петрович**

кандидат политических наук

доцент; кафедра конституционного и административного права; Сибирский юридический университет

644048, Россия, Омская область, г. Омск, ул. Пр. К. Маркса, 48, кв. 60

✉ yurden1984@yandex.ru[Статья из рубрики "Административное право"](#)**DOI:**

10.25136/2409-7136.2025.5.74393

EDN:

UIKLCY

Дата направления статьи в редакцию:

11-05-2025

Аннотация: Объектом исследования являются общественные отношения, складывающиеся в области охраны исторической памяти в Российской Федерации и Республике Беларусь. Предметом исследования стали нормы административного законодательства двух стран, устанавливающие административную ответственность за правонарушения, посягающие на историческую память. Автор проводит компаративно-правовое исследование норм Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ и Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях от 6 января 2021 года № 91-З, устанавливающих ответственность за правонарушения в области охраны исторической памяти. Особое внимание уделяется анализу норм, регулирующих административную ответственность за пропаганду и публичное демонстрирование нацистской символики и атрибутики, за правонарушения в области охраны материального историко-культурного наследия, за отрицание и искажение исторической правды о Великой Отечественной войне. Исследование основывается на системном подходе. Ключевым методом исследования

стал сравнительно-правовой анализ, давший возможность сопоставить нормы права, регулирующие ответственность за административные правонарушения в России и Белоруссии, выявить в них общие черты и различия. Наряду с этим в исследовании использовались формально-логический и историко-правовой методы. Новизна исследования заключается в том, что автор выделяет в административном законодательстве Российской Федерации и Республики Беларусь целый комплекс норм, устанавливающих ответственность за административные правонарушения в области охраны исторической памяти. Однако автор выявил и заметные различия в сложившемся в двух странах административно-правовом регулировании интересующей его области. В частности, в белорусском административном законодательстве фиксируется тенденция к обособлению административной ответственности за правонарушения, посягающие на историческую память. Тогда как в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях составы административных правонарушений в области охраны исторической памяти размещены дисперсно. Вместе с тем автор делает вывод о том, что в тенденциях совершенствования института административной ответственности в Российской Федерации отчётливо прослеживается направленность на охрану не столько материального историко-культурного наследия народов России, сколько её духовно-нравственной основы, образующей фундамент общероссийской гражданской идентичности.

Ключевые слова:

административная ответственность, историческая память, мемориальное законодательство, административные правонарушения, сравнительно-правовые исследования, историческая политика, охрана памяти, традиционные ценности, публично-правовые трансформации, публичное администрирование

Известный русский философ С. Л. Франк писал: «Всякое отречение от прошлого, всякое огульное отрицание его есть зло и заблуждение». [1, с. 321]. Сегодня пагубность отречения от прошлого, его искажения и подмены подвергается всё более интенсивному осмыслинию и на уровне публичного управления, и на уровне публично-правовой науки. Осмысление важности охраны исторической памяти и значимости проблемы различных посягательств на неё происходит в контексте острого международного геостратегического противостояния и реализации различными субъектами мировой политики технологий «мягкой силы». Объектом воздействия данных технологий во многом и является историческая память как одна из фундаментальных основ гражданской и национальной идентичности. При этом человеческое общество стремительно цифровизируется, и это меняет все аспекты общественных отношений. В условиях резких трансформаций и постоянной нестабильности всё острее ощущается потребность в создании единой системы правовой охраны духовно-нравственных ценностей и, в частности, системы публично-правовой охраны исторической памяти.

Острый интерес к различным аспектам охраны исторической памяти в мировой науке обозначился ещё во второй половине прошлого столетия. Данную проблематику затрагивали в своих трудах Ю. Хабермас, П. Рикер, М. Хальбвакс, П. Нора, А. Д. Смит, Я. и А. Ассманы, Дж. Тош и многие другие. В России феномен исторической памяти изначально оказался в эпицентре внимания историков, социологов, политологов, философов, среди которых следует отметить Л. П. Репину, Ж. Т. Тощенко, О.Ф. Русакову, О.Ю. Малинову, Л. А. Фадееву, В. П. Корзун, М. А. Фадеичеву, С. И. Белова, В. В. Титова

и других. К сегодняшнему дню мы располагаем и достаточно обширным кругом исследований публично-правовых и политико-правовых аспектов охраны исторической памяти и развития мемориального законодательства в целом, выполненных профессиональными юристами и правоведами (В.И. Дьяков, И. П. Морозов, Д.А. Федосеев, А.А. Васильев, А.А. и А.Ю. Дорские, Д.А. Пашенцев, В.Д. Гаврилова, И. Н. Фалалеева, С.А. Куликова и другие).

Несмотря на высокую степень научной разработанности проблематики исторической памяти в целом, проблемы, касающиеся административной ответственности за правонарушения в области её охраны, остаются крайне малоизученными. Специально посвящённые этой теме научные труды на русском языке практически отсутствуют. А, между тем, заполнение этой лакуны необходимо. Институт административной ответственности играет немаловажную роль в обеспечении нормального функционирования всей системы охраны исторической памяти. Ведь, как справедливо отмечает М. Н. Кобзарь-Фролова, ответственность выступает «всеобщим регулятором отношений, способным обеспечивать баланс правоотношений в обществе». Административная ответственность, как и уголовная ответственность, по её мнению, имеет своим назначением обеспечение защиты и безопасности всего общества от девиантного поведения нарушителей закона. [\[2, с. 365\]](#). Вместе с тем, как подчеркивал Д. Н. Бахрах, именно административная ответственность представляет собой особый вид юридической ответственности, являющийся частью административного принуждения, обладающий всеми его качествами и предполагающий наказание за нарушение установленных государством запретов и ограничений. [\[3, с. 127\]](#).

Целью данной статьи стал сравнительно-правовой анализ административной ответственности за нарушения в области охраны исторической памяти, установленной в законодательствах Российской Федерации и Республики Беларусь – двух независимых стран с общей историей, образующих Союзное государство.

Переходя непосредственно к содержанию исследования, оговорим, что термин «правонарушения в области охраны исторической памяти» юридически не закреплён в законодательстве ни одной из названных выше стран. Понятие «историческая память» представляет собой сложный междисциплинарный концепт, имеющий на сегодняшний день обширный круг разнообразных определений и толкований, разработанных в рамках различных научных дисциплин широкого спектра социальных и гуманитарных наук. В российской науке одним из наиболее универсальных и конвенциональных определений исторической памяти считается дефиниция, данная ещё на рубеже тысячелетий социологом Ж.Т. Тощенко. Он понимал под исторической памятью «совокупность идей, взглядов, представлений, чувств, настроений, отражающих восприятие и оценку прошлого во всем его многообразии, присущем и характерном как для общества в целом, так и для различных социально-демографических, социально-профессиональных и этносоциальных групп, а также отдельных людей». [\[4, с. 4\]](#).

Понятие «охрана» для целей данной статьи трактуется как категория более широкая, чем понятие «защита». Мы основываемся на теоретико-методологических разработках исследователей С.А. Куликовой и И.Д. Кирносова. Они полагают, что охрана исторической памяти, на обеспечение которой и направлено применение мер административной ответственности за правонарушения в интересующей нас области, может быть рассмотрена как многосоставный конституционно-правовой институт. Данный институт, как отмечают исследователи, включает как минимум три уровня: создание и закрепление государственной мемориальной концепции (национального образа

истории); сохранение исторического наследия; защита исторической памяти от посягательств и искажения.[\[5, с. 67\]](#). То есть защита исторической памяти от посягательств и искажения является одним из базовых элементов института охраны исторической памяти.

Административная ответственность за правонарушения, посягающие на историческую память, и в России, и в Белоруссии в последнее десятилетие развивается в русле развития общей системы публично-правового регулирования охраны исторической памяти. Институт административной ответственности в данном случае в значительной степени отражает конституционно-правовые новеллы. В частности, в Конституции Российской Федерации в 2020 году появилось положение о сохранении в Российской Федерации памяти предков, преемственности в развитии Российского государства и признании исторически сложившегося государственного единства (часть 2 статьи 67.1). Кроме того, на конституционном уровне было закреплено, что «Российская Федерация чтит память защитников Отечества, обеспечивает защиту исторической правды», а «умаление значения подвига народа при защите Отечества не допускается» (часть 3 статьи 67.1). Аналогичным образом в Конституцию Республики Беларусь в 2022 году после широкого общественного обсуждения были включены положения, направленные на сохранение исторической правды, памяти о Великой Отечественной войне и массовом героизме белорусского народа.[\[6, с. 14\]](#).

Конституционно-правовые трансформации регулирования охраны исторической памяти взаимосвязаны и с изменениями в законодательстве обоих государств. 14 мая 2021 года был принят Закон Республики Беларусь № 103-З «О недопущении реабилитации нацизма». А 5 января 2022 года Президент Республики Беларусь А.Г. Лукашенко подписал Закон «О геноциде белорусского народа». Данный нормативный правовой акт предусматривает юридическое признание геноцида белорусского народа, совершенного нацистскими преступниками и их пособниками в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период вплоть до 1951 года. За публичное отрицание геноцида белорусского народа была установлена уголовная ответственность.[\[6, с. 14-15\]](#).

В российском законодательстве мы также обнаруживаем немало примеров появления в последние годы норм и целых нормативных правовых актов, направленных на обеспечение охраны исторической памяти. В качестве примеров можно привести и принятие Федерального закона «Об увековечении памяти жертв геноцида советского народа в период Великой Отечественной войны 1941 - 1945 годов», который вступит в силу с 1 января 2026 года; и внесение защиты традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти в Стратегию национальной безопасности РФ; и провозглашение указом Президента РФ исторической памяти и преемственности поколений в качестве одной из традиционных ценностей, лежащих в основе общероссийской гражданской идентичности.

Поворотной точкой в развитии механизма административно-правовой защиты исторической памяти в нашей стране стал 2014 год. Он ознаменовался принятием в Российскую Федерацию Республики Крым и образованием в составе Российской Федерации новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополя. Данное событие произошло в контексте политического переворота на Украине и усиления радикальных националистических сил в ряде стран постсоветского пространства. В числе прочего, упомянутые события вызвали новый мощный виток применения «гибридных технологий» против общегражданской российской идентичности, масштабный поток исторических фальсификаций, возрастание политизации истории

Великой Отечественной войны и всплеск «воин памяти». Всё это неизбежно потребовало административно-охранительных мер, направленных на защиту исторической правды, противодействие фальсификациям и сохранение памяти о ключевых исторических событиях.

В таком контексте 2014 году были внесены существенные изменения в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (далее – КоАП РФ), расширяющие составы правонарушений, посягающих на историческую память. В частности, были внесены существенные коррективы в статью 20.3. КоАП РФ. До 2014 года она предусматривала административную ответственность за «пропаганду и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики либо публичное демонстрирование атрибутики или символики экстремистских организаций». С 2014 года формулировка в названии статьи 20.3 КоАП РФ уточнена и расширена. Теперь она предусматривает ответственность за пропаганду либо публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики экстремистских организаций, либо иных атрибутики или символики, пропаганда либо публичное демонстрирование которых запрещены федеральными законами.

В Кодексе Республики Беларусь об административных правонарушениях от 6 января 2021 года № 91-З (далее – КоАП РБ) действует статья 19.10, сходная со статьёй 20.3 КоАП РФ. Однако она специально посвящена ответственности за пропаганду или публичное демонстрирование, изготовление, распространение нацистской символики или атрибутики. Данное правонарушение отнесено КоАП РБ к административным правонарушениям против общественного порядка и общественной нравственности. Следует обратить внимание на то, что статья 19.10 КоАП РБ устанавливает ответственность исключительно за «пропаганду или публичное демонстрирование, в том числе с использованием глобальной компьютерной сети Интернет либо иной информационной сети, изготовление, распространение нацистской символики или атрибутики, а равно хранение или приобретение такой символики или атрибутики в целях распространения». Составам, касающимся распространения, изготовления, хранения, перевозки информационной продукции, содержащей призывы к экстремистской деятельности или пропагандирующей такую деятельность, в КоАП РБ отдельно посвящена статья 19.11.

В примечаниях к двум анализируемым нами статьям кодексов разных стран также коренится заметное отличие. Согласно примечанию к статье 20.3 КоАП РФ, положения данной статьи не распространяются на случаи использования нацистской атрибутики или символики, при которых формируется негативное отношение к идеологии нацизма и экстремизма, и отсутствуют признаки пропаганды или оправдания нацистской и экстремистской идеологии. В аналогичном же примечании к статье 19.10 КоАП РБ отсутствует критерий формирования негативного отношения к идеологии нацизма. В Белоруссии не являются административными правонарушениями публичное демонстрирование, изготовление, распространение нацистской символики или атрибутики при осуществлении в соответствии с белорусским законодательством деятельности в области театрального, музыкального, циркового и изобразительного искусства, библиотечного дела, кинематографической деятельности, музейного дела, организации и проведения культурно-зрелищных, зрелищных и иных культурных мероприятий, издательского дела, образовательной деятельности, научной деятельности, коллекционирования культурных ценностей, средств массовой информации при отсутствии признаков пропаганды нацистской символики или атрибутики. Таким образом, нормы КоАП РБ допускают несколько более широкое использование нацистской

символики и атрибутики, чем нормы КоАП РФ.

В качестве административного наказания за совершённое правонарушение в обеих анализируемых статьях предусмотрен административный штраф. В Российской Федерации обе части статьи 20.3 КоАП РФ предусматривают наложение административного штрафа в обязательном порядке с конфискацией предмета административного правонарушения. Обе части статьи 19.10 КоАП РБ предусматривают наложение штрафа с конфискацией предмета административного правонарушения, а также орудий и средств совершения указанного нарушения или без конфискации таких орудий и средств. Вместе с тем размер штрафа за правонарушения, предусмотренные статьёй 19.10 КоАП РБ фактически выше, чем за сходные правонарушения, предусмотренные статьёй 20.3 КоАП РФ. Например, размер административного штрафа для граждан за правонарушение, квалифицируемое по ч.1 статьи 20.3 КоАП РФ составляет от одной тысячи до двух тысяч рублей. Размер штрафа за совершенное гражданином правонарушение, квалифицируемое по ч.1 статьи 19.10 КоАП РБ, составляет до десяти базовых величин. С 1 января 2025 года согласно постановлению Совета министров Республики Беларусь от 16 ноября 2024 года № 848 базовая величина в Белоруссии составляет 42 белорусских рубля. Таким образом, размер штрафа в российских рублях по текущему курсу в соответствии с названной нами санкцией может составить примерно до 11479 российских рублей по текущему курсу. В качестве альтернативной санкции и в КоАП РФ, и в КоАП РБ за распространение нацистской символики и атрибутики предусмотрен для граждан административный арест конфискацией предмета правонарушения, а в КоАП РБ – ещё и общественные работы.

Ещё одним направлением развития административной ответственности за правонарушения в области охраны исторической памяти в Российской Федерации и Республике Беларусь стало совершенствование норм, направленных на охрану материального историко-культурного наследия. Во введённую ещё в 2013 году статью 7.14.1 КоАП РФ, устанавливающую ответственность за уничтожение или повреждение объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации в 2014 году была добавлена часть 3. Она установила ответственность за уничтожение или повреждение объектов, составляющих предмет охраны исторического поселения. А в статье 7.14.2 КоАП РФ, устанавливающей ответственность за неисполнение обязанности по приостановлению работ в случае обнаружения объекта, обладающего признаками объекта культурного наследия, или работ, проведение которых может ухудшить состояние объекта культурного наследия либо нарушить его целостность и сохранность, было специально отмечено, что в число объектов культурного наследия входят объекты археологического наследия.

Обе эти статьи входят в главу 7 КоАП РФ. Следовательно, формально описанные в данных статьях нарушения рассматриваются как административные правонарушения в области охраны собственности. В эту же главу включена и статья 7.15.1. КоАП РФ, предусматривающая ответственность за незаконный оборот археологических предметов.

Важной отличительной особенностью принятого в 2021 году КоАП РБ является наличие в нём главы 20, специально посвящённой административным правонарушениям в области охраны историко-культурного наследия. В КоАП РФ аналогичная глава отсутствует. В главе 20 КоАП РБ содержится семь статей (статьи 20.1 – 20.7 КоАП РБ). Все они описывают составы административных правонарушений, связанных с общественными отношениями в области охраны именно материальных историко-культурных ценностей. В частности, предусматривается административная ответственность за такие правонарушения, как невыполнение предусмотренных законодательством о культуре

обязанностей по подписанию и (или) соблюдению требований охранных обязательств; нарушение порядка и (или) условий выполнения работ на историко-культурных ценностях либо совершение действий, создающих угрозу уничтожения, повреждения историко-культурных ценностей; уничтожение, повреждение либо утрата историко-культурных ценностей или культурных ценностей, которым может быть придан статус историко-культурной ценности и т.д. В этой же главе статьёй 20.6 устанавливается ответственность за незаконный поиск и оборот археологических артефактов. В статье 20.7 КоАП РБ содержится ответственность за нарушение порядка вскрытия воинских захоронений либо проведения поисковых работ в местах, где велись боевые действия или совершались карательные акции. В КоАП РФ административная ответственность за аналогичное правонарушение отсутствует. Однако с 2020 года в УК РФ введена статья 243.4, посвящённая уголовной ответственности за уничтожение либо повреждение воинских захоронений, а также памятников, стел, обелисков, других мемориальных сооружений или объектов, увековечивающих память погибших при защите Отечества или его интересов либо посвященных дням воинской славы России.

Отдельно стоит отметить, что в Белоруссии на основе Кодекса Республики Беларусь о культуре от 20 июля 2016 г. № 413-З действуют административно-правовые режимы содержания и (или) использования зон охраны недвижимых материальных историко-культурных ценностей в Белоруссии. Административная ответственность за их нарушение предусмотрена статьёй 20.4 КоАП РБ. В КоАП РФ в уже названной выше главе 7 содержится статья 7.13. Нарушение требований законодательства об охране объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации. Части 1-3 данной статьи посвящены ответственности за нарушение требований законодательства об охране объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, нарушение режима использования земель в границах территорий объектов культурного наследия либо несоблюдение ограничений, установленных в границах зон охраны объектов культурного наследия. А с 2015 года в данную статью введена часть 5, согласно которой состав административного правонарушения образует нарушение требований к архитектурному решению объекта капитального строительства, установленных градостроительным регламентом в границах территории исторического поселения.

Наконец, часть 4 статья 7.13 КоАП РФ предусматривает административную ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение должностным лицом возложенных на него должностных обязанностей, повлекшие причинение вреда объекту культурного наследия, в том числе выявленному объекту культурного наследия, либо уничтожение объекта культурного наследия, в том числе выявленного объекта культурного наследия. В случае установления факта умышленного уничтожения или повреждения объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, то наступает уголовная ответственность в соответствии со статьёй 243 Уголовного кодекса Российской Федерации, которая предусматривает наказание до 6 лет лишения свободы за данное преступление.

В значительной степени криминализирована в Российской Федерации и ответственность за реабилитацию нацизма. С 2014 года реабилитация нацизма в Российской Федерации отнесена к преступлениям против мира и безопасности человечества и за неё устанавливается уголовная ответственность статьёй 354.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее УК РФ). С 2022 года в Российской Федерации были фактически криминализированы совершённые повторно деяния, за которые предусмотрена ответственность проанализированной выше статьёй 20.3 КоАП РФ. В УК

РФ была введена статья 282.4. В соответствии с ней неоднократные пропаганда либо публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики экстремистских организаций, либо иных атрибутики или символики, пропаганда либо публичное демонстрирование которых запрещены федеральными законами образуют состав преступления против государственной власти.

Годом ранее были внесены изменения в часть 4 статьи 13.15 КоАП РФ (злоупотребление свободой массовой информации). В новой формулировке она предусматривает административную ответственность для юридических лиц за «публичное распространение выражающих явное неуважение к обществу сведений о днях воинской славы и памятных датах России, связанных с защитой Отечества, а равно публичное осквернение символов воинской славы России, публичное оскорбление памяти защитников Отечества либо публичное унижение чести и достоинства ветерана Великой Отечественной войны, в том числе совершенные с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть "Интернет")». Кроме того, статья 13.15 КоАП РФ была дополнена частью 4.1. Данная норма установила для юридических лиц административную ответственность за публичное распространение информации, отрицающей факты, установленные приговором Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси, либо одобряющей преступления, установленные указанным приговором, а равно публичное распространение заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны, о ветеранах Великой Отечественной войны, в том числе совершенные с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет»).

В апреле 2022 года в КоАП РФ была введена статья 13.48. Она установила ответственность за нарушение запрета публичного отождествления целей, решений и действий руководства СССР, командования и военнослужащих СССР с целями, решениями и действиями руководства нацистской Германии, командования и военнослужащих нацистской Германии и европейских стран оси в ходе Второй мировой войны, а также отрицания решающей роли советского народа в разгроме нацистской Германии и гуманитарной миссии СССР при освобождении стран Европы. Данный запрет установлен введённой 1 июля 2021 года статьёй 6.1 федерального закона от 19 мая 1995 № 80-ФЗ «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941 - 1945 годов».

Важным в данных нормах является признак публичности. Как отмечает Д. В. Осинцев, «сами по себе ни публичное выступление, ни работа в сети Интернет не являются ни опасными, ни противоправными, они увеличивают экстенсивность опасных факторов, давая возможность моментального доведения негативной информации до сведения неограниченного круга лиц, специально не поименованных». [\[7, с. 105\]](#). В этом ракурсе нельзя согласиться с мнением А.С. Кульниева, который полагает, что статья 13.48 КоАП РФ устанавливает административное наказание «за высказывание определенных исторических оценок» и связывает её введение в законодательство с «мотивом нетерпимости». [\[8, с. 51\]](#). И следует согласиться с мнением О. В. Панковой, которая рассматривает введение данной нормы в свете «изменений КоАП РФ, направленных на обеспечение национальной безопасности, поддержание правопорядка и укрепление российской государственности». [\[9, с. 63\]](#).

Обобщая всё выше сказанное можно сделать следующие выводы.

Во-первых, в административном законодательстве Российской Федерации и Республики Беларусь на сегодняшний день сформировался целый комплекс составов административных правонарушений, которые можно отнести к правонарушениям в области охраны исторической памяти. При этом, безусловно, предусмотренные нормами административного права России и Белоруссии наказания за нарушение мемориального законодательства можно рассматривать как наказания за посягательство на право человека на память. Субъект административного правонарушения в области охраны исторической памяти не просто нарушает официальный исторический нарратив. Нарушитель мемориального законодательства, как справедливо отмечает ряд исследователей, «посягает на цельность образа исторического прошлого, сформированный в сознании индивида и (или) сообщества»[\[10, с. 14 - 15\]](#).

Во-вторых, проведённый в рамках данного исследования сравнительно-правовой анализ норм, устанавливающих административную ответственность за правонарушения в области охраны исторической памяти, выявил заметные различия в законодательствах двух стран. В Республике Беларусь видна тенденция к обособлению административной ответственности за правонарушения, посягающие на историческую память. Об этом свидетельствует и наличие в принятом в 2021 году КоАП РБ отдельной главы, посвящённой административным правонарушениям в области историко-культурного наследия, и выделение в отдельную статью составов административных правонарушений, касающихся пропаганды или публичного демонстрирования, изготовления, распространения нацистской символики или атрибутики. В КоАП РФ составы административных правонарушений в области охраны исторической памяти, рассеяны по тексту всего кодифицированного федерального закона и в некоторых случаях переплетаются с составами, не связанными с посягательствами на историческую память.

В-третьих, путём сравнительно-правового анализа было установлено, что фактические размеры административных штрафов, предусмотренных в санкциях норм, устанавливающих административную ответственность за правонарушения в области охраны исторической памяти, часто фактически многократно ниже, чем размеры штрафов за аналогичные административные правонарушения в Республике Беларусь. В частности, по мнению автора, следовало бы рекомендовать законодателю увеличить размеры административных штрафов в санкциях статьи 20.3 КоАП РФ.

Наконец, в-четвёртых, следует отметить, что в КоАП РФ к сегодняшнему дню включено значительно больше норм, устанавливающих ответственность за административные правонарушения в области охраны исторической памяти. А в тенденциях совершенствования института административной ответственности в Российской Федерации отчётливо прослеживается направленность на охрану и защиту не столько материального историко-культурного наследия народов России, сколько её духовно-нравственной основы, образующей фундамент общероссийской гражданской идентичности.

Библиография

1. Франк С. Л. Религиозно-исторический смысл русской революции // Проблемы русского религиозного сознания. – СПб.: Наука, 1996. – С. 286–325.
2. Кобзарь-Фролова М. Н. Феномен ответственности: правовая природа, юридическая ответственность, административная ответственность (тезисы) // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права (Сорокинские чтения) [Электронный ресурс]: сборник статей по материалам международной научно-практической конференции, 21 марта 2025 года / под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф.

- А. И. Каплунова; сост.: Н. А. Кулаков, Н. М. Крамаренко, Р. М. Степкин, К. А. Шуликов. – Электрон. дан. (6,77 Мб). – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2025. – С. 359–368. EDN: YKFLBL
3. Бахрах Д. Н. Советское законодательство об административной ответственности. – Пермь, 1969. – 344 с.
4. Тощенко Ж. Т. Историческое сознание и историческая память. Анализ современного состояния // Новая и новейшая история. – 2000. – № 4. – С. 3–14. EDN: RGEDNB
5. Куликова С. А., Кирносов И. Д. Охрана исторической памяти как институт конституционного права: российский и зарубежный опыт // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. – 2022. – Т. 22, вып. 1. – С. 65–72. DOI: 10.18500/1994-2540-2022-22-1-65-72 EDN: LMNEVU
6. Солдатова О. Н., Пранник Т. А. Историческая память как важнейший элемент конституционного строительства в Республике Беларусь // Сборник трудов Одиннадцатой международной научно-практической конференции "Развитие теории и практики управления социальными и экономическими системами" (Петропавловск-Камчатский, 26–27 мая 2022 года). – Петропавловск-Камчатский: КамчатГТУ, 2022. – С. 13–18. EDN: RITWEB
7. Осинцев Д. В. Преступная противоправность или опасный проступок // Российский юридический журнал. – 2024. – № 3. – С. 100–110. DOI: 10.34076/20713797_2024_3_100 EDN: SWFCCW
8. Кульев А. С. Конституционное право и политический реализм: негативная теория свободы слова // Конституционное и муниципальное право. – 2024. – № 4. – С. 2–8.
9. Панкова О. В. Тенденции развития законодательства об административной ответственности в России в современный период // Административное право и процесс. – 2023. – № 7. – С. 60–65. DOI: 10.18572/2071-1166-2023-7-60-65 EDN: LFIVLF
10. Скоробогатов А. В., Скоробогатова А. И. Право на историческую память в системе прав человека // Пролог: журнал о праве. – 2024. – № 2. – С. 7–18. DOI: 10.21639/2313-6715.2024.2.1 EDN: VUYRHT

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной на рецензирование статье является, как это следует из ее наименования, административная ответственность за правонарушения в области охраны исторической памяти в Российской Федерации и Республике Беларусь. Заявленные границы исследования соблюдены ученым.

Методология исследования в тексте статьи не раскрывается.

Актуальность избранной автором темы исследования несомненна и обосновывается им следующим образом: "Известный русский философ С. Л. Франк писал: «Всякое отречение от прошлого, всякое огульное отрицание его есть зло и заблуждение». [1, с. 321]. Сегодня пагубность отречения от прошлого, его искажения и подмены подвергается всё интенсивному осмыслиению и на уровне публичного управления, и на уровне публично-правовой науки. Осмысление важности охраны исторической памяти и значимости проблемы различных посягательств на неё происходит в контексте острого международного геостратегического противостояния и реализации различными субъектами мировой политики технологий «мягкой силы». Объектом воздействия данных технологий во многом и является историческая память как одна из фундаментальных основ гражданской и национальной идентичности. В сложившихся условиях перед

государством и обществом усиливается потребность в выстраивании целостной системы правовой охраны духовно-нравственных ценностных основ человеческого социума, оказавшегося в тренде тотальной цифровизации всего спектра общественных отношений. Представляется очевидным, что создание полноценной системы охраны исторической памяти представляется невозможным без ответственности в данной области. И, безусловно, немаловажную роль в обеспечении нормального функционирования данной системы играет институт административной ответственности". Дополнительно ученому необходимо перечислить фамилии ведущих специалистов, занимавшихся исследованием поднимаемых в статье проблем, а также раскрыть степень их изученности.

Научная новизна работы проявляется в ряде заключений автора: "В российском законодательстве мы также обнаруживаем немало примеров появления в последние годы норм и целых нормативных правовых актов, направленных на обеспечение охраны исторической памяти. В качестве примеров можно привести и принятие Федерального закона «Обувековечении памяти жертв геноцида советского народа в период Великой Отечественной войны 1941 - 1945 годов», который вступит в силу с 1 января 2026 года; и внесение защиты традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти в Стратегию национальной безопасности РФ; и провозглашение указом Президента РФ исторической памяти и преемственности поколений в качестве одной из традиционных ценностей, лежащих в основе общероссийской гражданской идентичности"; "В Кодексе Республики Беларусь об административных правонарушениях от 6 января 2021 года № 91-З (далее – КоАП РБ) действует статья 19.10, сходная со статьёй 20.3 КоАП РФ. Однако она специально посвящена ответственности за пропаганду или публичное демонстрирование, изготовление, распространение нацистской символики или атрибутики. Данное правонарушение отнесено КоАП РБ к административным правонарушениям против общественного порядка и общественной нравственности. Следует обратить внимание на то, что статья 19.10 КоАП РБ устанавливает ответственность исключительно за «пропаганду или публичное демонстрирование, в том числе с использованием глобальной компьютерной сети Интернет либо иной информационной сети, изготовление, распространение нацистской символики или атрибутики, а равно хранение или приобретение такой символики или атрибутики в целях распространения». Составам, касающимся распространения, изготовления, хранения, перевозки информационной продукции, содержащей призывы к экстремистской деятельности или пропагандирующей такую деятельность, в КоАП РБ отдельно посвящена статья 19.11."; "Важной отличительной особенностью принятого в 2021 году КоАП РБ является наличие в нём главы 20, специально посвящённой административным правонарушениям в области охраны историко-культурного наследия. В КоАП РФ аналогичная глава отсутствует. В главе 20 КоАП РБ содержится семь статей (статьи 20.1 – 20.7 КоАП РБ). Все они описывают составы административных правонарушений, связанных с общественными отношениями в области охраны именно материальных историко-культурных ценностей. В частности, предусматривается административная ответственность за такие правонарушения, как невыполнение предусмотренных законодательством о культуре обязанностей по подписанию и (или) соблюдению требований охранных обязательств; нарушение порядка и (или) условий выполнения работ на историко-культурных ценностях либо совершение действий, создающих угрозу уничтожения, повреждения историко-культурных ценностей; уничтожение, повреждение либо утрата историко-культурных ценностей или культурных ценностей, которым может быть придан статус историко-культурной ценности и т.д. В этой же главе статьёй 20.6 устанавливается ответственность за незаконный поиск и оборот археологических артефактов. В статье

20.7 КоАП РБ содержит ответственность за нарушение порядка вскрытия воинских захоронений либо проведения поисковых работ в местах, где велись боевые действия или совершались карательные акции. В КоАП РФ административная ответственность за аналогичное правонарушение отсутствует. Однако с 2020 года в УК РФ введена статья 243.4, посвящённая уголовной ответственности за уничтожение либо повреждение воинских захоронений, а также памятников, стел, обелисков, других мемориальных сооружений или объектов, увековечивающих память погибших при защите Отечества или его интересов либо посвященных дням воинской славы России" и др. Таким образом, статья вносит определенный вклад в развитие отечественной правовой науки и, безусловно, заслуживает внимания потенциальных читателей.

Научный стиль исследования выдержан автором в полной мере.

Структура работы логична. Во вводной части статьи ученый обосновывает актуальность избранной им темы исследования. В основной части работы автор осуществляет сравнительно-правовой анализ административной ответственности за нарушения в области охраны исторической памяти, установленной в законодательствах Российской Федерации и Республики Беларусь. В заключительной части работы содержатся выводы по результатам проведенного исследования.

Содержание статьи соответствует ее наименованию, но не лишено недостатков формального характера.

Так, автор пишет: "Сегодня пагубность отречения от прошлого, его искажения и подмены подвергается всё интенсивному осмыслению и на уровне публичного управления, и на уровне публично-правовой науки" - "все более интенсивному".

Ученый отмечает: "В сложившихся условиях перед государством и обществом усиливается потребность в выстраивании целостной системы правовой охраны духовно-нравственных ценностных основ человеческого социума, оказавшегося в тренде тотальной цифровизации всего спектра общественных отношений" - "В современных реалиях государство и общество всё сильнее нуждаются в создании единой системы правовой охраны духовных и нравственных ценностей. Человеческое общество стремительно цифровизируется, и это меняет все аспекты общественных отношений" (см. на стилистику).

Автор указывает: "Переходя непосредственно к содержанию исследования, оговорим, что термин «правонарушения, в области охраны исторической памяти» юридически не закреплён в законодательстве ни одной из названных выше стран" - третья запятая является лишней.

Таким образом, статья нуждается в дополнительном вычитывании - в ней встречаются опечатки, пропуски слов, пунктуационные и стилистические ошибки (приведенный в рецензии перечень опечаток и ошибок не является исчерпывающим!).

Библиография исследования представлена 10 источниками (монографией и научными статьями). С формальной и фактической точек зрения этого достаточно. Автору удалось раскрыть тему исследования с необходимой полнотой и глубиной.

Апелляция к оппонентам имеется, как общая, так и частная (А. С. Кульнев), и вполне достаточна. Научная дискуссия ведется автором корректно. Положения работы обоснованы в должной степени и проиллюстрированы примерами.

Выводы по результатам проведенного исследования имеются ("Во-первых, в административном законодательстве Российской Федерации и Республики Беларусь на сегодняшний день сформировался целый комплекс составов административных правонарушений, которые можно отнести к правонарушениям в области охраны исторической памяти. При этом, безусловно, предусмотренные нормами административного права России и Белоруссии наказания за нарушение мемориального законодательства можно рассматривать как наказания за посягательство на право

человека на память. Субъект административного правонарушения в области охраны исторической памяти не просто нарушает официальный исторический нарратив. Нарушитель мемориального законодательства, как справедливо отмечает ряд исследователей, «посягает на цельность образа исторического прошлого, сформированный в сознании индивида и (или) сообщества»[10, с. 14 - 15]. Во-вторых, проведённый в рамках данного исследования сравнительно-правовой анализ норм, устанавливающих административную ответственность за правонарушения в области охраны исторической памяти, выявил заметные различия в законодательствах двух стран. В Республике Беларусь видна тенденция к обособлению административной ответственности за правонарушения, посягающие на историческую память. Об этом свидетельствует и наличие в принятом в 2021 году КоАП РБ отдельной главы, посвящённой административным правонарушениям в области историко-культурного наследия, и выделение в отдельную статью составов административных правонарушений, касающихся пропаганды или публичного демонстрирования, изготовления, распространения нацистской символики или атрибутики. В КоАП РФ составы административных правонарушений в области охраны исторической памяти, рассеяны по тексту всего кодифицированного федерального закона и в некоторых случаях переплетаются с составами, не связанными с посягательствами на историческую память" и др.), обладают свойствами достоверности, обоснованности и, несомненно, заслуживают внимания научного сообщества.

Интерес читательской аудитории к представленной на рецензирование статье может быть проявлен прежде всего со стороны специалистов в сфере конституционного права, административного права при условии ее доработки: раскрытии методологии исследования, дополнительном обосновании актуальности его темы (в рамках сделанного замечания), устранении нарушений в оформлении работы.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензия на статью

«Административная ответственность за правонарушения в области охраны исторической памяти в Российской Федерации и Республике Беларусь»

Объектом исследования выступает совокупность правоотношений, возникающих вследствие установления административной ответственности за правонарушения в области охраны исторической памяти в Российской Федерации и Республике Беларусь. Предметом представленного на рецензирование исследования являются теоретические взгляды по тематике статьи, конституционно-правовая и административно-правовая регламентация охраны исторической памяти в Российской Федерации и Республике Беларусь, а также правоприменительная практика в изучаемой сфере.

Среди использованных автором методов особенно полезными, исходя из целей и задач, следует признать сравнительно-правовой метод, главный метод исследования, позволивший соотнести нормы, регулирующие административную ответственность за правонарушения в области охраны исторической памяти в Российской Федерации и Республике Беларусь; системный метод, который позволяет автору рассмотреть административную ответственность за нарушения в указанной области в их системе и разнообразии; исторический подход использовался при толковании соответствующих нормативных правовых актов, посвященных событиям Великой Отечественной войны и послевоенного противостояния бандитскому подполью (Федеральный закон «Об

увековечении памяти жертв геноцида советского народа в период Великой Отечественной войны 1941 - 1945 годов», Закон Республики Беларусь «О недопущении реабилитации нацизма», Закон Республики Беларусь «О геноциде белорусского народа»).

Актуальность разработки заявленной темы не вызывает сомнений в свете празднования 80-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов, а также повышенного внимания к патриотическому воспитанию молодежи, сохранению исторической памяти, опоре на традиционные духовно-нравственные ценности со стороны публичной власти всех уровней.

Статья обладает, на наш взгляд, достаточным уровнем научной новизны, поскольку является одной из первых работ, в которой дается сравнительный анализ административной ответственности за правонарушения в области охраны исторической памяти в Российской Федерации и Республике Беларусь и даются на этой основе соответствующие рекомендации законодателю. В этой связи статью отличает не только теоретическая, но и практическая значимость.

Статья характеризуется научным стилем изложения. Текст отмечается логичным, ясным и последовательным изложением материала. Стиль изложения свидетельствует о самостоятельности мышления автора, его способности анализировать юридические источники, формулировать выводы.

Библиография как по своему наполнению, так и по оформлению представляется вполне соответствующей работам соответствующего рода.

Апелляция к оппонентам достаточна по своему объему и вполне информативна.

Работа представляется оригинальным и завершенным, исходя из возможного объема статьи, исследованием. Ощутимых недостатков статья не имеет.

В целом следует заключить, что представленная на рецензирование статья вызовет значительный интерес у читательской аудитории, заинтересованной в административно-правовых, конституционно-правовых, а также историко-правовых исследованиях. Полагаю, что статья «Административная ответственность за правонарушения в области охраны исторической памяти в Российской Федерации и Республике Беларусь» может быть рекомендована к публикации.

Юридические исследования*Правильная ссылка на статью:*

Поярков С.Ю. Пересмотр концепции государственного суверенитета в контексте трансформации современного конституционализма: от абсолютного суверенитета к «разделяемому» // Юридические исследования. 2025. № 5. DOI: 10.25136/2409-7136.2025.5.74517 EDN: UIUQLG URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74517

Пересмотр концепции государственного суверенитета в контексте трансформации современного конституционализма: от абсолютного суверенитета к «разделяемому»**Поярков Сергей Юрьевич**

кандидат педагогических наук

Ученый секретарь; Всероссийский научно-исследовательский институт физико-технических и радиотехнических измерений (ФГУП)

140570, Россия, Московская область, пгт. Менделеево, промзона ВНИИФТРИ, 11

 psu70@bk.ru[Статья из рубрики "Теория и философия права"](#)**DOI:**

10.25136/2409-7136.2025.5.74517

EDN:

UIUQLG

Дата направления статьи в редакцию:

19-05-2025

Аннотация: Современные процессы глобализации, региональной интеграции и цифровизации порождают необходимость пересмотра устоявшихся подходов к государственному суверенитету как ключевому понятию конституционного права. В условиях трансформации конституционализма возрастает значимость изучения механизмов перераспределения суверенных прерогатив между государством, международными организациями и иными наднациональными субъектами. Актуальность темы обусловлена поиском правового баланса между сохранением национального суверенитета и необходимостью эффективного включения в глобальные процессы. Предметом исследования выступают теоретико-правовые основы и институциональные проявления трансформации суверенитета в современном конституционализме. Анализируются формы и пределы «разделяемого» суверенитета в контексте современного публичного права. Особое внимание уделяется взаимодействию

международных и национальных механизмов ограничения и переформатирования суверенитета. Анализ правовых позиций высших судебных инстанций служит эмпирической основой для обоснования концепции «разделяемого» суверенитета. Методологическую основу исследования составляют принципы историзма, системного и институционального анализа, а также междисциплинарный подход, сочетающий правовую, политологическую и философскую перспективы. В рамках исследования применялись общенаучные методы анализа, синтеза, индукции и дедукции, а также специальные юридические методы – сравнительно-правовой, формально-юридический и метод конституционного моделирования. Новизна исследования заключается в выявлении эволюции концепции суверенитета от его абсолютного понимания к модели «разделяемого» суверенитета в рамках современного конституционализма. В работе предложено авторское видение соотношения национального и наднационального уровней осуществления публичной власти в условиях правовой глобализации. Делается вывод о необходимости доктринального и нормативного переосмысливания традиционного суверенитета с учётом современной конституционной практики. Исследование выявляет правовые риски и вызовы, связанные с размыванием пределов суверенной власти. Предлагаются направления адаптации правовых систем к новым формам межгосударственного и наднационального взаимодействия. Теоретическая база включает как классические доктрины суверенитета Ж. Бодена и Т. Гоббса, так и с учетом динамики современных правовых систем, современные теории государственного управления, глобализации и транснационального конституционализма.

Ключевые слова:

государственный суверенитет, трансформация, конституционализм, глобализация, наднациональность, публичная власть, международное право, национальный суверенитет, правовая система, разделяемый суверенитет

Введение

Современное правовое мышление всё более остро сталкивается с необходимостью переосмысливания фундаментальных категорий государственного устройства, одной из которых, безусловно, является суверенитет. На протяжении столетий концепция суверенитета оставалась краеугольным камнем теории и практики публичной власти, воплощая представление о верховной, неделимой и неподотчётной власти государства в пределах его территории. Однако с началом XXI века всё отчётливее проявляется кризис классической модели государственного суверенитета, обусловленный целым рядом факторов, коренящихся как в трансформации международной правовой архитектуры, так и в ускоренном изменении природы власти, вызванной процессами глобализации и цифровизации [1].

Глобализация – как правовое, так и политико-экономическое явление – выступает одним из важнейших внешних вызовов национальному суверенитету. Появление и укрепление наднациональных правовых институтов, расширение компетенции международных организаций, обязательность решений трансграничных судебных инстанций – всё это существенно влияет на пределы осуществления государством своих властных полномочий. Одновременно с этим цифровизация, создавая новые формы социальных взаимодействий, формирует специфическое киберпространство, в котором государство утрачивает монополию на нормативное регулирование. Виртуальные рынки, глобальные информационные платформы и искусственный интеллект формируют

альтернативные каналы регулирования общественных отношений, зачастую независимые от воли и юрисдикции государств. В этих условиях возникает объективная необходимость в теоретической и нормативной реконструкции концепции суверенитета — от его традиционного, «абсолютного» понимания к новой, более гибкой и многослойной модели, известной как «разделяемый» суверенитет (*shared sovereignty*) [2, 3].

Целью настоящего исследования является правовой анализ процесса трансформации понятия государственного суверенитета в рамках современной конституционно-правовой мысли и практики. В фокусе внимания — поиск правовых оснований и институциональных проявлений перехода от классической модели суверенитета к модели, предполагающей его разделение, перераспределение или делегирование на различных уровнях публичной власти. Задачи исследования включают в себя: во-первых, выявление исторических и концептуальных оснований классического понимания суверенитета; во-вторых, анализ факторов, способствующих его трансформации в современных условиях; в-третьих, осмысление феномена разделяемого суверенитета через призму международного и конституционного права; и, наконец, исследование правовых механизмов, с помощью которых осуществляется перераспределение суверенных прерогатив между государственными и надгосударственными субъектами.

Обращение к научной литературе демонстрирует, что в юридической науке вопрос суверенитета сохраняет актуальность и вызывает широкую дискуссию. В русскоязычном научном поле значительный вклад в разработку этой проблематики внесли такие исследователи, как В.А. Туманов [4], подчёркивавший важность учёта международно-правовых реалий в интерпретации суверенитета, С.В. Поленина, обосновывавшая концепцию правового ограничения суверенитета [5], а также С.Ю. Кашкин, связывавший трансформацию суверенитета с тенденциями правовой интеграции [6] и др. В англоязычной традиции доминируют подходы, представленные работами А.-М. Slaughter [7], обосновывающей доктрину сетевого государства, а также N. Walker [8], развивающей концепцию постсуверенного конституционализма. Особый интерес представляет позиция S. D. Krasner [9], предлагающего различать четыре типа суверенитета — внутренний, внешний, международный и интердепендентный, — что позволяет по-новому взглянуть на правовую природу данного явления в условиях глобализирующегося мира.

Кроме того научная проблематика усиливается тем обстоятельством, что в современном правовом дискурсе отсутствует единое понимание границ допустимого ограничения или делегирования суверенитета. Вопрос о том, может ли государство добровольно «поделиться» своей суверенной компетенцией и при этом сохранить суверенитет как правовую и политико-юридическую категорию, остаётся открытым. Более того, возникает потребность в ответе на более глубокий вопрос: не трансформируется ли сам конституционализм как система правовых принципов и институтов под воздействием изменений, происходящих с понятием суверенитета?

Методологическая основа исследования строится на принципах комплексности и междисциплинарности. Исследование опирается на системный подход к анализу феномена публичной власти, а также на историко-правовой метод, позволяющий проследить эволюцию теоретического осмыслиения суверенитета от эпохи Возрождения до современности. Важное место занимает сравнительно-правовой анализ, применяемый для сопоставления моделей суверенитета в различных национальных юрисдикциях, в частности, в рамках Европейского Союза, СНГ и международных организаций. Особое

внимание уделяется анализу решений Европейского суда по правам человека, Суда Европейского союза и конституционных судов Германии, Франции, Италии и Российской Федерации. Рассматриваются как доктринальные интерпретации суверенитета в трудах российских учёных, так и положения международных договоров, закрепляющих юридические основания перераспределения властных полномочий между государствами и надгосударственными структурами. Подобное сочетание теоретической глубины и эмпирической конкретики позволяет подойти к проблеме суверенитета не только с точки зрения правовой теории, но и с учётом реалий современной правоприменительной практики.

Эволюция концепции государственного суверенитета в правовой теории и практике

Идея государственного суверенитета, будучи одной из наиболее устойчивых и одновременно противоречивых категорий политico-правовой мысли, прошла сложный путь становления и трансформации. В её истоках лежит стремление осмыслить и юридически зафиксировать основания легитимной и верховной власти, неподотчётной никаким внешним актам или инстанциям. Первая цельная концепция суверенитета была сформулирована в XVI веке французским мыслителем Ж. Боденом, который в своём труде «Шесть книг о государстве» (1576) определил суверенитет как «абсолютную и вечную власть государства». Ж. Боден подчёркивал, что суверен, хотя и ограничен естественным и божественным правом, остаётся высшим источником закона на своей территории. Эта доктрина зародилась в контексте религиозных войн и кризиса феодальной раздробленности и была направлена на укрепление централизованной государственной власти.

На последующем этапе концепт суверенитета получает дополнительное обоснование в рамках Вестфальской системы международных отношений, закреплённой Вестфальским миром 1648 года, который признал принцип территориальной целостности государств и их исключительную компетенцию в пределах национальных границ. Именно с этого момента суверенитет становится не только юридической категорией, но и основополагающим принципом международного порядка. Установившееся равенство государств-субъектов международного права в рамках Вестфальской парадигмы легло в основу развития системы международных отношений вплоть до XX века. В этой модели государство предстает как самодостаточный субъект, независимый в принятии решений и не связанный никакими внешними по отношению к нему нормами, кроме тех, на которые оно дало своё согласие [\[11\]](#).

Классические теории государства и права, формировавшиеся в эпоху Нового времени и Просвещения, придали концепции суверенитета правовую завершённость. У Томаса Гоббса суверен выступает как необходимое условие установления общественного порядка, гарантирующий безопасность граждан в рамках социального контракта. Джон Локк, напротив, акцентировал ограниченность власти суверена естественными правами личности, заложив основу для либерального переосмысления суверенитета как производного от народной воли. Жан-Жак Руссо в «Общественном договоре» выдвинул идею народного суверенитета, согласно которой высшая власть принадлежит не монарху, а коллективной воле граждан. Эти подходы нашли отражение в формировании позитивного права государств, особенно в ходе революционных процессов XVIII–XIX веков, когда национальные конституции начали закреплять суверенитет как высшую форму власти, исходящей от народа.

В контексте национальных правовых систем принцип государственного суверенитета стал

фундаментальной категорией конституционного права. Конституции большинства государств содержат положения, прямо или косвенно утверждающие суверенитет как неотъемлемый атрибут государственности. Так, в Конституции Российской Федерации 1993 г. в ст. 4 закреплено, что суверенитет Российской Федерации распространяется на всю её территорию, а Конституция Франции 1958 г. провозглашает во вступительной части, что «национальный суверенитет принадлежит народу». Суверенитет становится одновременно юридическим и политическим символом, выражющим независимость и самоопределение государства. Он охватывает как внутреннюю сторону — исключительное право на издание норм, отправление правосудия и контроль над ресурсами, — так и внешнюю — свободу участия в международных отношениях и неприкосновенность границ.

Однако уже в XX веке классическая концепция абсолютного и неделимого суверенитета начинает подвергаться интенсивной критике. С одной стороны, усиливается значение международного права, ограничивающего произвольное поведение государств. После Второй мировой войны и принятия Устава ООН (1945) идея абсолютного суверенитета вступает в противоречие с новыми международно-правовыми нормами, призванными защищать права человека и предотвращать агрессию. Принцип невмешательства, казалось бы, логически вытекающий из концепции суверенитета, начинает уступать место концепции «обязанности защищать» (Responsibility to Protect, R2P), что означает возможность международного вмешательства в случае массовых нарушений прав и свобод. С другой стороны, всё большее значение приобретает международная юстиция — Европейский суд по правам человека, Международный уголовный суд, Суд Европейского союза — решения которых могут вступать в прямое противоречие с национальными актами и при этом иметь приоритетное применение.

Правовая доктрина реагирует на эти изменения выработкой новых интерпретаций суверенитета. На смену монолитной модели, согласно которой суверенитет является неделимой и исключительной компетенцией государства, приходит плюралистическая модель, допускающая возможность распределения суверенных полномочий между различными уровнями власти. Это распределение может быть как вертикальным — от государства к международным организациям, — так и горизонтальным — в рамках федеративных и децентрализованных систем. Яркий пример тому — Европейский Союз, в котором государства-члены добровольно передают часть своих суверенных полномочий наднациональным органам, сохраняя при этом за собой остаточный суверенитет. Как отмечает Joseph N.H. Weiler, Европейский Союз представляет собой *sui generis* форму политico-правовой организации, в которой соотношение национального и наднационального суверенитета не поддаётся классическим моделям анализа [12].

Таким образом, современная доктрина переходит от восприятия суверенитета как абсолютной, неподотчётной власти к его осмыслинию как конструкта, находящегося в постоянной динамике. Эта динамика отражает не только изменяющуюся роль государства, но и смену ценностных ориентиров в праве: от доминирования идеи суверенной воли к приоритету универсальных прав и глобальных механизмов правосудия. Суверенитет уже не является единичным, эксклюзивным атрибутом государства, но представляет собой совокупность полномочий, юридически фиксируемых и институционально распределяемых, подверженных пересмотру и согласованию в условиях глобализирующегося правопорядка.

Факторы трансформации суверенитета в современном конституционализме

Современное правовое и политическое пространство все более отчетливо

демонстрирует, что государственный суверенитет утрачивает прежний статус неизменного и исключительного начала, обусловленного только территорией, населением и властью. Эта трансформация происходит не одномоментно и не одномерно, а в результате взаимодействия множества факторов, каждый из которых по-своему переопределяет представление о суверенитете как фундаменте конституционного строя. В этом контексте ключевым вектором изменений становится глобализация, под воздействием которой происходит эрозия традиционных границ между внутренним и внешним, национальным и наднациональным, частным и публичным. Государства уже не являются единственными центрами правотворчества иластного регулирования — они вынуждены делить своё суверенное пространство с другими акторами, включая международные организации, транснациональные корпорации и технологические платформы.

Процесс глобализации, вопреки иллюзии всеобщего сближения правовых и политических систем, сопровождается размыванием монополии государства на верховенство. Суверенитет, в классическом понимании как высшая и независимая власть, всё чаще оказывается ограниченным как внешними обязательствами, так и внутренними факторами. Глобальные экономические потоки, цифровые трансграничные коммуникации, экологические риски и миграционные кризисы создают ситуации, когда отдельное государство оказывается неспособным эффективно решать задачи без координации с другими субъектами. Именно в таких условиях усиливается значение так называемого «разделяемого» или «ограниченного» суверенитета, который предполагает не отказ от суверенитета как такового, а его переформатирование в пользу более гибких и кооперативных форм правового взаимодействия. Как подчеркивает A. Peters, речь идет не об ослаблении государственности, а о её адаптации к новой политико-правовой реальности, где прежние основания легитимации власти оказываются недостаточными [\[13\]](#).

Особую роль в трансформации суверенитета играют международные организации и институты, в первую очередь те, чья деятельность направлена на стандартизацию правовых норм и контроль за их соблюдением. Такие институты, как Организация Объединённых Наций, Всемирная торговая организация, Совет Европы и особенно Европейский союз, оказывают прямое влияние на внутригосударственное правотворчество и правоприменение. Примат норм международного права над национальными становится реальностью, отражённой как в международных соглашениях, так и в национальных конституциях и судебной практике. Так, Конституционный суд Германии в ряде решений (в частности, «Maastricht-Urteil» (1993) прямо указывает на допустимость ограничения суверенитета в интересах наднационального правопорядка, если это соответствует принципу демократии и правовой определённости. Конституционный Суд Российской Федерации также высказывался по вопросу приоритета международных норм, ограничивая его в случае противоречия с основами конституционного строя (Постановление от 14 июля 2015 года № 21-П).

Региональные интеграционные процессы, в особенности в рамках Европейского союза, являются собой наиболее убедительный пример того, как суверенитет может быть не отменён, а перераспределён в пользу надгосударственного управления. Здесь формируется уникальная модель правового взаимодействия, где государства-члены, оставаясь субъектами международного права, тем не менее передают часть своих полномочий наднациональным органам, обладающим юридически обязательными инструментами воздействия. В таких условиях суверенитет обретает новую форму — он становится подлежащим переговорам, конституционному согласованию и судебной

интерпретации. Как отмечает немецкий исследователь Ingolf Pernice, речь идет о «многоуровневом конституционализме», в котором национальные и наднациональные правовые порядки соотносятся не по принципу иерархии, а по принципу кооперации [14]. Подобное понимание суверенитета требует переосмысления концепции народного суверенитета, поскольку народ уже не является единственным источником власти, а лишь одним из субъектов в сложной сети многоуровневой легитимации.

Цифровая трансформация в свою очередь порождает совершенно новые вызовы классической концепции суверенитета. Государство более не является единственным субъектом, обладающим контролем над информацией, коммуникацией и данными. В условиях господства цифровых платформ, алгоритмов и искусственного интеллекта, значительная часть нормативного воздействия на поведение индивидов осуществляется не через государственные механизмы, а через частные цифровые регуляторы. Транснациональные корпорации, такие как Meta, Google, Amazon, приобретают реальную власть, сравнимую с функциями государств: они формируют собственные правила поведения, модерации, конфиденциальности и санкционирования, при этом зачастую действуя вне правового поля той или иной юрисдикции. Как подчёркивает S. Zuboff, в условиях «надзирающего капитализма» (surveillance capitalism) происходит перераспределение контроля над поведением граждан в пользу негосударственных акторов, что ставит под сомнение монополию государства на нормативное регулирование [15].

Не менее значимое влияние на пересмотр концепции суверенитета оказывают трансграничные угрозы, такие как пандемии, международный терроризм и киберугрозы. Эти явления обладают способностью одновременно воздействовать на внутреннюю и внешнюю безопасность, нарушая привычные границы между национальной компетенцией и глобальными обязанностями. Борьба с пандемией COVID-19 продемонстрировала ограниченность классических механизмов государственного управления и необходимость международной координации, в том числе в вопросах здравоохранения, логистики и защиты прав человека. Государства были вынуждены ограничивать некоторые фундаментальные свободы во имя общественного блага, при этом опираясь на рекомендации Всемирной организации здравоохранения и иные наднациональные источники норм. Аналогично, борьба с международным терроризмом (особенно после 11 сентября 2001 года) легитимировала принятие надгосударственных механизмов наблюдения, контроля и пресечения, таких как совместные базы данных, трансграничное сотрудничество разведок и антитеррористических органов. Подобные меры усиливают тенденцию к формированию «функционального суверенитета», то есть власти, осуществляющей в зависимости от характера угрозы, а не исключительно по территориальному признаку.

Наиболее остро в этом контексте встает вопрос взаимодействия международных и национальных норм, который на практике не всегда укладывается в рамки иерархической подчиненности. Современная правовая наука всё чаще апеллирует к концепции симбиоза правопорядков, согласно которой международное и конституционное право вступают в диалог, а не в конфликт. Речь идет не просто о приоритете одного над другим, а о необходимости их согласования в процессе интерпретации и применения. В различных странах этот подход реализуется по-разному: в ряде случаев (как в Германии или Нидерландах) международное право получает прямое применение, в других (например, в России или Великобритании) — подлежит конституционной адаптации. Такая асимметрия правовых практик, по сути, является отражением продолжающейся борьбы за пределы суверенитета в условиях глобального

конституционализма.

Концепция «разделяемого» суверенитета: теоретические основания и правовая природа

Современное понимание государственного суверенитета всё чаще выходит за рамки традиционного представления о нем как о единой, неделимой и исключительно национальной прерогативе. В условиях сложившейся глобальной полицентричности, где пересекаются различные уровни правовых, институциональных и политических взаимодействий, формируется новая модель — концепция «разделяемого» суверенитета (*shared sovereignty*) [16, 17]. Данный подход отражает не ослабление государственности, а её эволюцию в направлении гибкости и открытости, предполагающей кооперативное распределение властных полномочий между государством, наднациональными институтами и иными субъектами правотворчества. Теоретическая сложность этой конструкции проявляется в том, что она находится на стыке политической философии, теории международного права и конституционной доктрины, вбирая в себя идеи различных научных школ — от либеральной до конструктивистской.

Либеральные интерпретации «разделяемого» суверенитета исходят из приоритета индивидуальных прав и свобод, которые должны быть гарантированы вне зависимости от уровня власти, на котором осуществляется регулирование. Представители данного подхода, в том числе J. Habermas [18], подчеркивают, что государственный суверенитет не является самоцелью, а лишь средством обеспечения легитимной и эффективной власти. В этом контексте делегирование части суверенных полномочий наднациональным структурам рассматривается как механизм усиления институционального потенциала, необходимого для решения задач глобального масштаба — от защиты прав человека до обеспечения устойчивого развития. Институционалистские интерпретации, напротив, сосредоточены на анализе процессов формирования стабильных правовых и организационных структур, обеспечивающих распределение власти на разных уровнях. Как отмечает A. Moravcsik, эффективность такой системы определяется не столько вопросом наличия формального суверенитета, сколько степенью согласованности и взаимодействия между уровнями правового регулирования [19]. Конструктивистский подход, в свою очередь, акцентирует внимание на том, что суверенитет — не объективная, а социально сконструированная категория, содержание и границы которой зависят от конкретного историко-культурного и политico-правового контекста. Исходя из этого, суверенитет может быть «разделяем» не только между государствами и надгосударственными субъектами, но и в рамках внутригосударственных процессов, включая участие гражданского общества и региональных сообществ в принятии решений.

Концепция «разделяемого» суверенитета тесно связана с принципом субсидиарности, получившим особое развитие в праве Европейского союза и конституционной теории отдельных государств. Принцип субсидиарности, зафиксированный, в частности, в ст. 5 Договора о Европейском союзе, предполагает, что решения принимаются на наиболее низком уровне, способном эффективно их реализовать. Тем самым осуществляется не иерархическое подчинение, а согласованное взаимодействие различных уровней власти — от муниципального до наднационального. Такой подход обеспечивает институциональный баланс между автономией государств-членов и необходимостью коллективного реагирования на транснациональные вызовы. В немецкой правовой доктрине и судебной практике, включая решения Федерального конституционного суда (например: *Judgment of the Second Senate of 5 May 2020 – 2 BvR 859/15 (PSPP)*), принцип

субсидиарности рассматривается как основа демократической легитимации в условиях многоуровневого управления, где национальный суверенитет не исчезает, а переформатируется в горизонтальном взаимодействии.

В юридической плоскости суверенитет в рамках данной концепции предстает как переменная категория, изменяющая свое содержание и объем в зависимости от контекста правового регулирования. Это означает, что он может быть не только частично передан, но и возвращён в случае нарушения институционального баланса или правовой легитимности. Подобный подход получил отражение в ряде конституционных решений и актов, закрепляющих возможность ограничения или приостановления действия международных норм, если они противоречат основам конституционного строя. Так, в решении Конституционного Совета Франции от 2004 года подчёркивается, что участие в международной интеграции не может нарушать национальную идентичность, закреплённую в Конституции (*Décision n° 2004-505 DC du 19 novembre 2004*). Таким образом, суверенитет в правовом смысле приобретает статус «динамического правомочия», подлежащего интерпретации, балансировке и, в определённых случаях, судебному пересмотру.

Особое значение в осмыслении правовой природы «разделяемого» суверенитета приобретает концепция «многослойного» (multi-level) или «многоуровневого» конституционализма. Этот подход, широко развиваемый в немецкоязычной и ангlosаксонской доктрине (T. Schilling, I. Pernice, N. Walker), предполагает, что различные уровни правового регулирования — национальный, наднациональный и международный — обладают собственной нормативной ценностью и конституционной легитимностью. Конституционные принципы, такие как верховенство права, защита прав человека, демократическое участие, действуют не изолированно, а во взаимосвязи, формируя единую систему ценностей и правовых стандартов. Таким образом, концепция многослойного конституционализма предлагает не просто модель распределения полномочий, а парадигму взаимодействия, в которой каждый уровень власти действует в пределах своих компетенций, но при этом в соответствии с общими принципами правового государства.

Необходимо при этом отличать концепцию разделяемого суверенитета от федерализма, конфедерализма и иных традиционных форм распределения власти. Федерализм основан на вертикальной децентрализации в рамках одного государства, где субъекты федерации обладают ограниченным, но конституционно закрепленным объемом суверенных прав. Конфедерализм же предполагает союз независимых государств, сохраняющих полный суверенитет, но объединённых договором ради определённых целей. Разделяемый суверенитет не сводится ни к одной из этих моделей: он формируется на основе добровольного, но юридически значимого перераспределения власти между государством и иными акторами, зачастую не обладающими статусом государства. В этом смысле можно говорить о принципиальной новизне рассматриваемой категории: она не является просто новой формой федерализма или конфедерации, а представляет собой качественно иной тип правового взаимодействия, основанный на взаимной зависимости и функциональной координации.

Таким образом, концепция «разделяемого» суверенитета отражает глубокие трансформации, происходящие как в теории государства и права, так и в практике современного конституционного регулирования. Она указывает на необходимость переосмыслиния суверенитета как гибкого, относительного и взаимодействующего начала, способного сосуществовать с иными формами власти и правового воздействия. Это не отказ от государственности, а новая форма её институционального выражения,

предполагающая диалог, а не подчинение, и соразмерность, а не исключительность.

Правовые механизмы и институциональные проявления разделяемого суверенитета

Понятие «разделяемого» суверенитета, сформировавшееся в рамках современной политico-правовой мысли как ответ на вызовы глобализации, региональной интеграции и транснационализации публичной власти, требует не только теоретического осмысления, но и выявления конкретных правовых механизмов и институциональных форм его реализации. В отличие от классической модели абсолютного суверенитета, господствовавшей в юридической доктринации Нового времени, современное правовое пространство все в большей степени определяется множественностью уровней нормотворчества и полицентричностью власти, где суверенные полномочия не исчезают, а перераспределяются в пределах нормативно установленных рамок.

Одним из фундаментальных механизмов перераспределения суверенных функций выступают конституционные и международно-правовые инструменты, позволяющие государствам передавать часть своих исключительных компетенций наднациональным или международным организациям. Такой процесс может быть реализован как посредством внесения поправок в национальные конституции, прямо предусматривающих возможность участия в интеграционных объединениях, так и путем ратификации международных договоров, включающих обязательства по делегированию части суверенитета. Например, Конституция Федеративной Республики Германии в ст. 23 Основного закона прямо предусматривает возможность участия в развитии Европейского союза при условии соблюдения принципов демократии, правового государства и федерализма. Конституционные положения подобного рода создают основу для институционального признания разделяемого суверенитета, устанавливая правовые границы его реализации и механизмы защиты от возможного нарушения национальной идентичности.

В международном праве механизм перераспределения суверенитета воплощается прежде всего в принципах договорной передачи полномочий, признанных как в теории, так и в практике международных организаций. По мнению J. L.Cohen, передача государствами части суверенитета международным организациям не является отказом от суверенитета как такого, а его реализацией в новых правовых формах, позволяющих обеспечивать коллективные интересы и решать задачи, выходящие за пределы национальных юрисдикций. Подобная позиция подтверждается практикой таких организаций, как Европейский союз, Всемирная торговая организация, Совет Европы и Организация Объединённых Наций, чьи нормы и институты прямо воздействуют на внутренние правопорядки государств-участников.

Особое значение в развитии институциональных форм разделяемого суверенитета приобретает судебная практика, как международных, так и национальных судов. Решения этих судебных органов служат не только инструментом разрешения конкретных юридических коллизий, но и важным источником доктринального осмысления природы суверенитета в условиях его перераспределения. В этом контексте стоит отметить решения Европейского суда по правам человека, в которых последовательно проводится идея приоритетности стандартов Европейской конвенции над национальными нормами, за исключением случаев, когда речь идет о защите конституционной идентичности. Подобную позицию выразил, в частности, Конституционный суд Германии в решении по делу *Solange II* (1986), в котором указал, что до тех пор, пока правовая система Европейского союза обеспечивает уровень защиты прав, сопоставимый с национальным,

основное право Германии не будет препятствием для признания приоритета наднациональных норм.

Интересна также практика Европейского суда справедливости, где судебная аргументация развивает концепцию автономии права ЕС, воспринимая его как отдельный правопорядок, не подчиняющийся полностью ни международному, ни национальному праву. В деле *Van Gend en Loos* (1963) суд прямо признал, что Европейский союз является новым правопорядком международного права, субъекты которого — не только государства, но и физические и юридические лица. Такой подход означает, что суверенитет государств-членов существует в рамках общего нормативного поля и реализуется в процессе постоянного взаимодействия с наднациональными структурами.

Практика Всемирной торговой организации демонстрирует еще одну разновидность разделяемого суверенитета — в сфере торговой и экономической регуляции. Присоединение к ВТО требует от государства согласия на применение норм, прямо ограничивающих его свободу в установлении национальной экономической политики. В то же время механизмы разрешения споров в рамках ВТО, включая деятельность Апелляционного органа, обеспечивают соблюдение принципов равноправия и правовой определенности в условиях международной конкуренции. Подобное перераспределение регулятивных функций при сохранении правового контроля — один из примеров институционального выражения разделяемого суверенитета.

Вместе с тем национальные правопорядки по-разному интерпретируют соотношение суверенитета и международных обязательств. Французский Конституционный совет в ряде решений подчеркивал, что международные договоры, хотя и обладают приоритетом над законами, не могут превалировать над конституцией. В решении от 19 ноября 2004 г. по вопросу о Конституции Европейского союза Совет указал на необходимость внесения изменений в национальную Конституцию для ратификации данного документа, тем самым подтвердив принцип верховенства национального основного закона. Германия, напротив, демонстрирует более гибкий подход, допускающий признание приоритета норм ЕС при условии их соответствия основным конституционным принципам (*Lissabon-Urteil*, 2009). В России в последние годы наблюдается усиление тенденции к приоритету национального суверенитета, в том числе в конституционной практике. Поправки 2020 года к Конституции РФ (ст. 79) прямо закрепили невозможность исполнения решений межгосударственных органов, противоречащих Конституции РФ. При этом сохраняется формальная приверженность международным обязательствам, что создает правовую амбивалентность, отражающую внутренний конфликт между суверенитетом и международной кооперацией. В Канаде, напротив, международные договоры, хотя и не обладают прямым действием без соответствующего имплементационного законодательства, широко используются судами при толковании правовых норм, что указывает на высокий уровень правового диалога между национальным и международным уровнями.

Ключевым гарантом баланса между национальным суверенитетом и действием международных норм выступают институты конституционного контроля, обладающие полномочиями по проверке соответствия международных обязательств основным конституционным принципам. Так, Конституционный суд России в Постановлении №21-П от 14 июля 2015 г. сформулировал доктрину «конституционного ограничения имплементации», указав, что международные нормы не подлежат исполнению, если они противоречат основам национального конституционного строя. Аналогичные механизмы действуют в правопорядках Италии, Чехии, Польши, где конституционные суды выступают своеобразными арбитрами в вопросе допустимости ограничения национального

сouverenитета. Однако подобные практики не сводятся к простому отрицанию международных норм — они свидетельствуют о стремлении выработать устойчивую модель согласования различных уровней нормативной власти, что и составляет сущность разделяемого суверенитета в его институциональном измерении.

Таким образом, правовые механизмы и институциональные формы разделяемого суверенитета представляют собой сложную систему многоуровневых взаимодействий, основанную на гибком перераспределении компетенций, судебной интерпретации, национальном конституционализме и международном правопорядке. Эта система не предполагает исчезновения государственности, а, напротив, свидетельствует о её преобразовании в условиях глобального правового поля, где суверенитет реализуется не в изоляции, а во взаимодействии.

Риски, вызовы и перспективы развития концепции суверенитета в условиях трансформации конституционализма

Современные процессы трансформации государственного суверенитета, находящегося в тесной взаимосвязи с эволюцией конституционализма, сопровождаются не только теоретическими и правовыми достижениями, но и целым рядом рисков и вызовов, которые затрагивают саму сущность публичной власти, её легитимацию, институциональную структуру и ценностное основание. Новые формы политico-правового взаимодействия, возникшие в условиях глобализации, цифровизации и поликентрической нормативности, ставят под сомнение прежние аксиомы государственности, вызывая необходимость переосмысления базовых категорий конституционного строя, включая не только суверенитет, но и демократию, подотчётность, разделение властей и легитимность.

Одним из наиболее острых вызовов является размывание границ публичной власти, что порождает проблему сохранения и самоопределения правовой идентичности в условиях многослойного правового пространства. Традиционно публичная власть ассоциировалась с государством как единственным субъектом, обладающим суверенным правом на нормотворчество, принуждение и легитимное насилие. Однако в новых реалиях эта монополия подвергается серьёзному пересмотру. Значительную часть публично значимых решений принимают органы, находящиеся вне пределов национального правопорядка — будь то наднациональные институты, транснациональные корпорации или сетевые платформы, обладающие фактическим контролем над ключевыми сферами общественной жизни. В таких условиях затруднено установление чёткой границы между «внутренним» и «внешним», «частным» и «публичным», «государственным» и «негосударственным». Как указывают ряд авторов, трансформация суверенитета сопровождается правовой неопределенностью, подрывающей целостность национальной правовой системы и способствующей утрате нормативной автономии [\[21\]](#). Аналогичные оценки присутствуют и в зарубежной литературе — так, S. Sassen подчёркивает, что глобальные режимы власти всё чаще действуют в обход традиционных государственных структур, формируя новые поля нормативного влияния, не обладающие прежней правовой прозрачностью [\[22\]](#).

Эта неопределенность усиливает опасность эрозии демократической легитимности, которая традиционно базировалась на представлении о народном суверенитете, реализуемом через избранные органы власти в пределах определённой территории. Наднациональное регулирование, не всегда сопровождаемое прямой демократической легитимацией, вызывает вопросы относительно его соответствия принципам народного волеизъявления и подотчётности. При этом, по мнению D. Held, одной из тенденций

современного конституционного развития становится смещение центра принятия решений за пределы национальных институтов, что может восприниматься как угроза демократическому контролю. В Европейском союзе, несмотря на развитие механизмов парламентского участия и расширение полномочий Европейского парламента, сохраняются опасения по поводу так называемого «дефицита демократии», при котором ключевые решения принимаются исполнительными структурами, лишёнными прямого мандата от граждан. Аналогично, международные организации, включая Всемирный банк, Международный валютный фонд или ВТО, не являются институтами, подконтрольными национальным избирателям, что вызывает легитимационные коллизии в условиях передачи им части суверенных функций.

В этом контексте особенно значимой становится проблема подотчётности и транспарентности глобальных акторов, действующих в транснациональном правовом поле. В отличие от национальных институтов, деятельность которых регулируется конституционными процедурами, международные и надгосударственные структуры зачастую опираются на договорные или административные процедуры, мало восприимчивые к общественному контролю. Такие субъекты, как транснациональные технологические компании, платформы искусственного интеллекта, владельцы больших данных, фактически формируют новые нормативные поля — от правил модерации контента до алгоритмов, влияющих на поведение пользователей. Однако они практически не включены в правовые механизмы подотчётности и публичной ответственности. Как подчёркивает F. Vibert, в эпоху глобального управления возникает новая форма «технократического суверенитета», где власть основана на экспертизе и функциональной эффективности, но не на демократическом мандате [\[24\]](#). В таких условиях встаёт вопрос: возможно ли сохранить принцип народного суверенитета в ситуации, когда значительная часть регулирования осуществляется вне сферы действия национальных парламентов и судебной системы?

Тем не менее, несмотря на очевидные риски, концепция суверенитета в современных условиях сохраняет свою значимость как инструмент адаптации к новым формам правовой и политической интеграции, а не как устаревшая категория, подлежащая устраниению. Современные исследования подчеркивают, что суверенитет всё чаще воспринимается не как абсолютная и неизменная категория, а как правовой механизм, позволяющий государствам участвовать в международных процессах, не теряя при этом способности к саморегуляции. В этом смысле суверенитет становится функциональным ресурсом, распределяемым в зависимости от задач, угроз и контекстов. Как утверждал S.D. Krasner, государство, не способное делиться суверенитетом, не способно и защищать его в условиях транснационального давления. Такая функционализация суверенитета предполагает его гибкость, способность к перераспределению и обратно — к реинтеграции, если того требует политическая или конституционная целесообразность. Подобное понимание уже проявляется в практике государств, участвующих в интеграционных проектах: они делегируют полномочия, но сохраняют за собой право выхода, контроля или изменения условий делегирования, как это было в случае с Brexit.

Наконец, происходящие изменения подводят правовую науку к необходимости переосмысления конституционных принципов в условиях гибридных форм власти, где суверенитет больше не может рассматриваться исключительно в рамках иерархической модели власти. Возникает потребность в обновлении понятийного аппарата, в разработке новых подходов к пониманию легитимности, компетенции, подотчётности и верховенства права. Так, идея конституционного плюрализма, активно обсуждаемая в зарубежной литературе (M. Kumm [\[26\]](#), N. Walker [\[27\]](#)), предполагает возможность

существования нескольких автономных правопорядков в едином пространстве правовой валидности, при этом каждый из них обладает собственной системой обоснования. Для правопорядков, переживающих процессы внутренней трансформации, такой подход может оказаться ключом к нахождению равновесия между традиционной государственной легитимацией и требованиями глобального управления. При этом сложность этих процессов требует не столько отказа от суверенитета, сколько его концептуального обновления. Суверенитет в настоящее время предстает уже не как догматическая аксиома, а как многофункциональный, правовой и политический инструмент, обеспечивающий государству способность к действию в условиях неопределенности, взаимодействия и многополярности. Именно в этой логике и формируется новая парадигма конституционализма — открытого, сетевого, адаптивного.

Заключение

Современные трансформации в сфере публичной власти, вызванные углубляющимися процессами глобализации, цифровизации и институционального переплетения национальных и наднациональных правопорядков, обостряют дискуссии о природе и будущем суверенитета как краеугольного камня конституционного строя. Концепция суверенитета, ранее воспринимаемая как неделимое выражение государственной воли и исключительного права распоряжаться внутренними и внешними делами, подверглась серьёзной ревизии. Сложность, множественность и фрагментарность современных источников власти демонстрируют, что классическое понимание суверенитета как абсолютной автономии государства утратило свою нормативную универсальность и политическую применимость. Взамен возникает необходимость теоретического и правового осмыслиения многоуровневой, гибкой, институционально распределённой системы властных полномочий, где суверенитет не исчезает, но качественно преобразуется.

Одним из центральных векторов этой трансформации становится формирование доктрины «разделяемого» суверенитета, представляющей собой не отступление от традиционного суверенитета, а его развитие в новых институциональных и нормативных координатах. Согласно этой концепции, государство не теряет суверенитет, передавая часть своих полномочий наднациональным или международным институтам, но, напротив, реализует его через участие в глобальных и региональных правовых конструктах. В такой логике суверенитет приобретает процессуальную природу, выражющуюся не в замкнутом обладании властью, а в способности к добровольному делегированию, координации и адаптации. Исследователи подчёркивают, что в XXI веке суверенитет может функционировать как институциональный канал включённости в мировое право и экономику, сохраняя при этом устойчивость внутренних политico-правовых механизмов.

Однако этот процесс сопряжён с рядом противоречий, требующих комплексного теоретико-правового осмыслиения. С одной стороны, разделение суверенитета открывает государствам новые возможности для коллективного решения транснациональных проблем — от миграции до кибербезопасности, от регулирования рынков до климатических вызовов. С другой — оно порождает риск утраты суверенной субъектности в случае отсутствия эффективных механизмов обратной связи, контроля и пересмотра переданных полномочий. Таким образом, важнейшей задачей современного конституционализма становится разработка таких моделей институционального взаимодействия, в которых делегирование не подрывает легитимность, а напротив — укрепляет её через правовую предсказуемость, демократическое участие и соблюдение принципов правового государства.

В этом контексте вопрос о переосмыслении суверенитета приобретает особое значение как для национальных, так и для международных правопорядков. Внутри национальных систем наблюдается усиление процессов, направленных на юридическое закрепление принципов взаимодействия с внешними источниками нормотворчества, что требует тонкой настройки конституционно-правовых механизмов. Возникает необходимость адаптации норм о верховенстве конституции, компетенции органов государственной власти и защите прав человека к условиям участия в наднациональных структурах. В тоже время международный правопорядок также требует обновления — от восстановления доверия к многосторонним институтам до разработки новых форм взаимного признания и гибкой нормативной координации.

На этом фоне всё более актуальным становится вопрос о судьбе суверенитета в эпоху постгосударственности, то есть в условиях, когда государство перестаёт быть единственным центром нормативного регулирования и политического авторитета. Постгосударственная реальность проявляется не в отмене государства, а в его трансформации: государство уже не является автономной закрытой системой, но функционирует как узел в сложной сети правовых, экономических, культурных и технологических взаимодействий. В этих условиях суверенитет может сохранить своё значение, если он будет пониматься не как догматическая категория XIX века, а как динамичный, многоуровневый и взаимосвязанный процесс выстраивания политico-правовой субъектности. Эта новая субъектность не сводится к территориальной монополии, но формируется на основе способности участвовать в управлении рисками, обеспечении устойчивости, защите фундаментальных прав и выстраивании взаимной ответственности между властью и обществом — как внутри государства, так и в международном масштабе.

Именно в этой многомерной и подвижной реальности происходит переформатирование конституционного языка, переосмысление нормативных оснований правового порядка и формирование новых смыслов, в которых суверенитет выступает не как абсолют, а как арена сложного диалога между традицией и инновацией, стабильностью и гибкостью, национальной идентичностью и глобальной взаимозависимостью. Размышляя о будущем суверенитета, невозможно ограничиться правовыми дефинициями — необходимо учитывать всю полноту политico-правовых, культурных и технологических изменений, определяющих конфигурацию публичной власти в XXI веке.

Библиография

1. Васильев А.А., Печатнова Ю.В. Трансформация концепции государственного суверенитета в условиях глобализации // Российско-азиатский правовой журнал. 2019. № 3. С. 86-89. EDN: REFVGO.
2. Krasner S. D. Building Democracy After Conflict: The Case for Shared Sovereignty // Journal of Democracy. 2005. Vol. 16. № 1. С. 69-83.
3. Matanock A. M. Governance Delegation Agreements: Shared Sovereignty as a Substitute for Limited Statehood // Governance. 2014. Vol. 27. № 4. С. 589-612.
4. Туманов В.А. Буржуазная правовая идеология. К критике учений о праве. М.: Наука, 1971. 384 с.
5. Поленина С.В. Система права и система законодательства в современных условиях // Правоведение. 1987. № 5. С. 29-37. EDN: TWPVTX.
6. Интеграционное право в современном мире: сравнительно-правовое исследование: монография / отв. ред. Кашкин С.Ю. М.: Проспект, 2015. 416 с.
7. Slaughter A-M. Disaggregated Sovereignty: Towards the Public Accountability of Global Government Networks // Government and Opposition. 2004. Vol. 39. № 2. С. 159-190.

8. Walker N. Constitutionalism and the Incompleteness of Democracy: An Iterative Relationship // Netherlands Journal of Legal Philosophy. 2010. № 3. С. 206-233.
9. Krasner S. D. Abiding Sovereignty // International Political Science Review. 2001. Vol. 22. № 3. С. 229-251.
10. Боден Ж. Шесть книг о государстве / пер. с фр. Н. А. Хачатурян // Антология мировой правовой мысли. В 5 т. Т. 2. Европа V-XVII вв. / под ред. Н. А. Крашенинниковой. М.: Мысль, с. 688-695.
11. Sarkar J. Debating a Post-Westphalian International Order // Mainstream Weekly. 2015. Vol. LIII. № 15.
12. Weiler J. H. H. The Transformation of Europe // The Yale Law Journal. 1991. Vol. 100. № 8. С. 2403-2483.
13. Peters A. Sovereigns as Trustees of Humanity: On the Accountability of States to Foreign Stakeholders // Indiana Journal of Global Legal Studies. 2011. Vol. 18. Iss. 2. С. 517-536.
14. Pernice I. Multilevel Constitutionalism and the Crisis of Democracy in Europe // European Constitutional Law Review. 2015. Vol. 11. Iss. 3. С. 541-562.
15. Zuboff S. The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power. New York: PublicAffairs, 2019.
16. Mikler J. Sharing Sovereignty for Policy Outcomes // Policy and Society. 2011. Vol. 30. Iss. 3. С. 151-160.
17. Lange B., Herlo A., Ibert M. Rethinking Geographies of Sovereignty: Towards a Conceptual Framework of Situated Sovereignty // Geography Compass. 2023. Vol. 17. Iss. 2.
18. Habermas J. Human Rights and Popular Sovereignty: The Liberal and Republican Versions // Ratio Juris. 1994. Vol. 7. Iss. 1. С. 1-13.
19. Moravcsik A. The Choice for Europe: Social Purpose and State Power from Messina to Maastricht. Ithaca NY: Cornell University Press, 1998. 514 p.
20. Cohen J. L. Whose Sovereignty? Empire versus International Law // Ethics & International Affairs. 2004. Vol. 18. Iss. 3. С. 1-24.
21. Соколова А. А. Проблема суверенитета и особенности политической трансформации государства в условиях глобализации // Власть. 2009. № 12. С. 45-48. EDN: KYVEZP.
22. Sassen S. Territory, Authority, Rights: From Medieval to Global Assemblages. Princeton University Press, 2006.
23. Held D. Democracy and the Global Order: From the Modern State to Cosmopolitan Governance. Stanford University Press, 1995.
24. Vibert F. The Rise of the Unelected: Democracy and the New Separation of Powers. Cambridge University Press, 2007.
25. Krasner S. D. Sovereignty: Organized Hypocrisy. Princeton University Press, 1999.
26. Kumm M. The Cosmopolitan Turn in Constitutionalism: An Integrated Conception of Public Law // Indiana Journal of Global Legal Studies. 2013. Vol. 20. Iss. 2. Art. 4.
27. Sovereignty in Transition. Ed. by Neil Walker. Oxford: Hart Publishing, 2003. XII, 556 pp.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной на рецензирование статье является, как это следует из ее наименования, проблема пересмотра концепции государственного суверенитета в контексте трансформации современного конституционализма.

Заявленные границы исследования соблюдены ученым.

Методология исследования раскрыта: "Методологическая основа исследования строится на принципах комплексности и междисциплинарности. Исследование опирается на системный подход к анализу феномена публичной власти, а также на историко-правовой метод, позволяющий проследить эволюцию теоретического осмыслиения суверенитета от эпохи Возрождения до современности. Важное место занимает сравнительно-правовой анализ, применяемый для сопоставления моделей суверенитета в различных национальных юрисдикциях, в частности, в рамках Европейского Союза, СНГ и международных организаций. Особое внимание уделяется анализу решений Европейского суда по правам человека, Суда Европейского союза и конституционных судов Германии, Франции, Италии и Российской Федерации. Рассматриваются как доктринальные интерпретации суверенитета в трудах российских учёных, так и положения международных договоров, закрепляющих юридические основания перераспределения властных полномочий между государствами и надгосударственными структурами. Подобное сочетание теоретической глубины и эмпирической конкретики позволяет подойти к проблеме суверенитета не только с точки зрения правовой теории, но и с учётом реалий современной правоприменительной практики".

Актуальность избранной автором темы исследования несомненна и обосновывается им следующим образом: "Современное правовое мышление всё более остро сталкивается с необходимостью переосмыслиния фундаментальных категорий государственного устройства, одной из которых, безусловно, является суверенитет. На протяжении столетий концепция суверенитета оставалась краеугольным камнем теории и практики публичной власти, воплощая представление о верховной, неделимой и неподотчётной власти государства в пределах его территории. Однако с началом XXI века всё отчётливее проявляется кризис классической модели государственного суверенитета, обусловленный целым рядом факторов, коренящихся как в трансформации международной правовой архитектуры, так и в ускоренном изменении природы власти, вызванной процессами глобализации и цифровизации [1].

Глобализация — как правовое, так и политico-экономическое явление — выступает одним из важнейших внешних вызовов национальному суверенитету. Появление и укрепление наднациональных правовых институтов, расширение компетенции международных организаций, обязательность решений трансграничных судебных инстанций — всё это существенно влияет на пределы осуществления государством своих властных полномочий. Одновременно с этим цифровизация, создавая новые формы социальных взаимодействий, формирует специфическое киберпространство, в котором государство утрачивает монополию на нормативное регулирование. Виртуальные рынки, глобальные информационные платформы и искусственный интеллект формируют альтернативные каналы регулирования общественных отношений, зачастую независимые от воли и юрисдикции государств. В этих условиях возникает объективная необходимость в теоретической и нормативной реконструкции концепции суверенитета — от его традиционного, «абсолютного» понимания к новой, более гибкой и многослойной модели, известной как «разделяемый» суверенитет (*shared sovereignty*) [2, 3]". Ученым раскрыта степень изученности поднимаемых в статье проблем: "Обращение к научной литературе демонстрирует, что в юридической науке вопрос суверенитета сохраняет актуальность и вызывает широкую дискуссию. В русскоязычном научном поле значительный вклад в разработку этой проблематики внесли такие исследователи, как В.А. Туманов [4], подчёркивавший важность учёта международно-правовых реалий в интерпретации суверенитета, С.В. Поленина, обосновывавшая концепцию правового ограничения суверенитета [5], а также С.Ю. Кашкин, связывавший трансформацию суверенитета с тенденциями правовой интеграции [6] и др. В англоязычной традиции

доминируют подходы, представленные работами A.-M. Slaughter [7], обосновывающей доктрину сетевого государства, а также N. Walker [8], развивающего концепцию постсуверенного конституционализма . Особый интерес представляет позиция S. D. Krasner [9], предлагающего различать четыре типа суверенитета — внутренний, внешний, международный и интердепендентный, — что позволяет по-новому взглянуть на правовую природу данного явления в условиях глобализирующегося мира".

Научная новизна работы проявляется в ряде заключений автора: "Таким образом, современная доктрина переходит от восприятия суверенитета как абсолютной, неподотчётной власти к его осмыслению как конструкта, находящегося в постоянной динамике. Эта динамика отражает не только изменяющуюся роль государства, но и смену ценностных ориентиров в праве: от доминирования идеи суверенной воли к приоритету универсальных прав и глобальных механизмов правосудия. Суверенитет уже не является единичным, эксклюзивным атрибутом государства, но представляет собой совокупность полномочий, юридически фиксируемых и институционально распределемых, подверженных пересмотру и согласованию в условиях глобализирующегося правопорядка"; "Современная правовая наука всё чаще апеллирует к концепции симбиоза правопорядков, согласно которой международное и конституционное право вступают в диалог, а не в конфликт. Речь идет не просто о приоритете одного над другим, а о необходимости их согласования в процессе интерпретации и применения. В различных странах этот подход реализуется по-разному: в ряде случаев (как в Германии или Нидерландах) международное право получает прямое применение, в других (например, в России или Великобритании) — подлежит конституционной адаптации. Такая асимметрия правовых практик, по сути, является отражением продолжающейся борьбы за пределы суверенитета в условиях глобального конституционализма"; "Необходимо при этом отличать концепцию разделяемого суверенитета от федерализма, конфедерализма и иных традиционных форм распределения власти. Федерализм основан на вертикальной децентрализации в рамках одного государства, где субъекты федерации обладают ограниченным, но конституционно закрепленным объемом суверенных прав. Конфедерализм же предполагает союз независимых государств, сохраняющих полный суверенитет, но объединенных договором ради определенных целей. Разделяемый суверенитет не сводится ни к одной из этих моделей: он формируется на основе добровольного, но юридически значимого перераспределения власти между государством и иными акторами, зачастую не обладающими статусом государства. В этом смысле можно говорить о принципиальной новизне рассматриваемой категории: она не является просто новой формой федерализма или конфедерации, а представляет собой качественно иной тип правового взаимодействия, основанный на взаимной зависимости и функциональной координации"; "Таким образом, правовые механизмы и институциональные формы разделяемого суверенитета представляют собой сложную систему многоуровневых взаимодействий, основанную на гибком перераспределении компетенций, судебной интерпретации, национальном конституционализме и международном правопорядке. Эта система не предполагает исчезновения государственности, а, напротив, свидетельствует о её преобразовании в условиях глобального правового поля, где суверенитет реализуется не в изоляции, а во взаимодействии" и др. Таким образом, статья вносит определенный вклад в развитие отечественной правовой науки и, безусловно, заслуживает внимания потенциальных читателей.

Научный стиль исследования выдержан автором в полной мере.

Структура работы логична. Во вводной части статьи ученый обосновывает актуальность избранной им темы исследования, раскрывает его цель, задачи и методологию.

Основная часть работы состоит из нескольких разделов: "Эволюция концепции государственного суверенитета в правовой теории и практике"; "Факторы трансформации суверенитета в современном конституционализме"; "Концепция «разделяемого» суверенитета: теоретические основания и правовая природа"; "Правовые механизмы и институциональные проявления разделяемого суверенитета"; "Риски, вызовы и перспективы развития концепции суверенитета в условиях трансформации конституционализма". В заключительной части работы содержатся выводы по результатам проведенного исследования.

Содержание статьи соответствует ее наименованию и не вызывает особых нареканий.

Библиография исследования представлена 27 источниками (монографиями и научными статьями), в том числе на английском языке. С формальной и фактической точек зрения этого достаточно. Автору удалось раскрыть тему исследования с необходимой полнотой и глубиной. Работа выполнена на высоком академическом уровне.

Апелляция к оппонентам имеется, как общая, так и частная (Ж. Боден, Д. Локк, Й. Habermas и др.), и вполне достаточна. Научная дискуссия ведется автором корректно. Положения работы обоснованы в должной степени и проиллюстрированы примерами.

Выводы по результатам проведенного исследования имеются ("Современные трансформации в сфере публичной власти, вызванные углубляющимися процессами глобализации, цифровизации и институционального переплетения национальных и наднациональных правопорядков, обостряют дискуссии о природе и будущем суверенитета как краеугольного камня конституционного строя. Концепция суверенитета, ранее воспринимаемая как неделимое выражение государственной воли и исключительного права распоряжаться внутренними и внешними делами, подверглась серьёзной ревизии. Сложность, множественность и фрагментарность современных источников власти демонстрируют, что классическое понимание суверенитета как абсолютной автономии государства утратило свою нормативную универсальность и политическую применимость. Взамен возникает необходимость теоретического и правового осмыслиения многоуровневой, гибкой, институционально распределённой системыластных полномочий, где суверенитет не исчезает, но качественно преобразуется. Одним из центральных векторов этой трансформации становится формирование доктрины «разделяемого» суверенитета, представляющей собой не отступление от традиционного суверенитета, а его развитие в новых институциональных и нормативных координатах. Согласно этой концепции, государство не теряет суверенитет, передавая часть своих полномочий наднациональным или международным институтам, но, напротив, реализует его через участие в глобальных и региональных правовых конструктах. В такой логике суверенитет приобретает процессуальную природу, выражющуюся не в замкнутом обладании властью, а в способности к добровольному делегированию, координации и адаптации. Исследователи подчёркивают, что в XXI веке суверенитет может функционировать как институциональный канал включённости в мировое право и экономику, сохраняя при этом устойчивость внутренних политико-правовых механизмов. Однако этот процесс сопряжён с рядом противоречий, требующих комплексного теоретико-правового осмыслиения. С одной стороны, разделение суверенитета открывает государствам новые возможности для коллективного решения транснациональных проблем — от миграции до кибербезопасности, от регулирования рынков до климатических вызовов. С другой — оно порождает риск утраты суверенной субъектности в случае отсутствия эффективных механизмов обратной связи, контроля и пересмотра переданных полномочий. Таким образом, важнейшей задачей современного конституционализма становится разработка таких моделей институционального взаимодействия, в которых делегирование не подрывает легитимность, а напротив — укрепляет её через правовую предсказуемость,

демократическое участие и соблюдение принципов правового государства" и др.), обладают свойствами достоверности, обоснованности и, несомненно, заслуживают внимания научного сообщества.

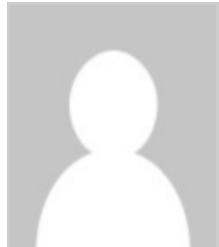
Интерес читательской аудитории к представленной на рецензирование статье может быть проявлен, прежде всего, со стороны специалистов в сфере конституционного права.

Англоязычные метаданные

Internet sales of potent substances: regulation and gaps in legislation

Voykova Natalia Andreevna

PhD in Law



Associate Professor; Law Institute; P. Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

115419, Russia, Moscow, Danilovsky district, Serpukhovskiy Val str., 24 k. 2, sq. 3

voykova.n@mail.ru

Moreeva Sof'ya Nikolaevna

PhD in Law



Head of the Department; Department of Law and Practical Jurisprudence; Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Associate Professor; Law Institute; P. Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

119571, Russia, Moscow, Troparevo-Nikulino district, Akademika Anokhina str., 9

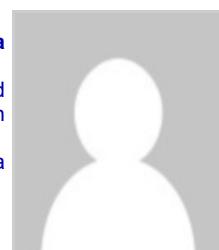
moreeva-sn@ranepa.ru

Matsaeva Tat'yana Vladimirovna

Lecturer; Department of Law and Practical Jurisprudence; Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

10, Usovo-Dead End settlement, Odintsovo, Moscow region, 143084, Russia

matsaeva-tv@ranepa.ru



Abstract. The subject of the study is the legal mechanisms aimed at regulating the process of remote sales of potent substances and poisonous chemical compounds through the use of the Internet. The article sequentially analyzes the provisions of current Russian legislation in the field of circulation of toxic substances, examines existing tools aimed at ensuring information security, and explores the possibility of their application to the remote sale of dangerous and potentially harmful substances through online platforms. Special attention is paid to the powers of the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications (Roskomnadzor), as well as the identification of gaps in these powers. The risks arising from the unrestricted access to poisonous compounds in the virtual space are considered, and legal tools for preventing and suppressing such violations are proposed. The authors used the following methods: Comparative legal method (within the framework of analyzing normative acts regulating the circulation of potent and toxic substances in Russia); Systemic method (to identify gaps in legislation and assess the effectiveness of existing control mechanisms); Technical-legal method. The empirical part of the study was carried out through monitoring of Internet resources and inquiries to state authorities, analysis of judicial practice. The study emphasizes the importance of developing stricter measures of legal regulation that would prevent the circulation of potent substances and poisons, as well as toughening liability for violations of the relevant norms. Based on the above, the following recommendations can be formulated. 1. Legislative Improvements: Clarify the concepts of "potent" and "toxic substances" in regulatory acts to ensure uniform application of the law; Amend the Federal Law "On Information..." by including websites disseminating information on the sale of toxic substances, the illegal circulation of which is punishable under Art. 234 of the Criminal Code,

in the list of resources subject to blocking without a court decision (by analogy with narcotics). 2. Strengthening Control and Enhancing Interagency Cooperation: Grant relevant authorities (Roskomnadzor and the Ministry of Internal Affairs) the authority to monitor and suppress online sales of dangerous substances, including the Darknet; Create a unified database of prohibited substances and their analogs to promptly identify new trafficking schemes; Enhance cooperation with customs and postal services to intercept shipments containing poisons.

Keywords: toxicological aspects, law enforcement activities, health threats, legal liability, cyber threats, administrative law, criminal legislation, illegal trade, e-commerce, Toxic substances

References (transliterated)

1. Chistova L. E. Eshche raz k voprosu o ponyatii predmeta prestupnogo posyagatel'stva po delam o prestupleniyakh, svyazannykh s sil'nodeistvuyushchimi i yadovitymi veshchestvami // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2013. № 5. S. 130-134; EDN: QZDQRH.
2. Sapozhnikov M. S. K voprosu o formirovani zyakonodatel'stva ob otvetstvennosti v sfere nezakonnogo oborota sil'nodeistvuyushchikh veshchestv // Sovremennyi uchenyi. 2019. № 5. S. 304-307; EDN: AZPCYE.
3. Akimova I. V. Ob"ektivnye priznaki nezakonnogo oborota sil'nodeistvuyushchikh ili yadovitykh veshchestv v tselyakh sbyta // Probely v rossiiskom zyakonodatel'stve. 2014. № 4. S. 154-156 i dr.; EDN: SMYPDR.
4. Stepanova M. N. Informatsionnaya bezopasnost' v pravovom pole: strategii pravovogo regulirovaniya i zashchity kiberprostranstva // Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika. 2024. № 1 (40). S. 48-52. DOI: 10.47475/2311-696X-2024-40-1-48-52; EDN: AEOSTU.
5. Osokin R. B., Zalivina N. N. Pravovoi status prekursorov, analogov i proizvodnykh narkoticheskikh sredstv i psikhotropnykh veshchestv // Vestnik SPbGU. Seriya 14. Pravo. 2020. № 2. S. 342-352. DOI: 10.21638/spbu14.2020.206; EDN: CGODRJ.
6. Sokolov A. Yu. Pravovoe protivodeistvie sovremennym vyzovam i ugrozam informatsionnoi bezopasnosti // Pravovaya politika i pravovaya zhizn'. 2024. № 1. S. 22-30. DOI: 10.24412/1608-8794-2024-1-22-30; EDN: YFXQRC.
7. El'chaninova N. B. Problemy sovershenstvovaniya zyakonodatel'stva v sfere ogranicheniya dostupa k protivopravnii informatsii v seti Internet // Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo. 2017. № 12. S. 119-121. DOI: 10.24158/pep.2017.12.25; EDN: YMCMRA.
8. Lomachenko E. V. Mery gosudarstvennogo regulirovaniya razlichnykh vidov informatsii, zapreshchennoi k rasprostraneniyu v seti "Internet" // Obrazovanie i pravo. 2023. № 12. S. 60-64. DOI: 10.24412/2076-1503-2023-12-60-64; EDN: XDDWJI.
9. Vasil'ev A., Ibragimov Zh., Vasil'eva O. Darknet kak uskol'zayushchaya sfera pravovogo regulirovaniya // Jurislingvistika. 2019. № 12. S. 10-12; EDN: CBPGEY.
10. Sukhanov R. A. Problemy udalennogo issledovaniya zapreshchennoi informatsii v seti Internet // Pravovaya politika i pravovaya zhizn'. 2024. № 4. S. 348-353. DOI: 10.24412/1608-8794-2024-4-348-353; EDN: ZFPDIE.
11. Tangiev V. R. Aktual'nye voprosy ogranicheniya dostupa k servisam, obespechivayushchim nepravomernyi oborot zapreshchennykh predmetov ili veshchestv // Aktual'nye voprosy ekspluatatsii sistem okhrany i zashchishchennykh

telekommunikatsionnykh sistem: sbornik materialov Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Voronezh, 07 iyunya 2018 goda. Voronezh: Voronezhskii institut Ministerstva vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii, 2018. S. 329-330; EDN: YSSBLF.

The problems of satisfying the petition on the bias of the jury

Gaivoronskaia Lina Veniaminovna

PhD in Law

Associate Professor; Department of Criminal Procedure Law; O.E. Kutafin Moscow State Law University (MGU)

79a Komsomolskaya str., Podolsk, Moscow region, 142100, Russia

✉ LVGaivoronskaya@yandex.ru



Abstract. Due to the legislator's very concise legal regulation of the concept of tendentious composition of jurors and the lack of criteria that would allow satisfying the petition for the dissolution of the board, the scientific literature is replete with contradictory discussions on the necessity of the existence of such an institution, and judicial practice is very few and there is no uniformity. Therefore, the subject of research in this article is the concept of bias in the composition of jurors, the search for criteria by which the totality of the factual circumstances of a particular criminal case and the existing composition of jurors would satisfy the concept of bias. The author attempts to analyze specific examples of judicial practice, compare them with the actual circumstances of the case under consideration and deduce from them an understanding of the bias of the jury panel, as well as the criteria by which such a request could be satisfied. The author uses methods such as induction, deduction, observation, comparison, analysis and generalization in the research process. Since the practice of satisfying petitions for the bias of the jury is very limited, today in practice it is difficult to understand what needs to be indicated in such a petition for a favorable outcome. Therefore, the novelty of this study lies in the fact that the author has tried to study judicial practice and present his own conclusions on the subject of the content of such a petition: it is not enough to point out only the deficiency on the basis of gender, race, nationality or profession of the formed panel of jurors. The issue of its bias is studied in the context of the specific factual circumstances and features of the criminal case under consideration. That is, a biased panel of jurors based on the fact that most of the jurors are women will be relevant only in cases of sexual crimes directly related to the relationship between the sexes. It would not be convincing to file such a motion, for example, in a fraud case.

Keywords: The college's prejudice, the objective verdict, trial by jury, petition for bias, uniformity of the jury composition, formation of the jury panel, dissolution of the jury, statement of bias, The jurors, bias

References (transliterated)

1. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka. 4-e izd., dop. M.: OOO "ITI Tekhnologii", 2003. 795 s.
2. Pashin S.A. Sudebnaya reforma i sud prisyazhnykh. M.: Rossiiskaya pravovaya akademiya, 1995. 12-13 s.
3. Radutnaya N.V. Zачем нам нужен суд присяжных. M.: Izd-vo RPA MYu RF, 1995. 23, 29 s.
4. Radutnaya N.V. Zачем нам нужен суд присяжных. M.: Izd-vo RPA MYu RF, 1995.

23, 29 s.

5. Dobrovolskaya S.I. Sud prisyazhnykh: aktual'nye problemy organizatsii i deyatel'nosti: avtoreferat dis. ... kandidata yuridicheskikh nauk : 12.00.09 / MGU im. M. V. Lomonosova. Moskva, 1995. 8 s.
6. Marasanova S.V. Organizational'nye i protsessual'nye problemy deyatel'nosti suda prisyazhnykh. M., 2002. 41 s.
7. Nasonov S.A. Sud prisyazhnykh: itogi 2023 goda i prognoz na 2024-i. Advokatskaya gazeta. 27 dekabrya 2023 goda. URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/sud-prisyazhnykh-itogi-2023-goda-i-prognoz-na-2024-y/> (data obrashcheniya: 27.12.2023).
8. Sedykh E.M. Osobennosti tendentsioznosti kak osnovaniya rospuska kollegii prisyazhnykh zasedatelei. Elektronnyi nauchno-prakticheskii zhurnal "Politika, gosudarstvo i pravo". URL: <https://politika.sciencedom.ru/2016/02/3702> (data obrashcheniya: 27.12.2023).
9. VSRF: dovod o tendentsioznosti kollegii prisyazhnykh zasedatelei vvidu vozrasta blizkogo k vozrastu poterpevshikh naduman. URL: <https://legalbulletin.online/vs-rf-dovod-o-tendencioznosti-kollegii-prisjazhnyh-zasedatelej-vvidu-vozrasta-blizkogo-k-vozrastu-poterpevshih-naduman/> (data obrashcheniya: 27.12.2023).
10. Karabakhskii konflikt. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Karabakhskii_konflikt (data obrashcheniya: 27.12.2023).
11. Lupinskaya P.A. Resheniya v ugolovnom sudoproizvodstve: teoriya, zakonodatel'stvo, praktika. 2-e izd. M.: Norma, INFRA-M, 2010. 201 s. EDN: SDQQMJ.

Legal regime of substances: wastes, by-product, secondary raw materials, secondary resources

Il'meneva Veronika Arturovna

Postgraduate student; Faculty of Law; St. Petersburg State University

7-9-11 Universitetskaya Embankment, Vasileostrovsky district, St. Petersburg, 199034, Russia

✉ v.il'meneva@mail.ru



Abstract. The subject of the research is the legal regime of substances in environmental law, including wastes, by-products, secondary raw materials, and secondary resources. The study analyzes the problems of their legal regulation that hinder the involvement of these substances in economic circulation in the context of permissive and regulatory types of legal regulation. The norms of current legislation and doctrinal approaches are examined, allowing for the identification of commonalities and differences in the legal regulation of substances as additional sources of raw materials, as well as the relationship between public law and private law means used in determining the legal regime of substances. A unifying factor is the necessity to form an independent legal regime for substances as a generic concept related to wastes, by-products, secondary resources, and secondary raw materials (as additional sources of raw materials). The study employs methods of comparative legal analysis, a systemic approach, and legal hermeneutics. The methodological foundation consists of theoretical developments in the field of environmental law and legal theory, including concepts of legal regimes and types of legal regulation (permissive and regulatory). Contradictions between imperative and dispositive approaches to the regulation of substances have been identified. Authorial approaches to understanding the legal regimes of substances have been proposed. The necessity of normative consolidation of the concept of "by-product" has been

substantiated, along with criteria for its differentiation from production and consumption waste. It has been established that the current legal regime of waste is restrictive in nature, based on a permissive type of regulation, which complicates their use. At the same time, the legal regime of by-products, despite its potentially permissive nature, lacks clear normative regulation. The author proposes amendments to the normative regulation aimed at eliminating gaps and stimulating the involvement of production and consumption waste into economic circulation.

Keywords: environmental law, legal qualification of substances, economic turnover of substances, general permissive procedure, permissive type of regulation, secondary raw materials, secondary resources, by-product, wastes, legal regime

References (transliterated)

1. Alekseev S.S. Teoriya prava: monografiya. M.: BEK, 1995. 320 s. EDN: RLSTNL.
2. Alekseev S.S. Spetsial'nye voprosy pravovedeniya. Tom 2. M.: Statut, 2010. 471 s.
3. Belyaeva G.S. K voprosu o klassifikatsii pravovykh rezhimov // Aktual'nye problemy rossiiskogo prava. 2012. № 2. S. 4-10. URL:
https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=61902
4. Bogolyubov S.A. Razvitie ekologicheskogo prava na evraziiskom prostranstve: monografiya. M.: INFRA-M, 2020. 420 s.
5. Volkov G.A. Urovni normativnogo regulirovaniya ekologicheskikh otnoshenii // Ekologicheskoe pravo. 2018. № 6. Rezhim dostupa: "Konsul'tant Plyus". EDN: VOMLDB.
6. Dolgushin A.B. Instrumenty ekonomiki zamknutogo tsikla v rossiiskom zakonodatel'stve // Ekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii. 2023. № 3 (77). S. 93-103. DOI: 10.37930/1990-9780-2023-3-77-93-103. EDN: WNKOQX.
7. Klyukanova L.G. Interpretativnye kharakteristiki rossiiskogo ekologicheskogo prava. Rezhim dostupa: "Konsul'tant Plyus".
8. Kurakin A.V., Elbaeva N.A., Kozyreva Yu.N., Kalinina Yu.V. K voprosu o predmete ekologicheskogo prava // Sovremennoe pravo. 2024. № 2. Rezhim dostupa: "Konsul'tant Plyus".
9. Mal'ko A.V. Pravovoi rezhim kak obshchepravovaya kategoriya: problemy teorii i praktiki // Pravovye rezhimy: aktual'nye obshcheteoreticheskie i konstitutsionno-pravovye problemy: monografiya / pod red. N.A. Frolovoi, V.Yu. Panchenko. Krasnoyarsk: SFU, 2016. 272 s.
10. Mal'ko A.V. Stimuly i ograniceniya v prave: teoretiko-informatsionnyi aspekt [Tekst]: dis. ... d-ra yurid. nauk: 12.00.01 / A.V. Mal'ko. Saratov, 1995. 362 s. EDN: NLIOYJ.
11. Mal'ko A.V. O neobkhodimosti teorii zapretov v prave / Zapretы v prave i v pravovoi politike: obshcheteoreticheskii i otrslevye aspekty / pod red. A.V. Mal'ko. M.: RIOR: INFRA-M, 2020. 377 s.
12. Misnik G.A. Samostoyatel'naya utilizatsiya otkhodov: ugrozy okruzhayushchei srede kak sledstvie pravovoi neopredelennosti. Rezhim dostupa: "Konsul'tant Plyus".
13. Shakirova D.I. Pravovaya okhrana okruzhayushchei sredi posredstvom tekhnicheskikh reglamentov [Tekst]: diss. ... kand. yurid. nauk: 12.00.06 / D.I. Shakirova. M., 2018. 185 s. EDN: UBCHTR.

Administrative liability for offenses in the field of historical memory protection in the Russian Federation and the Republic

of Belarus

Denisov Yurii Petrovich

PhD in Politics

Associate Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law, Siberian Law University

644048, Russia, Omsk region, Omsk, 48 K. Marx Ave., sq. 60

 yurden1984@yandex.ru



Abstract. The subject of the research is the social relations that develop in the field of the protection of historical memory in the Russian Federation and the Republic of Belarus. The focus of the study is on the norms of administrative legislation of the two countries that establish administrative responsibility for offenses that encroach upon historical memory. The author conducts a comparative legal study of the norms of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation dated December 30, 2001, No. 195-FZ, and the Code of Administrative Offenses of the Republic of Belarus dated January 6, 2021, No. 91-Z, which establish liability for offenses in the field of protection of historical memory. Special attention is given to the analysis of the norms regulating administrative liability for propaganda and public demonstration of Nazi symbols and attributes, for offenses in the field of protecting material historical and cultural heritage, and for the denial and distortion of historical truth about the Great Patriotic War. The research is based on a systematic approach. The key method of the study is comparative legal analysis, which enables the comparison of legal norms regulating liability for administrative offenses in Russia and Belarus and identifies their common features and differences. Alongside this, formal-logical and historical-legal methods were also employed. The novelty of the research lies in that the author identifies a whole set of norms in the administrative legislation of the Russian Federation and the Republic of Belarus establishing liability for administrative offenses in the field of the protection of historical memory. However, the author also discovers noticeable differences in the legislation of the two countries related to the administrative and legal regulation of the area of interest. In particular, Belarusian administrative legislation reflects a trend towards isolating administrative responsibility for offenses that encroach upon historical memory. In contrast, in the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation, the compositions of administrative offenses in the area of protection of historical memory are dispersed. At the same time, the author concludes that in the trends of improving the institution of administrative responsibility in the Russian Federation, there is a clear orientation towards the protection not only of the material historical and cultural heritage of the peoples of Russia but also of its spiritual and moral foundation, which forms the basis of a common Russian civil identity.

Keywords: public legal transformations, traditional values, memory protection, comparative legal research, historical policy, administrative offenses, memorial legislation, historical memory, public administration, administrative liability

References (transliterated)

1. Frank S. L. Religiozno-istoricheskii smysl russkoi revolyutsii // Problemy russkogo religioznogo soznaniya. – SPb.: Nauka, 1996. – S. 286–325.
2. Kobzar'-Frolova M. N. Fenomen otvetstvennosti: pravovaya priroda, yuridicheskaya otvetstvennost', administrativnaya otvetstvennost' (tezisy) // Aktual'nye problemy administrativnogo i administrativno-protsessual'nogo prava (Sorokinskie chteniya)

- [Elektronnyi resurs]: sbornik statei po materialam mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, 21 marta 2025 goda / pod obshch. red. d-ra yurid. nauk, prof. A. I. Kaplunova; sost.: N. A. Kulakov, N. M. Kramarenko, R. M. Stepkin, K. A. Shulikov. – Elektron. dan. (6,77 Mb). – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskii universitet MVD Rossii, 2025. – S. 359–368. EDN: YKFLBL
3. Bakhrakh D. N. Sovetskoe zakonodatel'stvo ob administrativnoi otvetstvennosti. – Perm', 1969. – 344 s.
 4. Toshchenko Zh. T. Istoricheskoe soznanie i istoricheskaya pamyat'. Analiz sovremennoi sostoyaniya // Novaya i noveishaya istoriya. – 2000. – № 4. – S. 3–14. EDN: RGEDNB
 5. Kulikova S. A., Kirnosov I. D. Okhrana istoricheskoi pamyati kak institut konstitutsionnogo prava: rossiiskii i zarubezhnyi opty // Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Ekonomika. Upravlenie. Pravo. – 2022. – T. 22, vyp. 1. – S. 65–72. DOI: 10.18500/1994-2540-2022-22-1-65-72 EDN: LMNEVU
 6. Soldatova O. N., Prannik T. A. Istoricheskaya pamyat' kak vazhneishii element konstitutsionnogo stroitel'stva v Respublike Belarus' // Sbornik trudov Odinnadtsatoi mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii "Razvitiye teorii i praktiki upravleniya sotsial'nymi i ekonomiceskimi sistemami" (Petropavlovsk-Kamchatskii, 26–27 maya 2022 goda). – Petropavlovsk-Kamchatskii: KamchatGTU, 2022. – S. 13–18. EDN: RITWEB
 7. Osintsev D. V. Prestupnaya protivopravnost' ili opasnyi prostupok // Rossiiskii yuridicheskii zhurnal. – 2024. – № 3. – S. 100–110. DOI: 10.34076/20713797_2024_3_100 EDN: SWFCCW
 8. Kul'nev A. S. Konstitutsionnoe pravo i politicheskii realizm: negativnaya teoriya svobody slova // Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo. – 2024. – № 4. – S. 2–8.
 9. Pankova O. V. Tendentsii razvitiya zakonodatel'stva ob administrativnoi otvetstvennosti v Rossii v sovremennyi period // Administrativnoe pravo i protsess. – 2023. – № 7. – S. 60–65. DOI: 10.18572/2071-1166-2023-7-60-65 EDN: LFIVLF
 10. Skorobogatov A. V., Skorobogatova A. I. Pravo na istoricheskuyu pamyat' v sisteme prav cheloveka // Prolog: zhurnal o prave. – 2024. – № 2. – S. 7–18. DOI: 10.21639/2313-6715.2024.2.1 EDN: VUYRHT

Revisiting the Concept of State Sovereignty in the Context of the Transformation of Modern Constitutionalism: From Absolute Sovereignty to "Shared" Sovereignty

Poyarkov Sergei Yur'evich

PhD in Pedagogy

Scientific Secretary, All-Russian Scientific Research Institute of Physico-Technical and Radio Engineering Measurements (FSUE)

140570, Russia, Moscow region, Mendelevо village, VNIIFTRI industrial zone, 11

✉ psu70@bk.ru



Abstract. Modern processes of globalization, regional integration, and digitalization create the need to review established approaches to state sovereignty as a key concept of constitutional law. In the context of the transformation of constitutionalism, the importance of studying the mechanisms of redistribution of sovereign prerogatives among the state, international organizations, and other supranational entities increases. The relevance of the

topic is determined by the search for a legal balance between preserving national sovereignty and the necessity for effective integration into global processes. The subject of the study is the theoretical and legal foundations and institutional manifestations of the transformation of sovereignty in modern constitutionalism. The forms and limits of "shared" sovereignty are analyzed within the context of contemporary public law. Special attention is paid to the interaction of international and national mechanisms for limiting and reformatting sovereignty. The analysis of the legal positions of the highest judicial instances serves as an empirical basis for substantiating the concept of "shared" sovereignty. The methodological foundation of the research consists of the principles of historicism, systemic and institutional analysis, as well as an interdisciplinary approach that combines legal, political, and philosophical perspectives. The study employs general scientific methods of analysis, synthesis, induction, and deduction, as well as specific legal methods, including comparative legal, formal-legal, and constitutional modeling methods. The novelty of the study lies in the identification of the evolution of the concept of sovereignty from its absolute understanding to the model of "shared" sovereignty within the framework of modern constitutionalism. The work offers an author's vision of the relationship between the national and supranational levels of public authority implementation in the context of legal globalization. It concludes that there is a need for doctrinal and normative rethinking of traditional sovereignty, taking into account modern constitutional practices. The research identifies legal risks and challenges associated with the erosion of the limits of sovereign power. It proposes directions for adapting legal systems to new forms of interstate and supranational interaction. The theoretical basis includes both classical doctrines of sovereignty by J. Bodin and T. Hobbes, and contemporary theories of governance, globalization, and transnational constitutionalism, considering the dynamics of modern legal systems.

Keywords: shared sovereignty, legal system, national sovereignty, international law, public authority, supranationality, globalization, constitutionalism, transformation, state sovereignty

References (transliterated)

1. Vasil'ev A.A., Pechatnova Yu.V. Transformatsiya kontseptsii gosudarstvennogo suvereniteta v usloviyakh globalizatsii // Rossiisko-aziatskii pravovoi zhurnal. 2019. № 3. S. 86-89. EDN: REFVGO.
2. Krasner S. D. Building Democracy After Conflict: The Case for Shared Sovereignty // Journal of Democracy. 2005. Vol. 16. № 1. S. 69-83.
3. Matanock A. M. Governance Delegation Agreements: Shared Sovereignty as a Substitute for Limited Statehood // Governance. 2014. Vol. 27. № 4. S. 589-612.
4. Tumanov V.A. Burzhuaznaya pravovaya ideologiya. K kritike uchenii o prave. M.: Nauka, 1971. 384 s.
5. Polenina S.V. Sistema prava i sistema zakonodatel'stva v sovremennykh usloviyakh // Pravovedenie. 1987. № 5. S. 29-37. EDN: TW PVTX.
6. Integratsionnoe pravo v sovremennom mire: sravnitel'no-pravovoe issledovanie: monografiya / otv. red. Kashkin S.Yu. M.: Prospekt, 2015. 416 s.
7. Slaughter A-M. Disaggregated Sovereignty: Towards the Public Accountability of Global Government Networks // Government and Opposition. 2004. Vol. 39. № 2. S. 159-190.
8. Walker N. Constitutionalism and the Incompleteness of Democracy: An Iterative Relationship // Netherlands Journal of Legal Philosophy. 2010. № 3. S. 206-233.
9. Krasner S. D. Abiding Sovereignty // International Political Science Review. 2001. Vol. 22. № 3. S. 229-251.

10. Boden Zh. Shest' knig o gosudarstve / per. s fr. N. A. Khachaturyan // Antologiya mirovoi pravovoi mysli. V 5 t. T. 2. Evropa V-XVII vv. / pod red. N. A. Krasheninnikovoi. M.: Mysl', s. 688-695.
11. Sarkar J. Debating a Post-Westphalian International Order // Mainstream Weekly. 2015. Vol. LIII. № 15.
12. Weiler J. H. H. The Transformation of Europe // The Yale Law Journal. 1991. Vol. 100. № 8. S. 2403-2483.
13. Peters A. Sovereigns as Trustees of Humanity: On the Accountability of States to Foreign Stakeholders // Indiana Journal of Global Legal Studies. 2011. Vol. 18. Iss. 2. S. 517-536.
14. Pernice I. Multilevel Constitutionalism and the Crisis of Democracy in Europe // European Constitutional Law Review. 2015. Vol. 11. Iss. 3. S. 541-562.
15. Zuboff S. The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power. New York: PublicAffairs, 2019.
16. Mikler J. Sharing Sovereignty for Policy Outcomes // Policy and Society. 2011. Vol. 30. Iss. 3. S. 151-160.
17. Lange B., Herlo A., Ibert M. Rethinking Geographies of Sovereignty: Towards a Conceptual Framework of Situated Sovereignty // Geography Compass. 2023. Vol. 17. Iss. 2.
18. Habermas J. Human Rights and Popular Sovereignty: The Liberal and Republican Versions // Ratio Juris. 1994. Vol. 7. Iss. 1. S. 1-13.
19. Moravcsik A. The Choice for Europe: Social Purpose and State Power from Messina to Maastricht. Ithaca NY: Cornell University Press, 1998. 514 p.
20. Cohen J. L. Whose Sovereignty? Empire versus International Law // Ethics & International Affairs. 2004. Vol. 18. Iss. 3. S. 1-24.
21. Sokolova A. A. Problema suvereniteta i osobennosti politicheskoi transformatsii gosudarstva v usloviyakh globalizatsii // Vlast'. 2009. № 12. S. 45-48. EDN: KYVEZP.
22. Sassen S. Territory, Authority, Rights: From Medieval to Global Assemblages. Princeton University Press, 2006.
23. Held D. Democracy and the Global Order: From the Modern State to Cosmopolitan Governance. Stanford University Press, 1995.
24. Vibert F. The Rise of the Unelected: Democracy and the New Separation of Powers. Cambridge University Press, 2007.
25. Krasner S. D. Sovereignty: Organized Hypocrisy. Princeton University Press, 1999.
26. Kumm M. The Cosmopolitan Turn in Constitutionalism: An Integrated Conception of Public Law // Indiana Journal of Global Legal Studies. 2013. Vol. 20. Iss. 2. Art. 4.
27. Sovereignty in Transition. Ed. by Neil Walker. Oxford: Hart Publishing, 2003. XII, 556 pp.